

Начертание жития и деяний Никона Патриарха Московского и Всея России архимандрит Аполлос

Сочинение Новоспасского Первоклассного
Ставропигиального монастыря Архимандрита Аполлоса.

Издание Четвертое, вновь исправленное и дополненное, с
приложением переписки Патриарха с царем Алексием
Михайловичем и важнейших грамот.

Предисловие

Первым побуждением к первому изданию в свет сей книжки были желание любопытных посетителей Воскресенского монастыря знать судьбы знаменитого его основателя и недостаток в подобном сочинении; потому что напечатанное в 1784 году Господином Козодавлевым жизнеописание Никона Патриарха, было, по редкости своей, недоступно, а по слогу, казалось темным, и по направлению, не всегда верным но нередко односторонним. Сочинитель оногo, Клирик Никона, Иван Шушерин был его сострадальцем, в некоторых случаях наводит на себя подозрение в пристрастии. Сверх того, ему неизвестны были многие обстоятельства, утаившиеся от его современников и открытые потомкам в грамотах и других письменных памятниках XVII века.

Когда вышло первое издание моей книжки, я напечатал второе, дополненное и исправленное теми сведениями, какие попадались мне в книгах и рукописях. Теперь, когда сохраненные Правительством от забвения и истребления письменные памятники Русской древности, представляют нам новые источники к исследованию истории, и вместе материалы для жизни Никона, я воспользовался сими пособиями при новом издании своей книжки, посвященной сооруженному сим Иерархом монастырю Нового Иерусалима. В 16 лет своего там Настоятельства, имея всегда пред глазами его гробницу, знаки высокого сана и знаки смирения, я находил для себя услаждение обновлять в памяти своей события из его жизни и невольно увлекался сердечным участием в судьбах Никона пустынника, Патриарха, друга Царева и заточника. История Церкви и Государства не забудет подвигов его ревности о благочестии и православии, ни заслуг отечеству и просвещению народному; а гробница возвещает превратность всего земного; его вериги проявляют смирение и самоотвержение, коими он себя более возвеличил в падении, чем силой воли своей и деятельности в возвышении своем. Такими подвигами сооруженный им земный Иерусалим, как напоминание житии

Спасителя, послужил ему переходом и лестницею к Горнему Иерусалиму, к коему стремилась душа его и в пустыни и в заточении.

Ограничивая себя очерком жизни великого Никона и воспоминанием подвигов его, я не распространялся о том, о чем еще предоставлено Истории исследовать и не принимал на себя решения политических задач Иераршеского его поприща, соприкосновенного Двору и Государству.

В дополнение к жизнеописанию присоединены мной как черты его лица, руки, печати и герба, так равно и некоторые грамоты и письма, кои проявляют дух Никона и дух его века; оне заимствованы мной из древней российской Вивлиофики, из Актов Археографической Экспедиции и из Московского Архива Министерства Иностранных дел, откуда сообщены мне Начальником его Князем М. А. Оболенским.

Никон, шестой от учреждения Патриаршества в России, Патриарх, родился в Мае месяце 1605 года, когда первый Патриарх Московский Иов лишен сана. Родиной его было Нижнего Новгорода село Вельманово, а родителями поселяне Мина и Мариамия. При св. крещении новорожденный наименован Никитою. Вскоре он лишился матери. А когда отец его вступил во второй брак: тогда посторонняя женщина, именем Ксения, из сострадания о сиротстве Никиты и недостаточном состоянии отца его, взяла к себе на воспитание младенца из родительского дома; у ней он и находился до отроческих лет. Потом Никита отдан отцем своим для научения грамоте, и, по счастливому природному дарованию, сделав успех в чтении и письме Славяно-Русского языка, возвратился в дом родительский. Живши там, Никита начал-было забывать все изученное им; однакож, чувствуя в себе природную охоту к духовным книгам и желая служить Богу в смирении, на заре жизни своей начал искус иноческий, вступив в монастырь Преподобного Макария Желтоводского, и там, под руководством одного благочестивого Иерея Анании, в иночестве Антония, упражнялся в церковных и монастырских службах, особенно прилежал к изучению Священного Писания. Такое упражнение поселило в нем склонность к Духовному званию до

того, что отец его, под разными предложениями вызывавший к себе в дом юношу из монастыря, никак не мог отвлечь его от монашеской жизни. Призвание его на путь подвижничества и чиноначалия оправдало предсказание благочестивого его наставника Анании, который обещал ему Патриаршество, и предсказание одного Мордвина, который при встрече с ним воскликнул: *ты будешь или Царь, или Патриарх!*¹. Но когда Никита закрыл глаза родителю, удрученному болезнями: тогда еще более познав ничтожность человеческую, он, по первоначальному влечению к пустынножительству, решился оставить мир и снова идти в тот же монастырь и предаться любимому уединению, составлявшему покой души его; однакож в последствии, убежденный неотступными просьбами и советами родственников, сочетался браком с предложенной ему невестой. Потеря трех малолетних детей и внутреннее влечение заставили его переменить мирское звание на духовное. Сыскав в одном приходе праздное причетническое место, Никита определился к оному, и вскоре к тому же приходу посвящен во Иерея, на 20 году от рождения, а чрез несколько времени перешел в Москву, по убеждению Московских купцов, знавших его в Макарьевском монастыре.

После десяти лет своего супружества, он принял безчадие свое за призвание на предъизбранное им поприще, согласился с супругой своею разлучиться, убедив ее идти в монастырь, и по желанию ея, поместив в Московский Алексеевский женский, где она, спустя несколько времени, постриженная, скончалась и погребена; сам же он отшел на Белое море близ Соловецкого острова в Анзерский скит², если только можно назвать сим именем разбросанные в дальнем разстоянии хижины, необнесенные оградой. Монахи видались там друг с другом только во время церковного Богослужения, и питались подаянием от рыбаков, которые с твердой земли присылали, или привозили им скудную пищу. Тут-то поселился Никита, дабы вести самую строгую монашескую жизнь. Там-то в безмолвной келье, при шуме волн морских, в часы глубокой ночи переносился он в небесные селения от земли, где все скоротечные радости сопровождаются неизбежными горестями

и утратами. Там-то первоначально сей постник и затворник оставил следы своих подвигов для иноков, которые из его примера научались духовным доблестям; и потому начальник и основатель сего скита, Преподобный Елеазар, постриг Никиту в монашество и наименовал Никоном. Тогда была церковь на острове трех-саженная³, деревянная. Монахи, жившие здесь, давно имели желание соорудить, вместо оной, каменную; для сего начальник Елеазар и Никон отправились в Москву; но, возвратясь из оной с собранной милостыней, вопреки советам Никона, долго не употребляли ее на построение церкви⁴. Несколько лет провел Никон в сем далеком от сует мирских и пустынном убежище, где, вместо стен, одно море и благочестие служили оградой; но некоторые неудовольствия, случившиеся между Никоном и Преподобным Елеазаром, также упреки Никона братиям в сребролюбии—как повествует описатель Никонова жития—были причинами удаления его в 1635 году из этой пустыни. В то время монашествующие могли еще переходить из монастыря в монастырь по своей воле, могли жить, где хотели. Никон, проезжая из Анзерского скита морем на утлой ладье для избрания себе удобнейшего места к препровождению монашеской жизни, едва не погиб от сильной бури, и только упованием на силу честного и Животворящего Креста Господня спасся от потопления пред Онежским устьем; пристал к Кию острову⁵, где, в память своего спасения, водрузил тогда крест, с тем намерением, чтобы со временем там построить хотя малую церковь, или монастырь. Потом оставив сие место, он продолжал путь свой до Кожеезерской пустыни, находящейся на озере Коже⁶; пробыв в ней несколько времени, он возлюбил сие уединенное место, и там принятый в число братии, начал жить по правилам⁷ Анзерского скита; удалился на ближайший остров, построил там себе келью, питался рыбой своей ловли, ходил в монастырь только для отправления, или слушания Божией службы, и проводил все прочее время в уединении и Богомыслии.

Столь строгая жизнь внушила к нему уважение тамошних его сотрудников; по кончине Игумена сей пустыни, Никон избран был на его место, и по прошению братии, посвящен во Игумена

Авфонием, Митрополитом Новгородским, 1643 года. Чрез три года после сего, именно 1646, случилось быть ему в Москве для монастырских надобностей, и предстать Царю Алексею Михайловичу. Благодетельный и благоразумный Государь, наслышась о строгой подвижнической жизни Кожеезерского Игумена и находя в нем великий ум, соединенный с природным красноречием, повелел Патриарху Иосифу посвятить его во Архимандрита Московского Новоспасского монастыря.

Этот сан и место открыли Никону обширное поприще для его дарований и деятельности, а необычайная милость Царская отличала между всеми нового Архимандрита. Он устроил Новоспасский монастырь, склонив и самого Царя к украшению сей обители, где хранился прах его предков. Государь, дабы чаще иметь случай видеть Новоспасского Архимандрита и беседовать с ним, повелел ему в каждый пяток приезжать к утрени в придворную церковь. Никон часто пользовался сим случаем к защищению утесненных, обиженных вдов и сирот, представляя их нужды Государю. Такие ходатайства и ходатай столь были угодны Царю, что он препоручил Никону принимать прошения от просителей, удрученных бедностью и насилием, и по оным докладывать себе. От сего Никон прославился во всей столице. Многие, приходя к нему в монастырь, а иные, сретая его на пути в чертоги Царские, подавали ему просьбы; человеколюбивый Монарх, после утрени, не выходя из церкви, выслушивал их и передавал с решением Никону для исполнения. Но сей благодетель бедных и страждущих, по истечении трех лет своего настоятельства в Новоспасском монастыре, должен был оставить Москву. Провидение Божие, руководствующее каждого на пути спасения, возвело Никона на высшее место его назначения; ибо сам Государь видел в нем ревность к Церкви, познание и проницательность в делах не только духовных, но и гражданских. В 1648 году Никон облечен в сан Митрополита Новгородского Иерусалимским Патриархом Паисием, на место Митрополита Авфония, по преклонности лет своих и глубокой старости отшедшего на безмолвие в Спасов Хутын монастырь.

Авфоний, Иерарх, исполненный благочестия и святости, предрек Никону Патриаршество при самом вступлении его на вверенную ему паству. Чрезвычайная доверенность Царя к Никону сопровождала его в Новгород; ибо суду его не только должны были подлежать все дела духовные, какие могли касаться до лиц монашествующих и священнослужителей, но поручено иметь ему надзор за Градоправителем и судьями, входить в производство судебных дел, наблюдать, чтобы никому не было обид и утеснения. Также дана была ему власть осматривать темницы, изследывать причины заключения узников, и смотря по их винам и раскаянию, освобождать их от заточения и наказания, на какое иногда осуждаются и невинные, по одному ложному подозрению; и обо всем этом доносить Государю. В необычайную дороговизну хлеба, когда народ, томившийся голодом, безпрестанно стекался к Никону толпами для испрошения помощи, Архипастырь, не щадя ни хлеба, ни денег, учредил в своем доме еженедельную раздачу милостыни по воскресеньям деньгами, а ежедневно хлебом; во время же самого голода в Новгороде, по случаю неурожая в хлебе, каждодневно кормил неимущих граждан по сту и более человек, а для бедных, престарелых, вдов и сирот устроил четыре богадельни. Испросив у Государя им пропитание, он сам часто посещал нищепитательницы и темницы, там проводил, по несколько часов, в беседах утешительных и назидательных для несчастных. Государь вел с ним частую переписку, и каждую зиму приглашал его в Москву для свидания и совещания о Государственных и церковных делах, оттуда Никон всегда возвращался с новыми знаками Царского благоволения и доверенности. Из современников его в России тогда не было Иерарха, которого бы можно было предпочесть Никону в даровании, в превосходном уме, в добродетелях и Пастырском попечении о благе Церкви. Мудрые его беседы услаждали Царя и народ. Он первый в тогдашнее время начал истреблять укоровившийся в церквах обычай, читать и петь поспешно, вместе и во многие голоса; ибо кафизмы и каноны за всеющной, а на литургии ектении и возгласы сливались с пением клира; посему уставил он чтения в один только голос; и

пение Греческое, Киевское, певческое партесное, применяясь к древним напевам; ввел благолепие в священных одеяниях и утварях, чтобы сделать священное и церковное служение достойным высокого назначения; приучал священно и церковнослужителей к сохранению благоприличия, и сам Божественную службу совершал с отличным благоговением. Одаренный от природы силой и увлекательностью слова, напитанный чтением Св. Писания и Отцев, он по Воскресным дням и праздникам, при совершении Божественной литургии, всегда сказывал поучения, кои охотно стекались многие слушать, даже из самых дальних мест, и часто слушали со слезами. Государь, узнав об этом, очень радовался. И когда Никон приезжал из Новгорода в Москву, всякой раз приглашаем был на служение ко Двору, и в придворной церкви с новыми своими певчими и по новому порядку чтения служил в присутствии самого Государя, который находил удовольствие слушать партесное пение и одобрял благочиние в отправлении Богослужения. Патриарху Иосифу однакож неприятными казались как новизны сии, так, может быть, и данное Никону полномочие. Он изъявил даже неудовольствие и в слух приверженцев своих, которые употребляли во зло его доверенность, а наипаче при печатании Псалтиря, Кормчей и Катихизиса, искаженных грубыми ошибками и произвольными их толкованиями.

Новое бедствие в Новгороде вызвало Никона на новый подвиг самоотвержения. Боярин Морозов, свояк Царя, бывший за два года перед тем причиной бунта в Москве, в 1650 году подал повод к мятежу и в Новгороде. Один из посадских людей возмутил чернь против Немецких купцов, как друзей и лазутчиков Морозова; народ напал на них и ограбил. Воевода Новгородский Князь Хилков тщетно старался успокоить мятежников; они не только не послушали, но и хотели убить его, как изменника. Устрашенный Воевода по городской стене прошел в Митрополичий двор. „Идем туда“—закричали бунтовщики—„убьем там предателя!“ Вооруженные камнями и дубинами устремились они к Архиерейскому Дому. Скрыв Воеводу во внутренних своих покоях, Никон приказывает крепко

запереть ворота своего дома. Но мятежники ударили в набат, окружили домъ—выламывают ворота, допрашивают служителей, где воевода? и требуют выдачи его. Неустрашимый Никон выходит из палат своих к мятежникам, и с Ангельской кротостью говорит им: „Любезные дети! за чем пришли ко мне с оружием? Я всегда был с вами, и теперь не скрываюсь. Я пастырь ваш, и готов положить за вас душу свою.“—Но неистовый народ закричал в один голос: „Он изменник! он защищает изменников;“—и с зверской лютостию бросаюсь на великодушного Иерарха, начали без пощады бить его дубьем и камнями. Никон на верное лишился бы жизни при сем несчастном случае, еслибы убийцы, почитая его мертвым, сами не ужаснулись и с мучением совести не разошлись по домам своим. Дворовые служители отнесли Никона в келью почти бездыханного. Не смотря на крайнюю слабость свою, он пришедши в чувство, ни о чем ином не помышлял, как об усмирении мятежного народа, о восстановлении законного порядка и об избавлении невинных от напрасной гибели; собрал Духовенство, исповедался, и таким образом приготовясь к смерти, велел вести себя на санях к Земской и Таможенной избам, в которых находились мятежники; кровь текла у него изо рта и ушей⁸. Приказав себя поднять, и собравшись с силами, Никон возгласил: „Дети! я всегда проповедывал правду без страха, а теперь еще дерзновеннее возведу ее. Ничто земное не устрашает меня, я укрепился Святыми Тайнами и готов умереть; я, как пастырь, пришел спасти вас от духа вражды и несогласия; успокойтесь, и лишите меня жизни, если знаете какую либо вину, или неправду мой против Царя и Государства! Я готов умереть с радостью; но обратитесь к вере и повиновению!“ Сими словами пораженные мятежники разошлись; дерзновенные от страха и стыда не смели возвести взоров на Иерарха. Никон поехал в Соборную церковь, и там в присутствии многочисленного народа предал анафеме начальников возмущения.

Мятежники в страхе и отчаянии своем решились-было отдать сначала город во владение Швеции; потом, переменив сие намерение, избрали себе в воеводы Митрополичьего дворецкого Ивана Жеглова, скованного в железы за его вину;

учредили по дорогам стражу, чтобы пресечь сообщение с Москвою. Никон, для предупреждения Государя и для принятия нужных мер предосторожности, отправил к нему донесение с нарочным, которому тайными путями удалось пробраться до Столицы; сам же спокойно выжидал окончания бури. Между тем неистовство мятежников мало по малу утихало; они толпами приходили к Митрополиту просить его об исходатайствовании милости Царской. Когда умы народа были в таком расположении, посланный, возвратясь в Новгород, привез от Государя две грамоты: первую к Митрополиту, в которой Царь за сии ревностные и доблественные услуги человечеству и отечеству назвал его *новым страстотерпцем и мучеником*; а вторую в Земскую избу, ко всему народу Новгородскому. В особой грамоте повелевалось мятежникам немедленно выдать Никону зачинщиков мятежа, и просить помилования у своего Пастыря. Все с рыданием раскаялись и с сокрушением сердца молили Митрополита о прощении в содеянном ими преступлении.

Добрый Пастырь принял их незлобиво, как чад, возвратившихся от буйства к повиновению, оплакал вместе с ними прежнее их заблуждение; беседовал к народу целые три часа от Священного Писания, снял с него анафему и, кроме зачинщиков бунта, Волка и Жеглова, не только простил прочих виновных, но еще ходатайствовал за них у Государя. Таким самопожертвованием и великодушием он возстановил в Новгороде мир и спокойствие. Среди подвигов управления Никон не престававал заниматься распространением средств к духовному просвещению.

В том же 1650 году завел он в Хутыне монастыре Типографию, в коей напечатана была одна только книга, под названием: *Диоптра жизни человеческой*⁹. Заведение сие, по случаю отбытия Никонова из Новгорода в Москву, оставлено¹⁰; ибо в конце 1651 года Государь позвал Митрополита к себе, желая лично изъявить ему Монаршую признательность за укрощение Новгородского бунта.

В сие время, в монастыре Святого Саввы Звенигородского назначено было открытие мощей угодника Божия Преподобного

Саввы, скончавшегося 1407 года. Государь повелел Никону отправиться туда с Святейшим Патриархом Иосифом 16 Января, 1652 года; а вслед за ними и сам прибыл со многими вельможами. Открытие мощей совершено 19 Января, с великим торжеством по церковному обряду, Святейшим Патриархом Иосифом и Митрополитом Никоном с прочим Духовенством, в присутствии Государя, многих бояр и разных сословий, к особенной радости Монарха и народа.

После сего Государь, угостив в монастыре Духовенство, вельмож и простой народ, отправился в Москву, а за ним Патриарх с Духовенством¹¹. Случай сей и высокие милости Монаршия к Никону родили в нем смелость советовать¹² и просить Государя о перенесении из Соловецкого монастыря в Москву мощей Святого Филиппа, Митрополита Московского¹³, а из Старицкого монастыря тела Святейшего Патриарха Иова¹⁴. В то же время предложил он переставить гробницу доблестного Иерарха Гермогена из Чудова монастыря в Успенский Собор. В сем Первопрестольном храме желая соединить великих Святильников Российской Церкви и ревнителей по вере и отечеству, он представлял в пример Царя Феодосия, который перенесением из Коман святых мощей Иоанна Златоустого соделал имя свое в Церкви незабвенным, а матери своей Евдоксии, виновнице изгнания, заточения и преждевременной кончины Святителя, исходатайствовал прощение. Монарх, с сердечным утешением выслушав сие умиленное для сердца своего моление Никона, тогдаж изъявил ему не только свое согласие, но и открыл, что Святитель Филипп несколько раз являлся ему во сне и говорил: „Я долго лежу в далеке от гробниц собратий моих Митрополитов, пошли за мной и перенеси меня в их среду“¹⁵. Потом Царь присовокупил: „Давно уже имею желание мощи Святого Филиппа оттуда взять, и перенести в Успенский Собор.“ И тогда ж 20 Марта был Духовный Собор, на коем присутствовали Святейший Патриарх Иосиф с Митрополитами, Архиепископами, находившимися тогда в Москве, и знатнейшим Духовенством. Государь объявил Собору свое желание перенести мощи Святителя Филиппа, Митрополита Московского, и тела Святейших Патриархов Иова

и Гермогена, чтобы они получили место с гробницами Митрополитов и Патриархов, в большом Успенском Соборе почивающих. И как священному Собору угодно было сие благочестивое желание Государя: то Собор не только изъявил свое согласие, но и со слезами радости благодарил Монарха за святую его любовь и веру к памяти Святых Российских Иерархов. Почему весь Собор просил Государя „исполнить сие благое его предприятие, яко же восхощет.“ Тогда же из Чудова монастыря торжественно перенесено в Первопрестольный храм тело Святителя Гермогена и поставлено поверх земли, подле медного шатра ризы Господней; а в Старицу за мощами Святейшего Патриарха Иова отправлен Варлаам Митрополит Ростовский и Ярославский, со многочисленной свитой духовных и светских лиц. Посланные довольно в скорое время возвратились к Москве с телом Святителя, которое встречено у столицы Митрополитом Казанским и Свияжским Корнилием, и Архиепископом Рязанским и Муромским Мисаилом и знатнейшими Боярами, а в самой Москве в Страстном Девичьем монастыре и сам Государь встретил оное, с Святейшим Патриархом Иосифом при многочисленном стечении народа. Сие происходило 8-го Апреля тогоже года.

За мощами же Святителя Филиппа Государь назначил Митрополита Никона, как постриженника Соловецкой Обители (где восприял иноческий чин и сам Филипп), с нарочитой свитой духовных и светских лиц, известных лично Государю, в числе коих находились Болярин Князь Хованский и известный Дьяк Леонтьев с придворным штатом. Для прочтения при всем народе пред мощами Святителя Филиппа, от лица своего Царь вручил Никону грамоту, написанную в подражание молитвенного послания, какое некогда Греческий Царь Феодосий писал к мощам Свят. Иоанна Златоуста, когда заблагоразсудил их перенести из Коман. Сия любопытная грамота Царя была следующего содержания:

Первое: „Христову подражателю, Небесному жителю, вышеестественному и безплотному Ангелу, преизящному и премудрому духовному учителю, нашему Пастырю же и молитвеннику, Великому Господину, Отцу Отцем,

Преосвященному Филиппу, Митрополиту Московскому и всея России. По благословению Вседержителя Христа Бога, Царь Алексей; чадо твое, за молитвы Святых ми здравствуем. Ничтоже ми тако печаль души творит, Пресвятый Владыко, яко же не быти тебе Богохранимого Царствующего нашего Града Москвы во святей, велицей и преименитой Соборной Апостольской Церкви, Пресвятые, Чистые и Преблагословенные Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии, Святого Ея Успения, наполняюща места с прежде бывшими тебе и по тебе Святители; яко дабы купно ваших ради молитв, Святая Соборная Церковь и яже о Христе вера, еуже спасаемся, пребывала выну неподвижна, и стадо ваша Святительские паствы ненаветно от всех пагубных волков. Не бо и мы своею силою, или многооружным воинством укрепляемся; но Божиею помощию и вашими святыми молитвами вся нам на пользу строятся.“

Второе: „И приити тебе желаю семо, еже разрешити согрешение Прадеда нашего Царя и Великого Князя Иоанна, нанесенное на тя несправедливо завистию, и неумеренным гневом, и еже на него твое негодование, аки общники и нас творит злобы его, яко же пишется. Терпчины бо родительские оскомины чадом различны творят; обаче превратися от Бога, се рече Пророком, не быти тако глагол сей; но ядшему терпкая, тому и зубом быти оскомины.“

„Аще и невиновен есмь досаждения твоего, но гроб прадедний присно убеждает мя и в жалость приводит, спослушествующе и описанному житию и страданию твоему; совести моей, яко от того изгнания и до днесь лишаемы твоя Святительские паствы Царствующий град. И сего ради преклоняю сан свой Царский за оного же в тя согрешившего, да оставиши ему согрешения его, своим к нам пришествием, да подаси тому прощение, даже от сего и поношение на него о твоём изгнании упразднится, и вси вознепшуют, яко мирну ти сущу к нему, за благодать твою, еже к нам твоего пришествия, вкупе и бытия во Святой Апостольской Церкви.“

„Сего ради тя молю о сем, Священная Главо, и честь моего царства твоим преклоняю честным мощам, и повиную к твоему

молению всю мой власть, да пришед простиши, иже ты оскорби по направству раскаяся бо о содеянном и он тогда, и за того покаяние к тебе, и нашего ради прошения, прииди к нам Святый Владыко; исправися бо тобой и Евангельский глагол, за него же ты пострада, за еже всяко царство раздельшися на ся не станет, и нет пререкающего ти глаголати о свидениях Господних, и благодать Божия в твоей пастве, да молитв Святых ти, в нашем царстве присно изобильствует, и несть уже днесь в твоей пастве некоторого разделения; аще убо было, не бы стояло доселе разделения ради. Но ныне вси единомысленно просим тя, даруй себе желающим тя, прииди с миром во свояси, и свои тя с любовью примут, и не вмени се искус некий быти, или ино что; яже нами посылаемо моление, веси бо, освященный Верше, воистинную, яко чужда нам сия. Тем же и уповаем на Господа прияти тя скоро и облобызати яже нами уповаемые честные мощи.“

У той грамоты подписано собственной его Государевой рукою: „О священное Главо, Святый Владыко Филиппе, паству нашу! молим тя, не презри нашего грешного моления, прииди к нам с миром! Царь Алексей желаю видети тя и поклониться мощам святым.“

С таковым посланием сначала по суку, потом по водам Белого моря, Никон отправился в Соловецкий монастырь в том же месяце, и Июня 3-го туда прибыл. Когда подняты были с места покоя святые мощи Святителя Филиппа, сопровождавший их Никон сначала посетил Кий остров и устье Онеги, а оттоле отправился в обитель Белозерскую, извещая постепенно Царя о своем шествии. Оно продолжалось из Белозерской обители водой до Ярославля, а из Ярославля сушею в Троицкую Лавру, где 6 Июля, для сретения находились уже Корнилий, Митрополит Казанский и Маркелл, Архиепископ Вологодский с присланными Архимандритами, Игуменами и прочим духовенством. Отсюда 9 Июля, 1652 года принесены мощи Святителя Филиппа в Москву. Никон же, по повелению Государя, из Лавры прибыл в Москву прежде; ибо в сие время не был Патриарх Иосиф живых. Приглашая к себе Никона

дружественным посланием, Царь называл его *великим солнцем сияющим*¹⁶, *возлюбленным любимцем и содружебником*.

По прибытии ж его в Столицу, Государь Митрополиту Ростовскому Варлааму, бывшему тогда блюстителем Патриаршего Престола, повелел назначить Собор, на котором положено было избрать Никона, как старейшего тогда из всех Иерархов, первым кандидатом, а с ним двух Иеромонахов, из коих вторым кандидатом был Юнгинского Спасского Козмодемьянского монастыря Иеромонах Антоний, прежний наставник Никона бельца и отец Митрополита Илариона, известный самому Государю по добродетельной жизни. Хотя и пал жребий на Антония; но сей, будучи дряхлый старец, открекся от Патриаршего сана. Когда же Собор со всем духовенством стал просить Никона, принять жезл патриаршества: он, зная, что окружавшие Патриарха Иосифа и сильная сторона в Духовенстве смотрели на него с неприятностию, не склонялся на все убеждения Собора; но Государь, находя его себе необходимым, и по делам Государственным нужным, сам назначил его Патриархом. Никон, как бы предчувствуя будущее свое несчастье, упорно отрекался от Патриаршества. Ему также было известно, что и многие бояре не желали видеть его на первосвятительском престоле, и смотрели на него уже, как на презрителя старины Русской, за сближение с Восточной Церковью; но Государь заклинал Никона не оставлять Церкви в сиротстве и без пастыря, потому что за нечаянной смерти местоблюстителя, Митрополита Ростовского, Патриаршая кафедра осталась праздною; почему в Успенском Соборе пред мощами Святителя Филиппа, со всем Синклитом и Собором Алексий убеждал Никона принять жезл Патриаршеский; и когда при таком молении Никон решился исполнить волю Цареву, тогда, обратясь к боярам и народу, спросил: „Будут ли почитать его, как Архипастыря и отца, и дадут ли ему устроить церковные дела.“? И услышав клятву, изъявил согласие на принятие высокого сана, к общей радости Царя, Собора и народа. Это было 22 Июля; а на другой день он наречен Патриархом

Московским; а 25-го в оный сан посвящен в Московском Успенском Соборе, Казанским Митрополитом Корнилием¹⁷.

Высокий сан, дружба Государя и любовь народа, повидимому, обещали сему Архипастырю ненарушимое счастье и спокойствие на пастве Московской, где он, еще в сане Архимандрита, был известен, как защитник правосудия и ходатай за обиженных; но устоит ли он в борьбе с предразсудками и страстями людей?

Никон со вступлением на Патриаршеский престол обнаружил еще бóльшую ревность к истине и благу Церкви и Отечества, простерши свое высокое внимание на дела, достойные Пастыря Церкви и Учителя; он искоренял предразсудки и суеверие в народе, начертывал духовные уставы, и в церкви Московские вводил благолепие; любя разные церковные напевы, а наипаче Греческий и Киевский, он имел отличных певчих, и ввел пение в Российской Церкви на Греческом языке¹⁸. Хотя для неблагомыслящих казалось неуместным такое нововведение, и даже дало повод к поношению Патриарха; не смотря на то, оно было одобрено самим Государем, и принято в его придворной Церкви. Стараясь поставить в уважение Священный чин, Святейший Никон, собственным примером строгой жизни внушил всему белому Духовенству иметь бдительный надзор над нравственностью; а для нерадивых был взыскателен, и всякое нарушение церковного чина обуздывал силой своей власти.

Наконец приступил он к проверке с Греческими церковных наших книг, которые всегда были постоянным предметом его забот; ибо Патриарх, с давнего времени упражнясь в чтении книг духовных, замечал, что вкрались многия погрешности в рукописные и печатные Библии и Служебник. При том он вскоре после своего поставления, разбирая утвердительные грамоты Патриарха Иеремии и Собора Греческого, на имя Патриарха Иова, заметил, какому подвергается осуждению всякое нововведение в делах Церковных, вопреки Уставам Святых Отец; прочел в особенности на древнем Греческом саккосе Митрополита Фотия Символ веры, вынизанный жемчугом, и тотъже Символ в новых печатных книгах, и поражен был

несходствами. Тогда убедил он Царя созвать в своих Палатах Собор для решительного совещания об исправлении книг; на сие исправление согласились Митрополиты: Новгородский Макарий, Казанский Корнилий, Ростовский Иона, Крутицкий Сильвестр, Сербский Михаил и Архиепископы: Маркелл Вологодский, Софроний Суздальский, Мисаил Рязанский и Павел Епископ Коломенский, бывший в последствии главой раскола и виной осуждения Никона. Но до сего 1654 года, Никон выписал многия Греческие рукописи из восточных монастырей Афонской и Синайской горы, и других обителей¹⁹ с согласия Патриарха Константинопольского, чрез Арсения Суханова, Сергиева монастыря Келаря, который при отшествии из Москвы Иерусалимского Патриарха Паисия, отправлен был в Св. места, для наблюдения Устава Церковного четырех Вселенских Патриархов; ибо возникали уже разногласия и споры о некоторых обрядах. По сему в Александрии Арсений от Патриарха Иоанникие получил разрешение на многие вопросы, а в Иерусалиме списал подробно весь чин Богослужения Греческого. С Арсением Восточные Патриархи и другие Святители отпустили до 200 рукописей, да сам он собрал около пяти сот древних рукописей Греческих, из коих иные писаны за пять сот, другие за шесть сот и семь сот лет до тогдашнего времени; и одно Евангелие за тысячу пятьдесят лет²⁰. Сии словесные сокровища донныне хранятся в Патриаршей Библиотеке, по большей части, скрепленные рукой Никона по листам. При том он собрал еще в самой России многия древния книги, за 800 лет переведенные с Греческого языка; с ними вместе вытребованы были описи древнейшим рукописям, хранившимся в тридцати девяти монастырях, а в особенности из Троицко-Сергиева, из Кирило-Белоезерского, Волоколамского. Для лучшего же удостоверения, Патриарх воспользовался пришествием в Москву Патриархов, Антиохийского Макария, Сербского Гавриила, и Митрополитов, Никейского Григория и Молдовлахийского Гедеона; таким образом, собрав все предварительные сведения о сих предметах, в 1654 году, он созвал великий Собор, на коем предложил исправить многия грубые неисправности,

вкравшийся от невежества переписчиков и печатников, и усмотренные им в книгах церковных. Таковое исправление многим не понравилось, частью по невежеству, непостигавшему необходимости этой меры частью по упорству, не хотевшему исправления, частью по корыстолюбию. Еще при Иоанне Грозном предлагаемо было, потом возобновлено при Феодоре I, а после Царь Михаил Феодорович находил нужным такое исправление, заметив в уставах и требниках вкравшийся от переписок ошибки; и Патриархи Филарет, Иоасаф и Иосиф действительно старались об исправлении книг. Но окончательный труд требовал больших усилий и людей образованных. Когда же Никон, при котором вышла в свет печатанная при Иосифе Кормчая, нашел во многих частях её грубые ошибки, произвольное толкование, особенно о сложении перстном; тогда, не взирая на возникшие толки и ропот упрямых невежд, прибегнул к древним образцам Греческим и Славянским для исправления книг. Сам Царь, находя необходимым исправление церковных книг, пред отправлением своим в поход против Польского Короля, присутствовал на первом заседании знатнейшего Российского Духовенства; бывшие ж на оном Иерархи, слыша из уст Патриарха не новые жалобы на неисправности и явные ошибки в книгах церковных, немедленно согласились исправить оные с Греческих и старых Славено-Русских харатейных списков. О сем они положили написать к Восточным Патриархам, как для того, чтобы испросить у них древния рукописи, так равно и для того, чтобы с их согласия приступить к сему важному для Церкви делу; для сего нарочно послан в Царь-Град опытный муж Мануил Грек. Патриарх Константинопольский Паисий, по сему случаю, держал собор в Константинополе, и деянием соборным утвердив решение собора Московского, при братском послании, исполненном ревности к православию и пастырской любви, прислал Московскому Святителю одобрение, подписанное многими иерархами, следовать во всем православному писанию восточных учителей, и с оным препроводил Никейский Символ веры для непреложного образца, дабы в оном ни единое слово не было прибавлено или убавлено; а в братском к

нему послании, о чине и таинственном значении Литургии и многих других предметах, убеждал ни в чем не отступать от Устава Константинопольские Церкви; при сем просил он Никона быть снисходительным к тем, которые заблуждались не в существенных догматах веры, но в некоторых только предметах внешних, дабы чрез сие привлечь их в союз Церковный.

Никон, получив сие одобрительное писание от Паисия, прочел оное на соборе и решительно приступил, 1655 года, к исправлению некоторых из книг Церковных, и напечатал прежде всего *Служебник* в Москве, который после того выдавал неоднократно во время своего Патриаршества потом напечатал другия книги и *Скрижаль* о многих предметах догматических, почерпнутых из писаний Св. Отцев, и, по согласно с Царем, велел из всех церквей отобрать старые книги, и, вместо их, дать исправленные. Но когда с поспешностью стали отбирать старые книги: тогда возник ропот народный, коим воспользовались люди неблагомеренные, ненавидевшие Никона. Употребляя во зло невежество неопытных, они называли книги Никона новыми, по времени их явления, и коварно скрывали совершенное их сходство с древними Греческими и Славянскими рукописями, от коих напротив того отступали так называемые старые книги предшествовавших времен. И так это полезное и благое дело было причиной большего смятения и подвергло Никона ненависти и злословию закоснелых читателей старины; они не терпели его за учреждение училищ, в коих обучали по Гречески и по Латине; суеверы обвиняли его в нечестии за то, что он приказал вынести из церквей образа, ставленные там мирянами для особого чествования. –Некоторые Бояре из Польского похода привезли с собой иконы Латинского письма и даже завели в домах органы. Патриарх велел у них отобрать то и другое, а сам громко обличал в соборе сих бояр. Кроме их, уставщики Патриарха Иосифа, пострадавшие за неправильное издание Кормчей, попы Аввакум, Лазарь, Никита, Стефан, Дияконы Григорий и Феодор Нероновы, распространяли в народе клеветы и посеяли расколы, кои не только укоренились в простолюдинах, но и в Духовенстве и в Боярах²¹. Такие препятствия не останавливали Никона в исполнении полезного

намерения. После сего он приступил к преложению с Греческого языка на Славянорусский Св. Евангелия, Апостола и многих церковных и гражданских полезных сочинений, а с Европейских языков, к переводу тогда известных исторических и географических книг. Некоторые из таковых книг, бывшая в его собственной Библиотеке, и доныне хранятся в Московской Синодальной Библиотеке; а некоторые 1675 и в следующем годах забраны из Воскресенского монастыря на Московский книгопечатный двор; остающиеся же и доселе в Воскресенской библиотеке, также достопримечательные своею древностию, все почти скреплены самим Патриархом по листам. Из сих книг, при издании Софийского временника Государственным Канцлером Графом Румянцевым, взят был список Всемирного Хронографа, к которому присоединен сборник, составленный из временника Несторова и его продолжателей, доходящий до 1534 года, также сборник, или нравоучение из книг Соломоновых, писанный 1073 года на пергамене для Великого Князя Святослава. Кроме сих, имеются три Евангелия, Апостол, семь Триодей, Псалтирь, харатейные, писанные уставом за 400 лет, и другия многия. Святославов сборник XI века, как драгоценность древней письменности, из Воскресенского монастыря взят в Патриаршую Библиотеку, где и находится. Книги сии показывают сведение Никона не в одних духовных предметах, но в других науках, а наипаче в Греческом языке. Кроме сего, он сам занимался составлением и изданием разных книг, из коих особенно известны: *Книга Кормчая, Летопись Русская* под именем *Никоновой* в 8 частях, которая есть полнейший свод многих Русских Летописей, *Степенных книг* и *Греческих Хронографов*, *Рай мысленный* при коем приложен и герб Патриарха, *Увещание о созидании крестного Онежского монастыря на Кие Острове*, *Канон молебный о соединении веры православной и молебное пение о умирении Церкви Восточные для убеждения раскольников* *Поучение о моровом поветрии*, коего он был свидетелем, *Правила Св. Апостолов, седми Вселенских, девяти поместных Соборов и Свят. Отец*, которые частию исправлены, частию же переведены; *Скрижаль*, содержащая в себе толкование на Божественную литургию,

составленная, по желанию Царя Алексея Михайловича; *Слово к читателям о крестном изображении Уложение Собора*, бывшего при нем, *Брашно Духовное* сиречь псалмы, молитвы, каноны и пр. собранные им от многих святых книг, зело нужные и душеспасительные, единственно направленные к распространению благочестия. За все сие, как ревностные услуги Церкви и Отечеству, Государь продолжал оказывать Патриарху отличное благоволение и особенную доверенность, и в начале 1654 года, когда открылась война Польская, требовавшая личного присутствия самого Государя: то отправляясь в поход, он препоручил ему сохранение Царской Фамилии. Во время завоевания Смоленска, и с ним 30 городов Белорусских, в Москве и её окрестностях 1653 и 1654 года свирепствовала моровая язва, которая наполнила Столицу трупами, не погребаемыми за недостатком рук. В такой опасности Никон обратил не только все свое внимание на спасение Столицы и Царского Двора; но и успокоил встревоженный народ пастырским окружным посланием, внушая меры предосторожности против заразы. Исполняя долг пастырский, при самом появлении заразы, он убедил Царицу выехать из Москвы со всем Двором, и проводил ее сперва в Сергиеву Лавру, а потом в Колязинский монастырь, откуда в Вязьму. В продолжении сего пути сам ездил вперед для разведывания, не угрожает ли где опасность; почему для сбережения от зараженных, ставил везде крепкие заставы, устроил новые дороги, и очищал зараженный воздух разведением огней в кострах, словом, изыскивал и употреблял все возможные способы для отвращения опасности. Наконец к народу издал он пастырское увещание, в котором убеждал уповать на Бога, принимать нужные предосторожности и не внимать слухам, распускаемым злонамеренными людьми.

1655 года, 10 Февраля, по прекращении моровой язвы, и по уведомлении о сем Государя, Никон имел утешение возвратить ему в Вязьме семейство его невредимым и оттуда отправился в Москву. Государь, прибывши в Столицу, изъявил Патриарху живейшую признательность за сей патриотический подвиг и усердие; а за сохранение Царского дома во время моровой

язвы даровал ему титул Великого Государя, которым именовался только дед Царев Патриарх Филарет, и, не смотря на сопротивление Никона, велел писать во всех актах сей титул²², но в церквах Никон не позволил одного возглашать. При сем Алексей Михайлович пожаловал многия вотчины для Иверского монастыря. Согласие между Царем и Патриархом казалось ненарушимым; а взаимная любовь к нему Государя возрасла до такой степени, что оба они дали взаимную клятву не оставлять друг друга до пределов гроба, и в залог вечного союза Никон был восприемником детей Царских в крещении.

В этом же году окончил Никон строение в Москве каменного Патриаршего дома²³ начатого им же, и введен был с церемонией в Крестовую Палату, где бывали соборы и куда в день Ангела своего Государь прихаживал к Патриарху с именинным пирогом. Там 1656 года он торжественно встречал Царя, возвратившегося победоносцем над Поляками. И там ныне помещается Синодальная Контора с ризницей и библиотекой Патриаршею, которые обогатил Никон драгоценными облачениями, митрами, панагиями и рукописями Греческими, Латинскими и Славянскими.

В следующем году начал он строить близь Москвы в 47 верстах, с Царского дозволения, Воскресенский монастырь. Поводом к сооружению его были частый чрез сие место проезд Патриарха в Иверскую обитель, его же попечением устроенную, и отдохновение в нем от пути.

Не безызвестно, что Никон, исполненный воспоминаниями о пустыне, где он провел лучшие свои годы, в созидании монастыря Иверского подражал расположению Лавры Афонской горы, и особенно тамошнему Иверскому монастырю. Из оногo, по просьбе Никона, бывшего тогда еще Архимандритом Новоспасским, чрез Архимандрита Иверского Афонского монастыря Пахомия, находившегося в Москве, с дозволения Государя, прислал в новостроющуюся сию обитель снимок с чудотворные иконы Иверские Божия Матери. Этот монастырь тогда ж назван Святоезерским; Валдайское озеро –Святым озером, а село Валдай переименовано Богородицким. В разсуждении нового монастыря принял Никон подобное

намерение: при Истре реке представить верное подобие Иерусалимского храма, и в нем гроба Господня. Купив землю и село Воскресенское (ныне обращенное в посад), все окружаемое рекой гористое место выровнял насыпью, с трех сторон выкопал рвы, поверхность оного обнес деревянной оградой с восьмью башнями, и внутри на первый случай соорудил во имя Воскресения Господня теплую деревянную церковь с трапезой и прочими службами. Сия церковь, 1657 года, освящена была им же в присутствии Государя, который, рассматривая избранное для устройства сего монастыря местоположение, сам столько пленился оным, что сказал Патриарху; „Сам Бог изначала определил место сие для обители; оно прекрасно, как Иерусалим.“

Никон же, утешенный столь сладким именем, назвал в угодность Царю всю обитель *Новым Иерусалимом*; а гору, с коей Царь смотрел, *Элеоном* равно и другия многия, близь лежащая места, по примеру находящихся в Палестинском Иерусалиме, получили свое название, напр. иное наименовано *Назаретом*, иное селом *Скудельничим*, иное *Фавором* и *Ермоном*, а иное *Рамою*; река же Истра, окружающая монастырь, *Иорданом*. Тогда ж указано Царем строить большую соборную каменную церковь; но Патриарх имел в виду обширное намерение; он хотел, чтобы этот храм сооружен был во всем сообразно Иерусалимскому. В то время путешествовал в Палестине и по Восточным церквам Келарь Сергиевой Лавры, Иеромонах Арсений Суханов, отправленный еще Патриархом Иосифом 1649 года, 9 Мая, для обозрения и описания чиноположений в Греческих монастырях. Никон предписал ему снять верные планы с Иерусалимской и Вифлеемской церквей; сии планы он привез 1665 года, в Январе месяце. Тогда-то Патриарх и приступил к построению каменной соборной церкви²⁴, в Воскресенском монастыре донныне существующей.

Занимаясь и внешним и внутренним устройением Церкви, Никон ознаменовал свое управление ревностью о благосостоянии дома Господня и о призрении нищих. Первопрестольный храм и Патриарший дом он обогатил купленными им вотчинами, так что первый получал до двадцати

тысяч рублей ежегодного дохода. Для пропитания бедных им устроены в Москве многие Богадельни. Судя по расходным книгам Патриаршего приказа, никто из Патриархов столько не расходовал милостыни нищим, и не делал пособий нуждающимся, сколько Никон. При каждом выходе своем на служение он жаловал их из своих рук деньгами, не забывая и тюремных сидельцев в Черной палате, в тюрьмах на Варварском крестце, в Разбойном и других Приказах. В праздники при посещении темниц, сам наделял колодников и колодниц милостыней и пастырским утешением. Однажды ему случилось ехать в Новоспасский монастырь на поминование Царских родителей; на дороге попались ему саласки с горячими сайками; он остановился купить их и роздал убогим. Нищелюбие его простиралось до того, что он допускал убогих и неимущих в свой столовую палату за праздничные трапезы, коими радушно делился с меньшею братиею Христовой²⁵.

Последуем далее за судьбой Святителя, занятого строением Нового Иерусалима. Для ближайшего надзора за построением церкви Нового Иерусалима, Никон проводил там большую часть времени. Но такие отлучки из Столицы подали случай смутить против Патриарха сердце Государя личным врагам, которые таились при Дворе еще до Патриаршества Никона, а в Патриаршество его еще более ожесточились, видя, какой доверенностию облечен был Никон, особенно во время двухлетнего отсутствия Царя; ибо тогда Государь подчинил ему своего Наместника и Бояр, которые без него не могли решить никакого дела, и должны были каждое утро являться к нему с докладами. При входе в церковь он принимал челобитные, и, по свидетельству очевидца, Арабского писателя, Павла Алеппского, „имел семь палат, в которых сидели семь судей со множеством дьяков и в которые в урочный час сходились Бояре; если же кто опаздывал, то не оставался без замечания.“ На все сие не могли равнодушно смотреть, как в Боярской думе, так и в совете Царском, где он распоряжался властно; даже сама Царица втайне недовольна была такой властью Патриарха. Все это, возбуждив зависть и ненависть первостепенных Бояр, раздражало самолюбие Царских

родственников Морозовых, Милославских, Стрешневых и других, которые под разными предложениями сеяли негодование в народе, подозрение при Дворе. С своей стороны и Никон, по непреклонности своего характера, раздражал умы, действуя самовластно, подобно Патриарху Филарету, отцу Царскому. Притом открылись тайные неудовольствия со стороны Государя, который начал отказывать Никону в свиданиях, уклонялся от частых с ним совещаний, и не бывал в Успенском Соборе, когда там служил Патриарх. Притом Никон казался слишком тягостным и Духовенству, по своей взыскательности за всякое нарушение порядка церковного; ибо, прошедши сам все церковные степени, испытал он все, что может только испытать лице духовное, и показав всюду строгий пример нравственности и благочестия, требовал того же самого и от подчиненных своих. Сверх сего, при посвящении в сан священный, он никого не рукополагал без личного испытания в чтении и пении: что казалось в то время стеснительным. Самое высшее Духовенство роптало на его строгость, а наипаче, когда отрешив от Епархии Павла, Епископа Коломенского, который явно противился исправлению книг, он заключил его в монастырь без суда соборного. Раздраженные сим поступком, в числе коих находились и ближайшие к Патриарху люди, сперва скрывали свое негодование, но после сделались явными недоброжелателями Никона, в особенности Питирим Митрополит Сарский Иларион, Архиепископ Рязанский и Архимандрит Чудовский Иоаким, в последствии Патриарх Московский.

Между тем учрежденный Царем Приказ монастырский мало по малу начинал судить лица духовные и их волости, опираясь на Уложение. Гневно выражался о новом порядке дел Никон, особливо когда и церковные некоторые распоряжения опровергаемы были Государем. Полоцкий Богоявленский монастырь, мимо ведома Патриарха, хотя зависел от его лица, Государем отдан был тогда в управление Каллисту, Епископу Полоцкому. Сверх того, открылись тайные какие-то неудовольствия у Государя с Патриархом, к коим, вероятно, относится и сопротивление Никона желанию Царя расторгнуть

брак свой с Царицею Мариєю Ильиничной²⁶. К довершению оскорбления Царя и раздражения Патриарха, еще одно обстоятельство усилило то и другое: какой-то дворянин, осужденный на смерть за убийство, прибегнул к защите Царского духовника; духовник просил Государя о помиловании; но получив отказ в просьбе, запретил ему причащение Св. Тайнам. Царь жаловался Патриарху, а Никон оправдал решение духовника²⁷. При этом случае главные Бояре и Духовенство, зная раздражительность Никона, питали ее личными оскорблениями, и тем успели поселить остуду в сердце Царя к Патриарху. Никон чувствовал утрату своего прежнего влияния в делах Государственных и Церковных. Когда же один из Царедворцев осмелился назвать его именем свой собаку; тогда оскорбленный Патриарх решился удалиться в новостроющийся Воскресенский монастырь, как бы стыдясь своего унижения в Столице. Таким поступком он обнаружил, что и в самые добродетельные сердца проникает тонкая и едкая ржа греха.

В монастыре добровольный изгнанник находился до нечаянного нашествия Крымских Татар на Россию. Когда хищные Крымцы вторгнулись в Малороссию, чтобы грабить под видом стрелков Витовских и Хмельницкого, потом устремились на Великую Россию: то слух сей обратил мысли Государя к Никону; Царь встревожился опасностью, угрожавшею Патриарху в беззащитном монастыре, послал к нему одного из приближенных к себе вельмож, с предложением на время удалиться в Макариев Колязин монастырь, укрепленный каменной оградой. Но Никон почел это вестию о заточении, отверг Царское предложение и решился ехать в Валдайский, Иверский и Онежский крестные монастыри, где пробыл более года в трудах пустынных. Царь дал свое соизволение на сей отъезд Патриарха, и, при прощании пожаловал ему на путевые издержки две тысячи рублей серебром; сверх сего, особенным указом повелел сопровождать его стрельцам и сотникам для защищения в случае нападения иноверцев; но это были последние искры погасавшей к нему любви Царской. Таковое отдаление Патриарха от Двора родило в нем новое огорчение, не смотря на то, что в сем безмолвии казался он покойным и

проводил там время в трудах иноческих, пустынных. Враги пользовались его отсутствием; наветы и козни умножались и питали более и более неудовольствия против Никона в Царе и при Дворе. Самое это удаление послужило к собственному несчастью Святителя, тем более, что при сих смутных обстоятельствах дела церковные оставались в неустроенном положении. По сему Государь созвал в Столицу собор Российских и бывших в Москве Греческих Епископов, чтобы рассмотреть действия Никона; а к нему решился послать Стольника Пушкика на Белое море, и просить окончательного разрешения на избрание другого на место его Патриарха. Никон, хотя и подтверждал свое отречение; однако же опасался власти неприязненного преемника, и не разрешая приступить к избранию и посвящению его, предоставлял право сие исключительно себе. Он хорошо знал судей своих и ненависть, которую к нему питали. Питирим, Крутицкий Митрополит, старался уверить, что Никон, не дослужив Литургии, оставил престол с клятвой, никогда не возвращаться; в чем несогласен был Михаил, Митрополит Сербский и другие. Один из Греков упрекал Никона в дерзости Амановой, другие пришельцы Греческие возставали против него; Архиепископ Кипрский Кирилл утверждал, что не следует давать монастырей в управление Архиереям, отходящим на покой, по примеру Восточной Церкви. А потому все они согласны были на низложение Никона с престола Патриаршего; а другие—и на лишение сана Архиерейского за то, что самовольно оставил свой Епархию, и старались утвердить сие выписками из правил церковных.

При столь смутных обстоятельствах приехал в Москву бывший Митрополит Газский, Паисий Лигарид, которого пред сим вызывал из Молдавии сам Патриарх, не предвидя, что найдет в нем себе врага; этот Иерарх прибыл с одобрительной грамотой от Константинопольского Патриарха Парфения, как хорошо знающий церковные уставы. Он, принят будучи милостиво Государем и Боярами, пристал к стороне Никоновых противников, которые и употребили его орудием для нападения на Патриарха и для убеждения Царя кончить посредством

Восточных Патриархов начатый в 1660 году суд над Московским Патриархом; а до того, Паисий сделался Председателем начатого Собора.

Между тем Никон возвратился из Крестного монастыря, и отправился в Воскресенский, дабы в нем ближе наблюдать за действиями Собора, который был созван для разсуждения о его поступках. Притом Воскресенская обитель и все начатые здания, кроме соборной церкви, почти не имели надлежащего своего основания. Никон, для приведения к концу предназначенного им строения, остался там на долгое время. Сколько пребывание сие послужило в пользу обители, столько строителю её принесло вреда; ибо когда Патриарх возвратился в столицу, Государь принял его долговременное отсутствие с неудовольствием, а наветы врагов до того довели Царя, что доверенность его и дружба к Никону уступили место явному негодованию. Неблаговоление свое к Патриарху он обнаружил тем, что совсем прекратил дружественные ежедневные с ним беседы; отменив выходы свои в Собор к торжественным праздникам, перестал при служении его посещать даже и крестные ходы, которые дотоле всегда сопровождал, и присылал прямо сказать Патриарху, чтоб „его не ждали.“

Между тем некоторые из личных врагов Святителя явно делали личные оскорбления ему и его подчиненным. По принятому обычаю, Патриарх всегда приглашаем был к торжественным Царским столам. 1657 года, Июля 4-го, Грузинский Царь Теймураз был угощаем при Дворе; а Никон не приглашен к столу. Он послал во Дворец, для разведывания причины сему, своего стряпчего Князя Дмитрия. Окольничий Матвей Иванович Хитров, отправлявший тогда звание Стольника придворного, увидев его во Дворце и услышав даже от него, что он прислан Патриархом, выгнал его вон палкою. Никон за сие письменно требовал удовлетворения и дерзнул угрожать, что он тем же оплатит. Царь отвечал ему собственноручно, что сие разсмотрит и с ним переговорит. Однакож Никон остался без удовлетворения. Июля 8, в торжественный день праздника Казанские Богоматери, он ожидал в церковь выхода Царского; но Царь, против

обыкновения своего, не вышел, и велел ему себя не дожидаться.

Никон искал случая объясниться с Государем. Наступило благоприятное, повидимому, время, праздник положения Ризы Господней, в которой Царь всегда бывал в Успенском Соборе; но, против обыкновения, он удержан от выхода; и Князь Ромодановский, пришедший в Собор объявить Патриарху о том, стал упрекать Никона в надменности за титул *Великого Государя*. Патриарх, огорченный сим, тогож Июля 10-го, по совершении Литургии в Успенском Соборе, громко произнес, что он „ныне уже не Патриарх Московский, а пасомый, как грешник и недостойный.“ Поставив у иконы Владимирской посох Святителя Петра, он снял с себя одежды Святительские, не смотря на моление клира и народа, и надев на себя простую монашескую мантию, написал в ризнице письмо к Царю об отшествии своем, и сев на ступени амвона в храме, ожидал ответа. Смятенный Государь послал Князя Трубецкого увещевать его; но увещатель был из числа врагов его. Народ плакал; но оскорбленный и непреклонный Никон не пошел уже в кельи Патриаршия, а отправился пеший из Кремля на Иверское подворье, и оттуда, не дождавшись дозволения Царского, уехал в обитель Воскресенскую, и даже отказался сесть в посланную за ним карету. Князь Трубецкий приехал опять уже в Воскресенск спрашивать его, именем Государя, о причине отшествия. Никон отвечал: „что ради спасения душевного ищет безмолвия, отрекается от Патриаршества и просит себе только в управление монастыри Воскресенский, Иверский и Крестный; благословляет Митрополиту Крутицкому Питириму управлять церковными делами“, и смиренно в письме своем просил у Царя прощения за скорый свой отъезд из Москвы.

С тех пор открылось явное неудовольствие между Царем и Патриархом, которое превратилось со временем во вражду. И хотя первоначальная причина Царского гнева на Никона, может быть, останется навсегда неизвестною; но очевидной виной разрыва его с Царем были зависть и клевета ибо Никон был произведен Патриархом по особенному Царскому благоволению, и облечен от Царя такой властью, что

Государственные дела, без согласия его, не могли быть решаемы первостепенными Боярами. По сему действия Никона могли казаться оскорбительными для честолюбия государственных Сановников, потомков Удельных Князей. Народ очень был привержен к Никону; когда же сей Патриарх приступил к исправлению книг, то враги его внушали простолюдинам, будтобы он подрывает православие; и те самые, которые почитали сокровищем книги, исправленные Патриархом Иосифом, называли Никона врагом Церкви. При Иосифе любили они нововведение; при Никоне объявили себя старообрядцами, или лучше сказать, не своим умом они действовали, но увлекались внушениями наветников. Никон был другом и благодетелем народа; итак надлежало привести его в ненависть у народа. Царь и Никон жили одной душою; могли ли царедворцы хладнокровно смотреть на такое единодушие? Враги Никона всячески старались препятствовать сближению и свиданию Царя с Патриархом; они опасались, чтобы взаимное, искреннее объяснение одного с другим не пробудило в сердцах их прежней любви и доверенности, усыпленных случайным негодованием. Зависть и коварство внушали Царю, будтобы Никон домогается самовластия; в тоже время раздражали Никона против Царя, для которого неоднократно тот подвергал жизнь своей опасности; словом, изыскивали все средства очернить его. Удручаемый клеветою, завистию и ненавистию, Никон удалился из Москвы, и до того самого времени, как лишен был Патриаршества, жил в Воскресенской обители, в которой составил тогда *Русскую Летопись* от Рюрика до кончины Царя Михаила Феодоровича, с прибавлением выписок из Греческой Истории. Изображая превратности царствований и народов, Никон еще более узнавал всю цену крестного своего испытания в сладостном уединении: каждый день занимался он строением каменной Соборной церкви, обязанной навсегда ему не только сооружением, но и точным размещением в оной по модели всех храмов, и доньше в ней находящихся в том же виде, в каком первоначально оные им были расположены и устроены.

Сие величественное и огромнейшее здание, единственное в России, заслужившее похвалу от соотечественников наших и даже от иностранцев, производимо было не только попечением и иждивением, но даже и трудами Никона: он сам носил своими руками на ряду с работниками, камни, известь, воду и прочее, как простой каменщик. Сверх того, до получения модели, в 150 саженьях от Воскресенской обители, на берегу реки Истры он устроил для уединения и безмолвия пустыню, с двумя в оной церквами, каковые есть в Святой Афонской горе у пустынных отцев, и туда удалялся во Святую Четыредесятницу. В сем уединении, подавал он образ истинного сокрушения о грехах своих; изнуряя себя постом и нося всю тяжесть жизни монашеской труженической, неослабно пребывал в терпении и молитве. Между тем не переставал он пещись о странных и нищих, повелевая давать им в монастыре пропитание. Бедные находили в гонимом Никоне себе отца и усерднейшего помощника во всех нуждах своих. Он покорял себе сердца благотворением; его благочестивая жизнь сделалась известной добродетельному Царю, который, слыша о примерном его терпении, трудах и молитвах, неоднократно посылал по тысяче и по две рублей, на содержание ему и братии; также отдал в его распоряжение доходы обители Иверской, Крестной и Воскресенской, им выстроенных, с принадлежащими к ним селами и деревнями. Однако клевета и зависть не преставали помрачать достоинства его в глазах Государя. Самое отдаление Святителя от Двора могло быть благоприятным для недоброжелателей Никона и опасным для него самого; ибо оно открывало свободное течение их козням. Когда тайный Архив Никона был раскрыт к умножению неудовольствий Патриарха, он жаловался в письме к Царю на сие нарушение тайн не только частных, но и Государственных, у него хранившихся. Его жалобы на это были не уважены; злобные внушения личных врагов Никона возбудили в нем все волнение его духа; пользуясь тем, они разсеивали толки, что он судится за ересь и искажение книг. Тогда Патриарх, не щадя врагов своих ни на словах, ни на бумаге, предавал их анафеме за обиды, и довел Государя до того, что он, по совету Греческого Митрополита

Паисия, для водворения тишины, решился избрать нового Патриарха. Но благоразумие некоторых Пастырей остановило это по следующим причинам; во первых дела важные и необыкновенные требуют долговременного исследования к разсудительного совещания, а наипаче, где более сомнения, там и величайшую должно употребить осторожность во вторых подчиненным, на основании правил, не свойственно судить своего Судию и Владыку; Патриарха должны судить Патриархи. И хотя голос этот проник в кроткое сердце Государя, который не хотел принять на себя осуждения Никона; однакож, не смотря на все сие, Царь с тех пор препоручил уже заведывать Патриаршескими делами Крутицкому Митрополиту Питириму, который вошел во все права Патриаршия; вместо его, совершал обряд шествия на осляти вокруг города в Вербное Воскресенье; по воле Царской; перестал на эктениях при служении поминать Патриарха и действовал, не сносясь с Никоном, даже предавал истязанию и ссылал в заточение тех Священников, которые в служении возносили имя Никона.

У Никона отобраны были некоторые владения, принадлежавшая Патриаршеской Кафедре его распоряжения церковные начали быть опровергаемы; без согласия и мимо его выходили Царские имянные указы о постановлении монастырских властей духовных и других священно и церковно-служителей, и грамоты выдавались от Архиереев с прописанием, что посвящен тот, или другой по Царскому указу. Царь посылал иногда в Воскресенский монастырь к Никону Бояр; но они, вместо утешения, наносили Патриарху новые досады. Многие даже и Архиереи Российские явно вооружались против Никона и действовали враждебно, а особливо Крутицкий Митрополит Питирим, Архиепископ Рязанский Иларион и Мефодий Епископ Мстиславский. Сколько ни тягостны были такие испытания для Никона, и сколько его положение ни возбуждает сострадания; но при том не можно оправдать ту самонадеянность и вспыльчивость, какие обнаруживал Никон, особливо вскоре после первого знака неудовольствия Царя; ибо принимая к сердцу всякое оскорбление, иногда выходил он из должных правил умеренности и приличия, налагаемого на него

его саном и обязанностями; наипаче гневное возражение за отнятие волостей монастырских подвергло его даже нареканию. С уступчивостию и покорностию кроткому и благоразумному своему Государю, прежде столько ему благодетельствовавшему, может быть, он удержал бы свой прежнюю к себе доверенность его и постыдил бы врагов своих, которые всячески старались препятствовать сближению его с Царем из опасения, чтобы с возобновлением их дружбы не обнаружались их собственные козни; а с меньшею строгостью и взыскательностию к подчиненным, он бы привязал их к себе; но увлекаясь всегдашним к себе снисхождением и доверенностию Царскою, он выступил из пределов, почему и заслужил явное негодование и гонение. Но и в таком положении, Никон не питал вражды к Государю, хотя и жаловался ему в письмах; никогда не произносил клятвы на него. При сем нашелся между враждебными и преданный ему один Боярин Зюзин; его-то необдуманное и неуместное усердие вызвало Никона в Москву, к довершению его несчастья. Болезнующ о пагубных последствиях долголетней распри, и слыша непрестанно от людей, приближенных к Царю, сколь прискорбно его любящему сердцу такое ожесточение Патриарха, Зюзин надеялся, что искреннее объяснение его с Царем может погасить раздуваемое пламя вражды, и для сего решился написать к Патриарху от имени Государя, что бы он внезапно приехал в Москву к утрени, в Успенский Собор. Сверх сего, Никон имел сонное видение, в коем мечтательно предстал ему сонм прежде почивших Святителей, возставших из гробов во храме Успения, и по воззванию Св. Ионы, давших ему руки.

По таким побуждениям и по ласковому пред сим приему Архимандрита, посланного от него в Саввин монастырь к Государю, Никон приехал в Москву на праздник Св. Петра Митрополита, к утрени в Собор, и приложась к Св. иконам и мощам, стал на Патриаршее место; к нему подошли под благословение Митрополит Иона Ростовский со всеми соборянами. Святитель послал Митрополита с Архимандритом своим уведомить Царя о своем прибытии. В это время Государь за несколько шагов от собора слушал утреню в теремной

церкви, и в недоумении созвал ближних Бояр и духовных властей, которые убедили его не принимать Патриарха, а только взять от него грамоту, в коей описывал свое видение; для сего присланы Князья Одоевский и Долгорукий с Митрополитом Павлом, объявить ему Государево повеление ехать обратно в свой обитель, в ожидании суда Вселенских Патриархов. Он вышел из собора, но взял с собой посох Петра чудотворца, в доказательство того, что не с клятвенным отречением оставил свой престол. Выступая из городских ворот, он отряс прах от ног своих; озлобленные сим враги поставили ему в вину такой поступок. Когда донесли о том Государю, он послал в след за ним в село Чернево, отобрать у него посох и спросить о причине пришествия в Москву. Никон не хотел вручить жезла Митрополиту Крутицкому Павлу и Чудовскому Архимандриту Иоакиму; но доставил чрез Воскресенского Архимандрита прямо к Царю, вместе с призывными письмами Боярина Зюзина, который был за то сослан в Казань. Но при отправлении Митрополита Павла и Архимандрита Иоакима, Никон объявил свой волю на избрание нового Патриарха, и требовал только, что бы под его управлением оставались три его обители; что бы в распоряжение ими не мешались Епархиальные Архиереи; что бы поставление Священнослужителей в сих монастырях и в церквах, от них зависящих, предоставлено было ему; наконец, что бы ему занимать вторую степень на соборах, иметь свободный доступ к Царю, а также, что бы и к нему был свободный доступ всем, посещать его желающим, Но собор, разсуждавший о сем предложении, не согласился признать независимости Никона от власти нового Патриарха и дозволить ему свободное посвящение Священнослужителей в его обителях без власти Епаршеской; требовал обратно вотчин, отписанных от других мест в Воскресенскую обитель; лишал ее даже имени Нового Иерусалима, и наконец ограничивал приезд Никонов в Столицу. В то же время собор подверг епитимии Митрополита Ростовского Иону за то, что подошел к благословению Никона в храме Успения, и назначил местоблюстителем Павла

Крутицкого, бывшего пострижеником в Новоспасском монастыре.

После сего Царь Алексей Михайлович долго находился в нерешимости; наконец положено было послать ко всем Восточным Патриархам призывные грамоты, с требованием решения о пределах Царской и Патриаршеской власти, о поступках и суде Никона, не называя его по имени а только предлагая некоторые обстоятельства, дабы рассмотрение и решение Восточных Патриархов было тем безпристрастнее. Написано двадцать пять вопросов на Греческом языке Газским Митрополитом Паисием, и в 1663 году они отправлены на Восток с Греком Диаконом Мелетием, которому, сверх того, вручены были особенные жалобные грамоты ко всем Патриархам, с наставлением, как изъяснить подробнее вины Никона, и требовать в Патриарших ответах ближайшего применения к оным. Сообразно с таким намерением, на все оные двадцать пять вопросов даны пространные ответы, подписанные четырьмя Патриархами: Константинопольским, Александрийским, Антиохийским, Иерусалимским и многими Митрополитами, и присланы были в том же году в Москву. Но Иерусалимский Патриарх Нектарий, хотя подписался под оными, впрочем особой грамотой от 20 Марта, 1664 года отозвался Царю Алексею Михайловичу, что он ни в Царской грамоте, ни в словах Мелетия не нашел достаточных причин к обвинению Патриарха Никона, и потому просил Царя окончить сие дело примирением, не слушать недоброжелателей и врагов обвиняемого, и вызвать Никона на Патриаршество его, для прекращения всякой распри и соблазна в Российской Церкви. Однакож усердие благонамеренного Иерарха было тщетно. Раздраженный Никон не признавал себя виновным и не хотел принимать ответов Восточных Патриархов; не только отвергнул их вместе с вопросами, но даже сочинил пространное возражение. В 26 и 27 возражении жестоко он ополчился против монастырского Приказа и против многих статей Уложения. Потом обратился с грамотой своей к Патриарху Константинопольскому, объяснял ему свое поведение от самого начала правления и все претерпенные им обиды; но грамота

сия была перехвачена. Один из сильнейших его врагов Боярин Стрешнев предложил Митрополиту Паисию до 30 вопросов, относившихся к поступкам Никона, и Паисий написал на них ответы канонические в его осуждение. Никон после сего отнесся к Царю, удостоверяя в своей невинности и разрешая обидевших его, кто только согласится признавать себя виновным; и Царь, памятуя прежнюю любовь его, боролся с многочисленными врагами Патриарха, не выдавая его их злобе. Наконец, по настоянию Митрополита Паисия и, может быть, по другим неизвестным причинам, для водворения тишины церковной, послал звать Восточных Патриархов в Москву на собор. Но Патриархи Константинопольский и Иерусалимский отказались быть в России, отговариваясь опасностями от Турок; Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий прибыли в Ноябре месяце, 1667 года и именем всех Патриархов с Российским Духовенством открыли соборный суд над Никоном в палатах Кремлевских, под председательством самого Государя. На соборе сем, кроме двух Патриархов, присутствовали Митрополиты Российские: Питирим Новгородский, Лаврентий Казанский, Иона Ростовский, Павел Крутицкий и шесть Греческих, из Nikeи, Адиясии, Иконии, Трапезунда, Варны, Хиоса, один Грузинский и один Сербский, (Паисий же Газский уклонился, как беглец Палестинский), также Синайский и Волонский Архиепископы с шестью нашими Архиепископами Симоном Вологодским, Филаретом Смоленским, Стефаном Суздальским, Иларионом Рязанским, Иосифом Тверским и Арсением Исаевским; сверх них, были Епископы: Мисаил Коломенский, Александр Вятский, Иоанн Славяносербский, Лазарь Барановичь Черниговский и Мефодий Мстиславский; Архимандритов же, Игуменов и Протоиереев находилось более 50, не считая Иереев и прочих духовных лиц. На такой собор вызван подсудимый из Воскресенского монастыря в Москву, на Воскресенское подворье, окруженное стражею. Никон по требованию Самодержца, явился на собор, но по чину Патриаршему, т. е. с предшествующим крестом, и не видя себе приготовленного места наравне с Восточными Патриархами, не сел; но стоя слушал обвинения из уст самого Государя, который

жаловался собору на смуты, какие произвел Патриарх в Церкви, на самовольное оставление им паствы, на укорительное послание его к Патриарху Константинопольскому, на проклятия Московских бояр. Никон на такие обвинения Государя отвечал, свидетельствуя, что он ни какой личной вражды не питал против него, и что он удалился в монастырь только для укрощения гнева Царского, не выходя однако из своей Епархии. Когда же при сем Митрополит Крутицкий Павел и Архиепископ Рязанский Иларион стали говорить поносные слова, укоряя Никона в оставлении Престола с клятвой и в самовольном низвержении Павла, Епископа Коломенского, а Мефодий, Епископ Мстиславский поднял даже руку на судимого Святителя: тогда потекли слезы из очей кроткого Царя.

Собор, составленный из представителей всех Православных Церквей, основываясь на том, что слышал от Государя, от свидетелей истинных, или ложных, но необличенных в несправедливости, осуждал то, что, по духу Церкви, достойно осуждения. И так, по рассмотрении личного Государева доноса, в вину Никону поставлено следующее: первое, Никон, оставив паству, жил в Воскресенском монастыре, и сим заставил заключать об отречении своем от Патриаршества; второе, отсутствие Никона было причиной многих затруднений по делам церковным, от чего многие невинно пострадали; третье, Никон досаждал Государю в присутствии собора и Газского Митрополита, и оспаривал самый собор и ему не покаялся; четвертое, некоторым Архиереям без соборного суда запрещал священнослужение и лишал их Епархий; пятое, подчиненных наказывал жестоко, иногда телесно; шестое, Газского Митрополита Паисия называл *еретиком* и *мятежником*, (каким в последствии времени сей действительно оказался)²⁸.—В таких обвинениях, большею частью, Никон оправдывался; только неуступчивый и вспыльчивый его нрав, неизменившийся и в присутствии освященного собора, не оправдывал его. И потому, и после трех заседаний, не все Епископы согласны были на строгое осуждение Российского Патриарха, наипаче Черниговский Архиепископ Лазарь Барановичь, муж по тому времени

просвещеннейший, и, по благочестной жизни, уважаемый самим Государем, а с ним также и Вологодский Архиепископ Симон уклонился под разными видами от сего осуждения, и не хотел присутствовать более на соборе; а Мисаил, Епископ Коломенский и грамоту осуждения не подписал; ибо подавал голос сохранить сан Святительский Никону, лишив только его Патриаршества. И самые Патриархи написали было грамоты к Константинопольскому и Иерусалимскому, что не встретив в Столице Московской ни их самих, ни их местоблюстителей, отказываются приступить к суду Никона. Посему, во втором же заседании сего собора никто не осмелился его обвинить, не взирая на присутствие самого Царя, который, видя Бояр молчащих, требовал улики на Патриарха. Из среды их один только Князь Долгорукий выступил с обличениями, будто Никон называл Церковь Российскую преклонившеюся к догматам Латинским, потому только, что пришедший в Москву, бывший некогда Газский Митрополит, принимаем был иными Боярами в совете на него, и всю книгу соборных правил назвал еретической за то, что она напечатана в западных странах. Убежденный в своей невинности, Никон сказал, обратясь к Государю: „Государь! девять лет приготавливали то, в чем хотели сегодня обвинить меня, и никто не может, промолвить ни слова, никто не отверзает уст. Тщетны все замыслы; но вели им побить меня камнями, они тотчас исполнят приказ. Если же и еще девять лет будут выдумывать клеветы, то и тогда ничего не найдут против меня.“ После сего все безмолвствовали; един Рязанский Архиепископ Иларион начал укорять его, и с дерзостью произнес некоторые ругательства. Никон, оскорбляясь не столько наглостью обид, сколько ложными обвинениями, обратясь к Илариону, сказал: „Уста Пастыря должны произносить одне благословения, а не поношения и неправду.“ Тут любящее сердце Царя не вынесло горестного положения бывшего друга, иногда возражавшего, иногда безответного. Царь тихо сошел с своего престола, и приблизясь к Никону, взял его за руку и сказал: „О святейший, за чем положил ты на меня такое пятно, готовясь к собору, как бы на смерть? Или думаешь, забыл я все твои заслуги, мне лично и

моему семейству оказанные во время язвы, и прежнюю нашу любовь?” А потом укорял его за грамоту к Патриарху Дионисию, изъявляя желание мира. Столь же тихо отвечал ему Патриарх, излагая все на него бывшие крамолы, извинялся о тайной грамоте, и не смотря на уверения Царские, чувствуя, что минувшее уже не возвратимо, предрек свое горькое осуждение. И это было уже их последнее свидание в сей жизни и последняя беседа после осмилетней разлуки. С сими словами кончилось и это заседание собора, бывшего во Дворце, как и первое. Но 12-го Декабря, на третьем заседании в церкви Благовещения над воротами Чудова монастыря, не в присутствии Государя, который не имел духа участвовать в осуждении Никона, ему прочли следующие обвинения: „что смутил Царство Русское, вмешиваясь в дела, неприличные Патриаршей власти, и что оставил престол свой за оскорбление слуги; что, удаляясь от Патриаршества, распорядился самовластно в трех своих монастырях, и давал им наименования Иерусалима, Вифлеема, Голгофы, и тому подобные; что препятствовал избранию нового Патриарха, предавая многих анафеме; что Павла, Епископа Коломенского, низверг самовольно, и был жесток к Духовенству у жаловался на Царя Восточным Патриархам, охуждал соборные правила, оскорбляя самых Патриархов своим высокомерием. И после сего прочли Никону приговор, коим он обвинен именем всех Патриархов вместе с Российским Духовенством, и присужден к лишению сана, с сохранением только иночества и к заточению на вечное покаяние в пустынной обители. По прочтении же сего приговора, Никон Восточными Патриархами лишен был Патриаршества в оной же Благовещенской церкви.

По снятии Самими Патриархами с Никона знаков Святительских, оставили его в звании простого монаха, и возложили только на главу его простой клобук монашеский; но мантии и жезла Патриаршего не отобрали. Никон, по исполнении над ним такового определения, осмелился назвать *суд собора незаконным*, а Греческих Патриархов—*пришельцами наемниками и безпрестольными*²⁹. Никон спрашивал их, „за чем, в отсутствии Царя и в малой церкви, а не в том соборе

Успения, „где некогда умоляли его вступить на Патриарший „престол, ныне несправедливо и в тайне его низлагают? Ибо я, говорил он: был избираем в присутствии Государя, со слезами убеждавшего меня принять жезл правления и осужден должен быть в его присутствии, народ Российский был свидетелем клятв моих пред Богом; вы же неправый суд произвели тайно: жезл Пастырский я восприял во святой соборной и Апостольской Церкви, не по домогательству но по желанию и слезному молению безчисленного народа; вы же осудили меня в частной монастырской церкви, в присутствии одних клеветников моих.“

Но сему не вняли ни Царь, ни Бояре, некогда обещавшиеся во всегдашнем послушании Пастырю. Как по приговору Никон лишен был Святительского сана, и осужден на заточение в Белоезерской Ферапонтов монастырь; то с ругательством отвели его на Земский двор под стражею, как преступника, осыпанного поношениями приставов, а наипаче Архимандрита Сергия. Никон перенес сии испытания с той твердостью, которая в иных случаях его жизни даже доходила до упорства. Между тем все приверженцы его были разсеяны. И он чрез несколько дней переведен на Архангельское подворье в Кремле³⁰, а оттуда с несколькими монашествующими, своими учениками, в самую жестокую стужу, отправлен в путь под строжайшим присмотром, без зимнего даже одеяния; ибо из Воскресенского монастыря он ничего не взял с собою, а от Царя ничего не принял, хотя он на другой день послал Никону на дальний путь деньги и соболий мех. Следовавшие за ним ученики его, тоже не имели теплого одеяния. Новоспасский Архимандрит Иосиф, провожавший Никона до реки Клязьмы, отдал ему свой шубу, чтобы укрыть от стужи; прочие ж не только не имели к нему сожаления, но даже лишали его насущного хлеба, и таким образом обращались с ним до самого места его заточения, где Архимандрит Печерского Нижегородского монастыря Иосиф отобрал у Никона жезл и мантию Архиерейскую. По бедности Ферапонтова монастыря³¹, отведены ему, как опальному изгнаннику, тесные кельи, похожие более на темницу; приставники же его обходились с ним не

только грубо, но и жестоко, так что в кельи Никоновой заколачивали окна наглухо. В таком озлоблении и угнетении содержали его почти до кончины Царя Алексея Михайловича; пред этим временем велено было отбить железные затворы от окон и дверей его келий. И Никон стал пользоваться некоторой свободой: в монастыре имел он домовую церковь, где разделявшими его заточение иноками отправляема была для него служба; сам Царь пожаловал утвари в оную церковь, а Никону богатую милостыню.

Среди бедствий начала смиряться и непреклонная душа Никонова. Заточенный Патриарх радовался новому браку Царя и рождению Царевича Петра, и прежде чуждаясь всяких царских подарков, не взявший даже денег для поминовения Царицы Марии, он начал принимать их от Царя, и с любовью посылать к нему грамоты в ожидании своего возвращения в обитель Воскресенскую, и с этой надеждой оставался до кончины Царя Алексея Михайловича. Но ни бедность, ни унижение не могли поколебать духа в Никоне; без ропота он переносил сии страдания, и очищая ум и сердце свое смиренной молитвой и покаянием, тело изнурял всегдашними трудами; он носил на себе железные вериги и маленький серебряный ковчег с св. дарами, ныне хранящийся в ризнице Воскресенского монастыря. В таком расположении духа и с таким напутствием он был воин Христа Господа, облеченный во вся оружия Божия противу слабостей и искушений, и познавший всю суетность земной славы и величия. Крестным путем он достиг смирения и преданности своей воли в волю Божию. В этом заточении Никон почитал себя гораздо счастливее своих клеветников и врагов.

Между тем не только народ, но и сам Государь, по нежности сердца своего, почувствовал утрату столь великого мужа, своего друга и советника: он не редко вспоминал об нем с соболезнованием, и подражая великим человеколюбцам, посылал к нему разные подарки, препоручал себя и весь дом свой его молитвам и на одре смертном, памятуя прежния дружественные с Никоном связи, Алексей Михайлович не только жалел об нем, но тревожась духом, что лишен его благословения, раскаивался в низвержении его; пред смертью

своей посылал к нему просить отпустительной себе грамоты; а в своем завещании испрашивал у него себе прощения³², именую его своим отцем, Великим Господином, Святейшим Иерархом и блаженным Пастырем. Царь, умевший ценить необыкновенных людей, падение сего великого мужа почитал собственным несчастьем; ибо после него сряду три Патриарха сменились пред его очами, как бы в тайный упрек ему. Не смотря на все это, Царь не мог решиться возвратить Никона, хотя и всегда жалел о нем. Вероятно, что враги изгнанного Патриарха были люди близкие к Государю и владели его волею. Никон, услышав о кончине Государя, со вздохом сказал: „Воля Божия да будет! Если здесь я не простился с ним, то в страшное пришествие судиться будем,“ и присланному, просившему у него отпустительной грамоты, разрешая на словах, не дал оной, чтобы не казалась вынужденной у лишенного свободы.

И так Никон в этом заключении оставался до вступления на престол Царя Феодора Алексеевича, Государя правосудного и милостивого, который вскоре хотел было возвратить его из заточения; но недоброжелатели Никона оклеветали монастырскую жизнь его; не устыдились обличить в участии с мятежником Стенькой Разиным и в нечистой жизни того, коего иночество было непорочно с юных дней; донесли, что на острове подле Ферапонтова монастыря водрузил он крест с надписью: „Никон Патриарх заточен за Слово Божие и за Св. Церковь, и что ссорится безпрестанно с людьми, его окружающими. По сему из Ферапонтовой обители Никон был переведен под строжайший надзор в Кириллов монастырь, и там три года томился в душных кельях, забытый Царем. В ризнице сего монастыря сохранилось его кресло с вырезанной на нем надписью: „7176 года Марта 29 д. сей стул сделан смиренным Никоном Патриархом в заточении за Слово Божие и Святую Церковь, в Ферапонтове монастыре в тюрьме“³³. Патриарх Иоаким, опасаясь иметь в Никоне соперника, противился под разными предлогами освобождению его оттуда и возвращению в Воскресенский монастырь; но повелел устроить ему лучшее помещение и дать некоторую ослабу с находившимися при нем монашествующими.

Но слыша сии его преследования, клеветы, гонения, Великая Княжна Татиана Михайловна, которая во всю жизнь свой имела к нему особенное уважение, решилась расположить Царя к облегчению участи Никоновой, сколько по прошению братии Воскресенского монастыря, столько по предстательству многих светских и духовных особ, в том числе и воспитателя Царева, Иеромонаха Симеона Полоцкого, который имел сильное влияние на ум Царя, находясь в большой доверенности по высоким духовным сведениям, и был Патриарху Иоакиму во всем противник. Наконец Царь Феодор Алексеевич в 1681 году повелел возвратить Никона в Воскресенский монастырь, разсудив, что обстоятельства переменялись, и сам Никон не мог быть опасным.

Притом сия мудрая тетка Феодора II, всегда благоприятствовавшая Никону, убеждала племянника своего посетить забытую обитель Нового Иерусалима. Пораженный величием зданий, начатых по образу Иерусалимского храма Гроба Господня, Государь тут же объявил волю свой продолжать строение; а по возвращении своем, велел даровать свободу Никону из заточения, и возвратить в новый Иерусалим. Он видел, сколь нужно сделать почтенной память Великого Святителя; чтобы посрамить грубых невежд и раскольников, которые не терпели его, и радовались, видя мнимого своего врага в изгнании и опале. Но Никон, удрученный дряхлостью лет и немощию тела, претерпевший в заточении своем столько скорбей, сделался тяжело болен, и еще до Царского указа облекся в схиму. По тайному предчувствию, накануне получения сего указа, он велел келейной братии собираться в путь. И когда получил указ, немедленно отправился в любимую свой обитель. С трудом посадили его в сани, чтобы влечь по земле до струга на реке Шексне. Отсюда Никон велел плыть Волгой вниз к Ярославлю и причалил у Толгского монастыря. Там он с живой верой в Искупителя приобщился запасных даров от рук духовного отца своего, Кирилло-Белоезерского Архимандрита Никиты; ибо начинал крайне изнемогать.

В Толгском монастыре вышли к нему на сретение Игумен с братиею и сосланный туда на покаяние, бывший Архимандрит

Сергий, который во время суда над Никоном, содержа его под стражею, осыпал поруганиями; теперь же видя уже его умирающего, со слезами пал к его ногам и испросил себе прощение. После сего Никон ничего уже не мог говорить, и Царский дьяк велел перевезти струг на другой берег. Когда ж струг тронулся по реке, Патриарху наступила смерть и, не доезжая Туговой горы, он начал кончаться. Ударили в колокол к вечерни; он озираясь, будто кто пришел к нему, сам оправил себе волосы, бороду и одежду как бы готовясь в дальнейший путь, или к встрече кого либо. Духовник с братиею прочитали отходные молитвы; Патриарх же, распростершись на одре и сложив крестообразно руки, вздохнул и отошел с миром 17 Августа, в четыре часа по полудни.

Тогда Никону исполнилось 76 лет 2 месяца и 24 дня от рождения.

Граждане Ярославские, слыша о его пришествии, стеклись было на берег реки видеть Святителя; но уже нашли его на одре смертном, посему привезли тело его к обители Всемилоственного Спаса. Из Ярославля, по отпении панихиды, на присланном от Царя одре оно везено было при великом стечении Духовенства и народа в Воскресенский монастырь, и до Троицкой Сергиевой Лавры при сопровождении Кирилло-Белоезерского монастыря Архимандрита Никиты³⁴, а из оной, по имянному указу, таким же порядком оные Лавры Архимандрит Викентий провождал тело усопшего до самого Воскресенского монастыря с подобающими почестями. В Воскресенский монастырь, до привезения тела, прибыли сам Государь с своею Высочайшею Фамилией и Двором своим, и с ним Митрополит Новгородский Корнилий с знатнейшим Духовенством и придворными певчими. Иоаким же Патриарх, сколько ни убеждал его Государь, отказался быть на погребении, отговорясь тем, что без разрешения Восточных Патриархов он не может воздать усопшему почестей Святительских, и отпевать его, как Патриарха; впрочем Митрополиту приказано поступать согласно с повелением Государя.

26 Августа привезено тело Никона в деревню Мокрошу (в версте от монастыря). И когда донесено было о сем Государю,

тогда он повелел Воскресенскому Архимандриту Герману с братиею отправиться туда, для возложения на усопшего Патриаршей мантии с источниками, панагии и всего облачения, на случай кончины приготовленного покойным, еще до изгнания. Между тем в монастыре начался для сбора погребальный благовест; а когда тело Святителя привезено было к Елеонской горе, с которой некогда он нарек свой обитель новым Иерусалимом, тогда при колокольном звоне из церкви Голгофской последовал крестный ход к сей горе с святыми иконами, хоругвями и с запрестольным крестом, сопровождаемый Митрополитом Корнилием, многими Архимандритами и прочим Духовенством, в присутствии Государя, Высочайшей Фамилии и знаменитых особ, при пении придворными певчими стиха: *Днесь благодать Святого Духа нас собра*. По пришествии же на эту гору, Митрополит роздал свечи Государю, Царской Фамилии³⁵, знатнейшему Духовенству и всем бывшим при сем случае, и совершив литию над усопшим, своими руками поднял гроб с одра, который потом несен был в монастырь, между двумя рядами свещеносцев, священниками и монашествующими, учениками его, бывшими с ним в заточении. Сам Государь в сопровождении Синклита, при безчисленном стечении народа, нес на раменах своих мощи Никона, от Елеонского креста до церкви. По принесении ж, тело поставлено было в церкви Успения Божия Матери, где и совершены Митрополитом Корнилием Божественная литургия и погребение с подобающими почестями Патриаршескому сану. При всех молитвословиях, по повелению Государя, поминаем был усопший Патриархом. Литургия и погребение продолжались девять часов и две четверти. При отпевании, Государь сам читал Кафизмы и Апостол; а при последнем целовании Никона, со слезами, по древнему обычаю, облобызал руку его: чему последовали весь Двор, Духовенство и народ, коего вздохи превратились наконец в рыдания. Когда же закрыт был гроб крышею: тогда на нее положены загашенные свечи, как бы в знак того, что всякая вражда погашается³⁶. Потом тело на священнических руках вынесено в церковь Св. Предтечи, под Голгофой на место погребения Царя-Священника Мелхиседека,

где сам Никон, в бытность свой в сем монастыре с 1658 по 1666 год, первого Декабря, ископал себе могилу; в нее-то Государь с Митрополитом опустили гроб. Склеп сей не более трех аршин; над ним сделана тумба, украшенная медными веригами весом в 15 Фунтов, которые Никон во всю свой жизнь носил на себе; на тумбу того ж года положен бархатный покров, пожалованный Великой Княжной Татианой Михайловной, с нашвением на нем креста и разных Святых, изображенных на серебрянных гробницах; потом 1757 года, таковой же покров на гроб Никона из богатой парчи, украшенный золотым газом с нашвением на нем креста с бриллиантами и алмазами, прислан от Императрицы Елисаветы Петровны, благоговевшей к памяти сего Иерарха.

Ученик же сего Великого Иерарха, Герман, бывший во время сего погребения Архимандритом Воскресенского монастыря, сочинил следующие надгробные стихи, вырезанные тогда ж на камне у подножия гроба:

Аще кто любит милость Бога к земным знати,
Кий дар благим дает, сей изволь читати:
Зде пришед, о лежащем во гробе сем внимай,
Суща в мире вся, како той остави, познай! Горних ища,
родитель весьма отречесе,
Братства Анзер при море монахом причтесе.
Един в Коже-езерстей не мало пустыни,
От печали удален, живяше в святыни;
Рвы врага и вся сети удобь проходилаше,
Хранити братство ради тех принужден баше. Манием
дивным даде ему стражу стада,
Постави Бог пастыря всего и ограда
Архиерея России всей преименита,
И Отца Святейша всем концем знаменита, Никона
Патриарха неверным всем страшна,
Слогов правых, веры дел снискателя ясна,
Вся добре шесть лет с Царем в совете исправльши,
Узре враг того, многим от бед лют воставльши,
Подвиже в начальных и меньших зависть дерзку,
Рать ту зря, он в обитель сходит Воскресенску.

Абие зиждет в образ Иерусалимский
Воскресшего велий храм, яко Палестинский.
Место всех страстей Спаса и гроба Святого
У тех же найдение и креста честного.

Яко да видя тая, присно понимаем Сыновство, им же
прияхом, да не забываем.

Тая зря диавол, от злоб не престаёт,
Огнь себе подгнущая, того изгоняет
От места его, в нем же поживе девять годов;
Любезно совершая подвиг многих трудов,
Тщательне во изгнании живот си проводи.

В лето пятнадцатый того Бог возврати Царя егда воздвиже
к тому благосерда,

Феодора и ко всей церкви милосерда,
Алексеевича, Царю в похвалу и славу,

Чадю благо, отцу честь сотворша в сем праву, Самодержца
Великих Царств тако преславна,

Всеа Руссии Владыку ясна преизрядна,
Его ж в милости от уз скорби бысть свободен,
Во воли Бога преставися леты доволен;
Положися во гроб царскими руками,
Спричтен Архиереом паки того ж устнама.

И елико в памяти творися всем явно,
Семь тысяч сто осмдесят девятого славно
Стократно воздающа Царь Бога подражая,
Девать десять девять агнь оставша являя,
Августа в двадесять шестом за сим прииде,
Родственне положися яко той отыде
Христу в надежде оставль земна, к нему же мы,
Моляся, зовем: покой, дух его с Святыми!

Редкий из Архипастырей мог заслужить такое уважение,
какое оказано сему знаменитому Патриарху Царем Феодором
Алексеевичем, который после сего отправил к четверем
Восточным Патриархам просьбу, писанную им собственноручно
о разрешении и причислении Никона паки к Российским
Патриархам. Они, рассмотрев доказательства великих качеств,
добродетелей и подвигов Никона на пастве, страданий и

высокого смирения в заточении, прислали грамоты разрешительные от всего, в чем был связан он их предшественниками, и приобщили его ко Всероссийскому Патриарху, подлинные сии грамоты за подписью и печатями Патриархов хранятся доныне в Московской Патриаршей ризнице.

Таким образом Никону возвращены по смерти те почести и титулы, кои были отняты у него при жизни; вера его признана чистою, исправление книг правильным и сходным с духом Православной Церкви. Кончина его положила предел гонениям, какие воздвигли на него зависть и злоба врагов, и навлекла на него пылкость его характера. Падение Никона было не менее славно, чем и возвышение его. Опала, столь страшная и убийственная для других, подавляющая малодушных, для него послужила горнилом очищения, в коем самородное золото делается чище и блистательнее. Враги его, искавшие гибели и уничтожения для гонимого, безсознательно содействовали его спасению и истинной славе. Так совершил он странное, в летописях наших, и многоязвленное свое течение жизни, коей пятнадцать лет протекло в гонении. Правосудный и милосердный Бог, после испытания в нем человеческой слабости, воззвал избранного своего на лоно вечной правды своей и венчал его венцем неувядаемым.

Память Никона и доныне для всех столь драгоценна, что приезжающие к устроенной им Воскресенской обители, в засвидетельствование к нему благоговейных чувствований, приносят молитвы к Богу о упокоении души Строителя Таин и Храма. Даже Всероссийские Монархи пред его гробом преклоняют венценосные главы свои. В Бозе почивающий Павел I, бывший 1797 года в Воскресенском монастыре, со всею Высочайшею своею Фамилиею, из уважения к памяти Храмовладельца, удостоил посетить близ лежащую пустыню, им устроенную за монастырем, с великим любопытством и вниманием рассматривая все, в оной находящееся, поцеловал возглавие каменного ложа, на коем Никон покоился в уединении, сказав: „Так-то Великий Никон смирял себя; труды его достойны уважения.“

Пастырские труды свидетельствуют о ревности сего Патриарха к распространению истинного просвещения, к водворению благочиния и благочестия в церквах, к обращению заблуждающих на путь спасения, к предотвращению верующих от соблазнов и искушений; труды сии запечатлены его страданиями. Высокие же подвиги, кои он совершил пред вечным источником Мудрости Небесной, представляют в нем благочестивого труженика, незабвенного в отечестве Пастыря, силой духа никогда не коснившего исходить на дело свое, для пользы общей, ревнителя Православия, и яко праведного с похвалами. Святая же Церковь, в час всемирной жертвы, единожды принесенной на Голгофе, и доселе продолжающейся на Алтарях Господних, гласом благочестивой любви будет всегда зывать ко Господу: да почиет Святитель от трудов своих, яко сын благодатный и подвижник святой веры.

**Дополнительные статьи к начертанию жития и
деяний Никона, Патриарха московского и всея
России.**

I.

Список с Статейного списка слово в слово, о принесении мощей в Царствующий град Москву Иова, Патриарха Московского и всеа Руси Чудотворца, и о преставлении Иосифа, Патриарха Московского и всеа Руси, каков Статейной список прислан от Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всеа Руси, на дорогу, едучи с Соловков, к Великому Господину Преосвященному Митрополиту Великому Новаграда и Великих Лук с Московским Сотником.

Нынешного 160 году, принесли Великого Святителя Иова Патриарха мощи, Априлия в 5 день, в понедельник шестые недели, часы в отдачу денные, в монастырь к Пречистой Богородицы Страстные; а встречать посыланы его святые мощи власти: Митрополит Казанский и Свияжский Корнилей, Архиепископ Муромский и Резанский Мисайло, Архимандрит Андроньевской Селивестр, Спаской Игумен из Заветошного ряду, Протопоп из Подколоколов, да из Собору Священник да Диакон, да со властью встречали: Бояре наши Князь Алексей Никитич Трубецкой, да Князь Федор Семенович Куракин, да Окольничие наши Князь Василей Григорьевич Ромодановской, да Прокофей Федорович Соковнин, да Дьяк Семен Заборовской; а встретили те его честные мощи в селе Тушине, за двенадцать верст до Москвы, по Иосифовской дороге, а из Тушина несли на главах стрельцы до самой Москвы, а яз многогрешный Царь встречал с Патриархом и со всем освященным собором и со всем Государством от мала и до велика, и многолюдно таково было, что не вместились от Тверских ворот по Неглиненские ворота, и по кровлям и по переулкам яблоку негде было упасть, а пожар весь занят людьми пешими, нельзя ни пройти, ни проехать; а Кремль велел запереть, ин и так на злую силу пронесли в Собор: такая теснота была, старые люди говорят, лет за семдесят не помнят такой многолюдной встречи; и Патриарх наш отец со мной жаловал, плачучи говорил: „вот де смотри, Государь, каково хорошо заправду стоять; и по смерти слава;“ да много плакал,

мало не во всю дорогу до самого до Собору. И пришедше, поставили в ногах у Иасафа Патриарха, на мосту на верху, и оклали кирпичем, а сверху доска положена, а не заделана для свидетельства; почели было свидетельствовать, да за грехи наши изволил Бог Отца нашего Патриарха взять в вечное блаженство; и топере все стало, ожидаем тебя к свидетельству, а чудеса от него есть. И как почали его ставить на месте том, и отец наш говорить мне: „кому де в ногах у него лежать?“ И я молвил: „Ермогена тут положим.“ И он Государь молвил: пожалуй де, Государь, меня тут грешного погресть,“ и как отец наш преставися, и я грешный вспомянул его Государевы слова, как мне приказывал, где велел себя положить, и место выпросил, только дня не ведал, в который день Бог изволит взять, и мне грешному его Святительские слова в великое подивление, как есть он Государь пророк пророчествовал себе про смерть ту свой да с тех мест и заболел лихорадкою, да трясла его ходячи по дням, а к Вербному Воскресению и полегчело, да пришел утин да грыжа, на злую силу ездил на осляти а кручиноват добре был, в ходу никто не мог угодить, на всех кручинится; да и не служил сам, велел Казанскому да влаstem; а за столом весел таков был, сказывают, что не ведает, где деться. Да на страстной неделе посылал я в понедельник и во вторник, о спасении спрашивать, и он Государь сам выходил, да сказывал: „есть де легче; прямая де лихорадка, и знобит и в жар великой приводит;“ да во вторник ездил отпевать Ивана Григорьева сына Плещеева жену, а отпевал де на злую силу, весь де черн в лице; мне приехавши сказывали, кто был на погребенье том, гораздо де болен Патриарх, а в среду ту ни у заутрени, ни у обедни не был, а я того и не ведал, что он гораздо болен, да послал я Василья Бутурлина о спасении его великого Святителя опросить, а его де едва вывели, а говорит де хорошо. И прииде мне в вечеру помышление тоеж среды, что пойтить к нему мне навестить его, а другое помышление мне прииде, что завтра де побываешь; и Божиим изволением первое то помышление гораздо почало понуждать итить к нему, и благословяся у отца своего духовного, пошел к нему тое ж среды в вечеру, и пришел

к нему за час до вечера, и дожидался с час его Государя в Крестовой, и вывели его едва ко мне, идет мимо меня благословлять Василья Бутурлина, и Василей молвил ему: „Государь де стоит:“ и он, смотря на меня, спрашивает: „а где де Государь?“ и я ему известил: „перед тобой Святителем стою; и он посматривая, молвил: поди, Государь, к благословению,“ да и руку дал мне поцеловать, да велел себя посадить на лавке, а сел по левую руку у меня, а по правую не сел, и сажал, да не сел; а вышел ко мне, зная, в самом злом знобу, как почело его знобить, а он и вышел ко мне; да спросил его я Святителя про болезнь: „какая болезнь?“ и он сказал: „лихорадка де знобит и топере;“ а говорит с забытью, а иное замолчит, да долго не говорит, а лихорадка та его как не подымая, знобит; и я учал ему говорить: „такое-то Великий Святитель, наше житие: вчерась здорово, а ныне мертвы, и он Государь молвил: „ах де, Царь Государь! как человек здоров, так де мыслит живое, а как де примет, ин де ни до чего станет;“ и я ему свету молвил: „не гораздо ли, Государь, не домогаешь?“ и он молвил, как есть скрозь зубы: „зная де что врагуша трясет, и губы окинула, чаю де что покинет и летось также была.“ И ты меня грешного прости, Великий Святитель и равноапостолом и Богомолец наш преосвященная главо, в том, что яз ему не воспомянул о духовной, и кому душу свой прикажет, и что про келейную казну прикажет и не воспомянул; для того в том прости, Великий Святитель: обманула меня тем, я чаял, что впрям трясавица, а не впрям смертная; по языку тому признавался, что худо говорит и скрозь зубы, и помышлял себе, что гораздо болен, да положился на то, что знобит больно; то-то он и без памяти; а се и то мне на ум пришло великое сумнение: болезнь та на нем трясавишная? а мне молвить про духовную ту, и он помнит, вот де меня избывает; да станет сердечно гневаться, да для того впрям и положил, да то-то себе почаял: еще утре побываю у него, и ты меня, Великий Святитель, для Христа прости мое согрешение, что постыдился воспомянуть о преждеименованной духовной и об иных статьях, чаял, что утре увижусь; и ты меня прости; ей не с хитрости сие дело сотворилось, сатана заплал такое дело совершить, и я у тебя Великого Святителя прошу

согрешением своим прощения и благословения и разрешения и сему моему согрешению. Дозде да возвращуся на преждереченное, да об отце своем повесть dokonчаю. И посидя немного, я встал и его поднял, и так его почало знобить, не вмог и достойно проговорить, славу проговорил с отпуском на силу; да почел ко мне прощения говорить; что говорят в среду на Страстной. И я ему отвечал по уставу, да сам почел прощение к нему творить, да поклонился в землю ему, а он малой поклон сотворил, да благословил меня, да велел себя вест провожать меня, а ноги те волочить на злую силу, и я стал и учал его ворочать; „воротися, Государь, ей пуще тебе будет;“ и он мне жалуеет говорит: „ино су я тебя и в другоредь благословлю“ и я молвил: „пожалуй же, Государь Великий Святитель, благослови и третицею;“ и он пожаловал и в третий благословил, да как благословит и руку даст целовать и в херувим; и я благословясь, да поклонился в землю ему и поцеловал в ногу, и он смотря на меня, благословляет и прощает, да и воротился, да и повели его в задния кельи, а я пошел к себе; да молвил оглянясь: завтра де велю служить и действовать Казанскому со властями, а на меня де не покручнись, не могу;“ и я молвил: „добро, Государь, вели ему, а сам по-отдохни к Светлому Воскресению.“ И енто все делалось в среду на Страстной в вечере, а на утре в четверг допевают у меня заутреню за полчаса до света; только начали первой час говорить, а Иван Кокошилов ко мне в церковь бежит к Евдокее Христовы мученицы и почал меня звать: Патриарх де кончается; и меня прости, Великий Святитель, и первой час велел без себя допевать, а сам с небольшими людьми побежал к нему и прибежал к нему, а за мной Резанской, я в двери, а он в другия; а у него тольке протодьякон, да отец духовной, да Иван Кокошилов со мной пришел, да келейник Ферапонт, и тот трех не смыслит перечесть, таков прост, и себя не ведает, а опричь того ни отнюдь ни кого нет, а его света *поновлял отец духовной*. И мы со Архиепископом кликали и трясли за ручки те чтоб промолвил, отнюдь не говорит, тольке глядит, а лихорадка та знобит и дрожит весь, зуб о зуб бьет; и мы со Архиепископом не могли роскликать, и спрашивали Протодьякона, для чего

вести ко мне не поведали и ко властям, и он почал говорить то: „кобы де не я, Государь, заставил сильно поновлять отца духовного, и он бы де так и ушел безо всего; я де пришел к нему, а он де лежит без памяти, а отца духовного выслал вон, и он де стоит у дверей, не смеет и войтить; я де почал говорить: для чего нейдеш? и он де мне говорит: не смею де иттить, станет де кручиниться, и я де закричал: хотяб де бил тебя, и тыб де шел к нему, видишь де и сам, что топере он в нецевелье, потому болезнь та гораздо приняла его; и Ивана того де я сыскал да послал по тебя Государя и по Казанского и Резанскаго“; и мы спрашивали отца его духовного, каково говорил в исповедании, и он сказал: „гораздо де тупо понавливался, чуть де намечал;“ да Протодьякон сказывал: „я де даве на великую силу роскликал, инь де только и молвил: „пошли де по Государя, да и только; да с тех де мест и по ся месть языка нет, как вы и пришли;“ и я Резанской почели кликать, и он Государь толко очми зрит на нас быстро, а не говорит, знатно то что хочет молвить да не сможет; не могли роскликать ни коими мерами, как есть в лихорадке, как в жар кинет, так то он лежит в забытии, не ведомо какая болезнь та у него Святителя была. Да мы с Резанским да сели думать, как причащать ли его топере иля нет; а се ждали Казанского и прочих властей, и мы велели обедню петь раннюю, чтоб причастить; так Казанской прибежал, да после Вологодской, Чудовской, Спасской, Симоновской, Богоявленской, Мокей Протопоп, да почел кликать его и не мог роскликать; а лежал на боку на левом, и пореворотили его на спину и подняли главу то его по выше, а во утробе то и знать как грыжа то ходит, слово в слово таково во утробе той ворошилось и ворчало, как у батюшки моего перед смертью; так Казанской учал говорить, чтоб причастить запасными дарами и велел отцу духовному прощения перед всеми властями за него; и причащали его Святителя при мне Казанской, Резанской, отец духовной его, да Протодиакон; а причащали его власти без риз, в мантиях без клубуков; а как пожаловали части и ему уста разымал протодиакон, а он Государь без памяти лежал. И после причастия почал он Государь гораздо дышать больно; и почал

отец его духовной говорить: велел де себя маслом соборовать; и почали облачаться, и к освящению масла приехал Вологодской, а Ростовской и Крутицкой, да Андроньевской, да Здвиженской, и иные прочие черные власти были в Соборе приспел как час освящению и помазанию маслу; а отец духовной мой со мной вместе пришел, а причащали без него: он начас вышел; и почали первое Евангелие честь, а я у него стою, да возле меня стоит по правую сторону отец его духовной, а мой отец духовной по левую сторону у него стоит, под руку его под левую держит, опадывает рука та добре; и как прочел Казанской и приложил его, так после Евангелия того почал гораздо быстро смотреть на левую сторону ко властям, где масло то освящают, да повел очьми теми вверх да почал с краю того жаться к стене; и меня прости, Владыко Святой, кой час почал пристально и быстро смотреть, и я узнал, что он видение видит; неупомню где я читал: перед разлучением души от тела видит человек вся своя добрые и злые дела; и молвил я отцу его духовному: „видит отец наш некое видение“; и он молвил: „нет де, полна де, в нецевенье, так смотреть“; и я молвил: „смотри, что будет, и сам не знаешь, что говоришь; и я отцу духовному своему сказал, что видит некое видение; и он молвил: „видит де нечто“; а смотрел с четверть часа быстро со здом, а смотрит все в потолок знатно то что видит, и почал руками закрываться и жаться к стене то и в угол, как стену ту не выломит, и руки те вырвал у Протопопа, да почал закрываться, да закричал великим гласом, а неведомо что, да почал хорониться и жаться добре в угол; походило добре на то, как кто кого бьет, а кого бьют, так тот закрывается, так то над ним Святителем было; да затрясся весь в ту пору и плакать почал и кричать также, а смотрит вверх; да было того с полчетверти часа, да после кричания почнет и отходить, дважды отходил и отходную говорили, да опять очнулся да почал тихнуть, а очи гораздо мутны стали скрижания, и я перед ним проговоря прощения да поцеловал в руку да в землю поклонился, пошел к себе в пятом часу в исходе, а казну келейную в чуланех и в полатах, и домовую везде сам перепечатал после освящения масла. А у него Святителя остался Резанской, да отец его

духовной, да ризничей, да Спаской келарь Пафнотей Еропкин; а Казанской со властью пошли готовиться к службе, и начали в Соборе в седьмом часу вечерню, а у меня туж пору начали; и как начали петь в Соборе и как начали у меня, вместо Херувумской первой стих: Вечере Твоей Тайне петь, а он Государь в тот час преставися осмого часа в полы; и пропели первой стих, и прибежал Келарь Спаской и сказал мне: Патриарха де Государя и не стало; а в ту пору ударил в Царь-колокол трикраты; и на нас такой страх и ужас нашел, о два петь стали и то со слезами у а в соборе певчие и власти все со страху и ужаса ноги подломились потому что кто преставился, да к таким дням великим кого мы грешные отбыли; яко овцы без пастуха не ведают где деться, так-то мы ныне грешные не ведаем, где главы приклонити, понеже прежнего отца и пастыря отстали, а нового не имеем. И ты, Владыко Святый, помолись и с Васильем Уродивым сии речь нашим языком с Вавилом, чтоб Господь Бог наш дал нам Пастыря и Отца, кто ему свету годен, имя вышеписанное, а ожидаем тебя Великого Святителя к выбору, а сего мужа три человека ведают: я, да Казанской Митрополит, да отец мой духовной, тай не в пример, а сказывают свят муж. А от zde да возвратимся на преждереченное: и отпевши обедню, пришел к нему свету, а он Государь уже преставися, лежит как есть жив, и борода расчесана лежит как есть у живого, а сам немерно хорош; и простяся с ним и поцеловав в руку, и пошел к умовению ногам, а его Государя приказал готовит погребальная Резанскому Архиепископу, да Архимандриту Андроньевскому, да отцу его духовному, а те все власти были в службе; и после умовения, с Казанским Митрополитом с Корнилием и со всеми властью приговорили выносить на завтрене в пятницу в великую к Риз положенью до часов, да вынести и по мощи пойтить к Благовещению Богородицы и пришли по него часу в пятом дни, а он свет как есть жив лежит; и веры нейметя, что он Государь отец наш преставился, таков хорош лежит во гробе, только неговорит; а облачали его света все власти, Казанской Митрополит с товарищи, и вынесли его света к Риз Положенью, и вынеся его, пошли по мощи к Благовещению. И ввечеру того

пятка пошел я с женой и с сестрами к Благовещанию к Святым мощам и в Собор к гробу Господню знаменаться и с отцом нашим Иосифом Патриархом проститися и прощение получить; и из собору пошел сам один наперед преж их к Риз Положенью выслать сидельцов; да пришел я к дверем полунощным, а у него отнюдь никакого сидельца нет, кому велел быть Игумном, те все розъехались; и я их велел смирять Митрополиту, де такой грех, Владыко святой, кого жаловал, те ради его смерти, лучшей Новинской Игумен тот первой поехал от него домой, а детей боярских я смирял сколько Бог помочи дал; а над ним один священник говорит псалтырь, и тот говорит во всю голову кричит, а двери все отворил; и я почал ему говорить: для чего ты не по подобию говоришь? „прости де, Государь, страх нашел великой, а во утробе де, Государь, у него Святителя безмерно шумело больно грыжа до тебя Государя, то-то де меня и страх взял; а у него Государя живот взнесло с пол аршина из гроба зная утробы то его, и руки не сойдутся как у прочих мертвецов ведется, а как преставился и вынесли, и у него света отнюдь живота не зная было из гроба, только голова одна на ружье была;“ да священник же почел мне сказывать: „часы де в отдаю; вдруг взнесло живот у него Государя и лицо в туж пору почало пухнуть: то-то де меня и страх взял; я де чаял ожил, для того де я и двери отворил, хотел бежать.“ И меня прости, Владыко Святой, от его речей страх такой нашел, едва с ног не свалился; а се и при мне грыжа то ходит прытко добре в животе, как есть у живого, да и мне прииде помышление такое от врага: побеги де ты вон, тотчас де тебя вскоча удавит; а нас только я да священник тот, который псалтырь говорит; и я перекрестясь да взял за руку его света; и стал целовать, а во уме держу то слово: от земли создан, и в землю идет, чего бояться? да руку его хочу покинуть, а сам смотрю на лицо его, и он безмерно пухнет; борода то вся сжалась, а лицо розно пухнет; да в туж пору как есть треснуло так то у него во устех, нежидоть треснул, да и уста те стало воротить при мне розно, а нежидоть пошел изо уст и из ноздрей кровь живая; и я досталь испужался, да поостоялся, так мне полегчело от страху, да тем себя и оживил, что за руку ту его с молитвой взял; да и дух

почал великой быть; а жена и сестры отнюдь не испужались, а близко блюлись подойти; безмерно, Владыко святой, страшен в лице том стал, лицу тому у него света единым часом доспелось и я оставил сидеть и ночевать Чудовского келаря Феодосия. И пришел келарь Чудовской в полночь против Суботы и почал мне говорить: „нежду де добре много идет,“ и меня прости, Владыко Святой, велел тайно ему одному да отцу его духовному, Знаменскому Игумену, повертет в ногах, и шел неждь во всю ночь, течмя шел, мы чаяли, что и не престанет; стал с Казанским Митрополитом тужить и Содетель наш и Творец свыше нас делает: как часы отдали денные в Субботу в великую, а у него и престал итить неждь, так мы по ранее обедню ту, положась на волю Божию, для того и велели в пятом часу дни благовестить, блюлись того: человек сырой, а се не вылежал, ни выболел, блюлись долго не хоронить; и так безпрестани и в головах и в ногах ладоном окуривали горшки стояли с ладоном, ин и так духот слышет не так что по всей церкви, а саженох в двух слышет; ладон столбом идет, а духу того не задушить. А погребли в одиннадцатом часу дни, отслужая с ним обедню, и по заамбонней молитве вынесли и погребение совершили; а он стоял покрыт весь, только шапка одна на руже была не покрыта, да рука вынета из под покрова для целования; а целовали мы в шапку да в руку, а лица отнюдь ни коими мерами не лзя было открыть; ведомо, Владыко Святой, тело перстно есть, да мы малодушнии тотчас станем осуждать да переговаривать: для того и неоткрыли лица. Да как его Государя переложили во гроб, так стал Казанской Митрополит грамоту разрешительную говорить, а какова грамота, и с нее список под сим столбцом подклеен.

„Во имя Святые и Живоначальные Троицы Отца и Сына и Святого Духа. Се аз, смиренный Корнилей Митрополит, молясь Тебе Христу моему Владыце, прощаю и разрешаю именем Твоим сего Твоего раба, Святейшего Иосифа, Патриарха Московского и Всеа Руси, подражая Божественных Твоих уст слову к святым Твоим учеником и Апостолом, глаголющему: аще согрешают пред всеми человецы семдесят седмицею, прощайте их; и паки: его же бо аще свяжете на земли, будет

связан на небесех, его же аще разрешите на земли, будет разрешен на небесех. По Божиим же Твоим Владыко, и неизреченным судьбам, сподобивый мене в превеликий той час человеческая согрешения прощати и разрешать, и аз смиренный Корнилей Митрополит, именем Твоим, Владыко Христе, благословляю и разрешаю и простил есмь сего Твоего раба, Святейшего Иосифа Патриарха Московского и всеа Руси, от всех содеянных им согрешениях, елика бо той Тебе согреши волею и неволею, словом и делом и помышлением; понеже бо, Владыко Христос всех Царю, пришел еси грешных спасти и безответных, и токмо Ты един еси без греха, а человека несть иже жив быв к Тебе не согреши; но молю твое, Владыко, великое человеколюбие, яко да в приидущий великий день страшного и неизмолимого Твоего суда, десные части того, о нем же молю Твое милосердие раба твоего, Святейшего Иосифа, Патриарха Московского и всеа Руси, не отлучи, и небесного Твоего Царствия наследие ему даруй, со всеми иже от века благоугодившими. Аминь.“

А прочетчи, положил в правую руку, а в левую список рукописание его лет, и положи благословил рукой да поцеловал в руку; и мы, Владыко святой, надселися плачучи, кого кто благословляет, сын разрешает отца и благословляет, и в ту пору плакали все как грамоту чел, а то и досталь надселися все плачучи отца нашего как так изволил взять; а мне первому грешному и мерскому которая мука не ждет? ей все ожидают меня за злые дела, и достоин окоянный тем мукам за своя согрешения; а Бояре и власти тож все говорили промежу себя; не было такого человека, который не плакал на него смотря: потому вчера и с нами, а ныне безгласен лежит, а се к таким великим дням стало. А отец духовный тож разрешительную молитву говорил тайно подшедчи к нему, преж спускания в землю, как начали канон на погребение петь. Да такой грех, Владыко святой, погребли без звону: все позабыли в страхе я вспоминавал как почали поклоны класть за него, так я велел звонить после погребения доколе мы все поклоны клали, а в ту пору звонили, а прежних Патриархов с звоном погребали. А как я от него пошел от живого в четверг, и после меня, сказывали

мне Резанской Архиепископ с товарищи, дважды де недуг имал Патриарха без тебя страшным обычаем, да после де того сжался с дважды прытко; да и отошел ко Господу Богу. А как, Владыко Святый, маслом его света соборовали, и как отец его духовной прощения стал за него говорить ко всем властям большее и рукоположение поминал, и он свет глядит на них, а не говорит: то-то слезно, Владыко Святый и проговоря поклонился в землю, а Казанской Митрополит и все власти едва возмogli ответ сотворити; ей, Владыко Святый, едва голосами ни вскрикнули плачучи, как жив смотрит, а ответа не творит все люди около его стряпают; меня прости, Владыко святый, надселя плачучи, на него света смотря, а свои грехи воспоминаючи; и которые от ближних были со мною, все перервались плачучи, а всех пусти Трубецкой, да Князь Михайло Одоевской, да Михайло Ртищев, да Василей Бутурлин плакали по нем Государе, что как Бог изволил скорым обычаем взять, и свои грехи воспоминаючи. Да сказывал мне Василей Бутурлин, а ему сказывал Патриархов дьяк Федор Торопов: мнение де на него Государя великое было; то и говорил: переменить меня, скинуть меня хотят, а будет де и не отставят, и я де и сам за сором об отставке стану бить челом, и денег приготовил с чем итить, как отставят, безпрестани то и думал и говаривал, а неведомо от чего; а у меня и отца моего духовного, Содетель наш Творец видит, ей ни на уме то не бывало и помыслить страшно на такое дело; прости, Владыко Святый, хотябы и еретичества держался, и тут мне как одному отставить его без вашего собору? Чаю, Владыко святый, аще и в дальнем ты разстоянии с нами грешными, едино тож речеши, что отнюдь того не бывало, что его света отставить или ссадить с безчестием; ты сему помышлению нашему свидетель, и не токмо великий Архиеерею и служебник Божий, свидетель и странный брат наш Василей, чаю и он тож речет, что отнюдь в помышлении нашем того не бывало у нас.

А келейные казны у него Государя осталось 13,400 рублей слишком; а судов серебряных, блюд и сковородок, и кубков, и стоп, и торелей много хороших; а переписывал я сам келейную казну так: которые суды имал из домово́й казны, те все опять

отдал в казну, а которые Князь Юрьевские суды, а деньги платил он келейные, и я те суды отдавал в домовую казну которыегодились, да деньги взял по оценке, я и давал по нем же Государе. Да таких судов нашлись 30 и больши, что ни в каких книгах их нет, ни в росписях, а и прежь помянутые суды по маленьким памяткам сыскивал я сам, с полторы недели ежедень я сам ходил; а то кобы я сам неходил да велел переписывать по прежнему, и меня прости, Владыко Святый, мню, что и половины бы не почему сыскать, потому что записки нет; не осталось бы ничего, всебь раскрали; редкая та статья, что записано, а то все без записки; сам он Государь ведал наизуст, отнюдь ни келейник ни который ничего судов тех не ведал; а какое, Владыко Святый, к ним строенье было у него Государя, в ум мне грешному не вместится: не было того судна, чтоб не в пятеро оберчено бумагой или киндаком, а Князь Юрьевская Шулешева рухлядь достальная, которая лежала у него света в чердаке, пищали и сабли? и те все смазаны, отнюд ни какой ржавки нет; а на судах тех отнюдь никакого порошечка нет, не токмо пыли. А которые его Государевы камки и бархаты, и дороги и тафты келейные, 12 бархатов черных было, и проданы на сторону, потому что худы добре, а что продано в домовую казну и на сторону и что Князь Юрьевских продано, и тому всему роспись перечневая, а имянной не успел написать; ей, ей, и то на силу успел написать; а сия роспись подклеена под сим столбцом.

Роспись блаженные памяти Великого Господина Святейшего Иосифа Патриарха Московского и всеа Руси, келейной казне, что осталось после его преставления. На лицо денег 13,300 рублей, да келейной рухляди продано на 3258 рублей на 24 алтына на полшесты деньги; и обоего с наличными деньгами на 16438 рублей 25 алтына полшесты деньги. Из того числа в расходе: Сретенскому Протопопу Петру на милостыню и на окуп 2000 рублей; окольничему Михайлу Алексеевичу Ртищеву на окуп с правжей и роздать бедным людем 1000 рублей, в тюрьму и в черную Палату, и на Бархатный двор, и в Стрелецкой приказ на милостыню 100 рублей, в Троицкой Сергиев монастырь 300 рублей; в Московские монастыри на

милостыню 500 рублей; Патриарха двора всяких чинов людем роздавал сам Государь, которые были на Москве, а достальным роздавал Казанской Митрополит, которые из деревень после его преставления съехались, а роздано 2000 рублей; Патриаршу духовнику Знаменскому Игумену 100 рублей; Андроньевскому Архимандриту на вседневную службу и на вечной помин 100 рублей; Патриаршу племени на милостыню 600 рублей; Патриаршу ж племеннику Степану Исаеву 200 рублей, Корнилию, Митрополиту Казанскому и Свияжскому, на окуп церковных мест 2000 рублей, а окуплено 15 Престолов; тому ж Митрополиту на вседневную службу пределом 864 рубли; посельским старцом и Патриаршим служивым детем Боярским, что роздал Казанской Митрополит, 1200 рублей; на монастырские и церковные строения, и на милостыню, и на окуп с правезу, 1976 рублей 26 алтын 4 деньги; да по Государеву указу и по докладным выпискам и по подписным челобитным, дать из келейной казны на монастырские и церковные строения, и в Володимир и в украинные города на сорокоусты и на милостыню 2159 рублей 10 алтын. И всего в расходе 15,200 рублей; 3 алтына 2 деньги. А за тем в остатке будет 1337 рублей 21 алтын полчетверты деньги; а те деньги указал Государь оставить на кануны и на окуп бедным.

Да всех на меня пуще было: все смешано вместе и его Святительское и Князь Юрьевское, и брата его родного животы, Володимерского Протопопа, тут же, на великую силу разобрал; ей, ей себя надсадил, а записки ничему нет, да не токмо изустной памяти, ни приказу никакого нет, не токмо мне, ни отец его духовной Светов не слыхал приказу ни какого. А в домово́й казне, денег 1500, и купленной из келейной на 3286 рублей 29 алтын, а в остатке 11713 рублей 4 алтына 2 деньги; ао причь денег не переписывано ничего: велю переписывать Князь Федору Семеновичу Куракину, да Князь Ивану Ивану Ивановичу Ромодановскому а Боярину Патриархову Василью Федоровичу Янову и дьяком, отдавши келейную казну. А со мной у келейные казны были боярин Василей Васильевич Бутурлин; да думной дворянин Федор Кузмичь Елизаров, да думной дьяк Михайло Волошенинов, да чаю, Владыко святой, келейную

казну в четьредесятницу всю роздам. А деньги он Государь копил, толко которые камки и атласы и всякие дары, и мои и ваши святительские и всякие приносные, не много держал у себя со сто или с двести аршин, а то все отдавал в домовую казну, да деньги по оценке за всякой аршин имал в келью, да на те деньги хотел себе купить вотчину и дать по себе в Соборе, и перед смертью дни за два торговал, да Бог не изволил: а я купить без его именного приказу не смел, роздал большую половину бедным прямым на окуп, которым ввек окупиться нечим, да в монастыри бедные, и достальные туды ж пойдут. Да и в том меня, Владыко святой, прости: не много и я не покусился иным судам, да милостию Божию воздержался и вашими молитвами святыми; ей, ей, Владыко святой, ни маленькому ничему не точен, было бы владыко святой и меня столко, что и в четверо цену ту дать, да не хочу для того, се от Бога рех, се от людей зазорно, а се какой я буду прикащик, самому мне имать, а деньги мне платить себе ж? А топере немерно рад, что ничему не точен ни Патриарховых, ни Князь Юрьевских животов, ни товарищем своим, которые со мной переписывали, Василей с товарищи, и им не дал купить, толко лише продал я Василью на двадцать на семь рублей, и то из мелочи Князь Юрьевских, а больше того отнюдь ничего не дал купить, а и то дал купить, что никто не купил; а я для того себе не купил, что милостию Божию и отца своего благословением всего много, и того не изжить. Да я ж, Владыко святой, дал по нем по Государе Василию Янову отлас да братину, а цена шестнадцать рублей; да толко одному Василию лишнее дал, а дьяком дал по братиночке да по камочке, а цена по 10 рублей; Казначею, и Ризничему, и дьяком певчим, и детем Боярским, и певчим, к поддьякону и поддьяком, и старцом, которые у него во дворе, и поваром, и хлебником, и конюхом, и по селам всяким людем, которые были на жалованье, и водовозом, всем давал из своих рук по 10 рублей, и последнему то ж дал; а собирал их в крестовую его Патриархову и говорил им я со слезами, чтоб поминали, а не роптали, а я тепере вам даю милостыню, а не жалованье по окладом, потому и милостина нарицается, что всем ровна, какова первым, такова и последним; и они все

плакали и благодарили; и говорил им я, чтоб поклонцов по силе или по кануну на всяк день говорили; а не слушаете моих слов, от роптания не уйметесь, ему Святителю ничего не сделаете, токмо душам своим сотворите вечную погибель; да и то я им говорил, Владыко святой: „есть ли в вас такой, ктоб раба своего или рабыню мимо дела не оскорбил, иное за дело, а иное и пьян напившись, оскорбит и напрасно бьют; а он Великий Святитель, отец наш, аще кого и по напрасньству оскорбил, ино мочно и потерпеть; да уж что ни было, тако тепере пора всякую злобу покинуть, да молитесь и поминайте с радостью его света, елико сила может;“ а не дать было им и не по тешить деньгами теми, которым я дал им по девяти рублей, роптанию большому было быть, потому что в конец бедны, и он свет у них жалованья гораздо много убавил. А досталним и поместным и которые были в деревнях, и тем давал то ж по 10 рублей Казанской Митрополит и говорил им тож, что я; а съехались они поздно, в Мае месяце в 25 числе, а я давал тем на Фомине недели, которые в ту пору были; и ни по котором Патриархе такой милостыни им не бывало, и по Филарете дано человеку по 4 рубли, а иным и меньше. Да я ж теперь один строй и Резанского Моисея Архиепископа душу, а всего застал денег восемь сот рублей слишком; да судов серебряных рублей ста на полтора. Да буди тебе Великому Святителю ведомо: грядет к нам в Царствующий град наш Москву судья Вселенский и Александрийский Патриарх, в Молдавскую землю приехал, а в Путимль ожидают к Вознесеньеву дню, а к Москве чают к Петрову дни. Да еще буди тебе ведомо, Владыко святой: Казанского благословил отец наш на Страстной недели во вторник, да и мы пожаловали велели по прежнему в саку служить, а воздели на него сак на Светлое Воскресенье. Да еще буди тебе Великому Святителю ведомо: во Дворец посадил Василия Бутурлина Марта в 17 день; а Князь Алексей бил челом об отставке, и я его оставил, а ныне добре болен; а слово мое ныне во Дворце добре страшно и делается без замотчанья. Да еще буди тебе Великому Святителю ведомо: Костьку, конюхова человека Тимошкина, отдали мне из Свей, везет его ко мне Енакльчъ, а и Тимошку велела Королева изымать, послали по

всем своим городом заказ крепкой под смертью, и хотят отдать. Да ведомо мне учинилось от Князь Ивановых грамоток Хованского, что будто он пропал, а пропасть свой пишет, что будто ты его заставляешь с собой правила ежедень; да и у нас перешептывала на меня: николи де. такого безчестия не было, что ныне Государь нас выдал Митрополитом, и потом и я тебя, Владыко святой, о том молю с молением, пожалуй его с собой не заставляй у правила стоять; добро, Государь Владыко святой, учить премудра, премудрее будет, а безумному мозолие ему есть; да будет и изволишь ему говорить, и ты, Владыко Святой, говори от своего лица, будто к тебе мимо меня писали, а я к тебе, Владыко святой, пишу Духовную; а добро бы пожаловать послушать, не токмо ему про то говорить, чтоб и к правилу не имал; да здесь бы передо мной вы с очей на очи переведались; Да Василей Отяев пишет к друзьям своим; лутчи бы де нам на новой земле за Сибирью с Князь Иваном Ивановичем Лабановым пропасть, нежели де с Новгородским Митрополитом, как де так что силой заставляет говеть, никого де силой не заставит Богу веровать. И тебе б, Владыко Святой, пожаловать сие писание сохранить и скрыть в тайне, ее пожаловать тебе Великому господину прочесть самому, не погнушаться мной грешным и моим рукописанием непутным и несогласным; да пожаловать бы тебе свету моему велеть да и брату нашему Восилью Босому прочесть сию грамоту и список сей.

II.

Избранному и крепкостоятельному пастырю и наставнику душ и телес наших, милостивому, кроткому, благосердому беззлобивому, но и паче же любовнику и наперстнику Христову, и рачителю словесных овец. О крепкий воине и страдалче Царя небесного, о возлюбленный мой любимиче и содружебниче святой Владыко моли за меня грешного, да не покроет мя тимения глубины грехов моих, твоих ради молитв святых; и надеясь на твое пренепорочное и беззлобивое и святое житие, пишу сице светлосияющему во Архиереях, аки солнцу светящему по всей вселенной, тако и тебе сияюще по всему нашему Государству благими нравы и дела добрыми, Великому Господину и Богомольцу нашему, Преосвященному и пресветлому Митрополиту Никону Новгородскому и Великолутцкому, собинному нашему другу душевному и телесному. Спрашиваем о твоём святительском спасении, как тебя света душевного нашего Бог сохраняет, а про нас изволишь ведать, и мы, по милости Божии и по вашему святительскому благословению, как есть истинный Царь Христианский изричюся, а по своим злым мерским делам не достоин и во псы, не токмо в Цари; да еще и грешен, а нарицаюся его же Светов раб, от кого создан; и вашими святыми молитвами, мы и с Царицею, и с сестрами, и с дочерью, и со всем Государством Мая по число, дал Бог здорово. Да буди тебе Великому Святителю ведомо: за грехи всего православного христианства, но и паче и за мои окаянные грехи, Содетель и Творец и Бог наш изволил взять от здешнего прелестного и лицемерного света Отца нашего и Пастыря Великого господина Кир Иосифа, Патриарха Московского и всея Руси, изволил его вселити в недра Авраама и Исаака и Иакова, и тебе б отцу нашему было ведомо; а мати наша, Соборная и Апостольская Церква, вдовствует, зело слезно и вельми сетует по женихе своем, и как в нее войтить и посмотреть, и она, мати наша, как есть пустынная голубица пребывает; неимущи подружия: так же и она, неимый жениха своего, печалует; и все переменилось не

токмо в церквах, но и во всем Государстве, духовным делам зело разсуждения нет, и худо без пастыря детям жить. А как великий отец наш и Пастырь, святейший Иосиф Патриарх, встречал Иова Патриарха, и как на осляти ездил вход Иерусалим, и как его не стало, и то писано под сею грамотою. А тебе потом великому господину челом бью. И паки возвращайся, Господа ради, поскорее к нам, обирать на Патриаршество именем Феогнаста, а без тебя отнюд ни за что не примемся. А потом прошу от тебя благословения и прощения, со всем Государством; и потом благосердне челом бью. Писан на Москве лета 7160 Мая в д. А в конце подлинной грамоты пишет: „подписал яз своею рукой раб Божий Царь Алексей, всея Руси.“—А у тое же подлинной грамоты пишет на подписке: „Богомольцу нашему и Преосвященному Никону Митрополиту Новгородскому и Великолутцкому.“—А печать у тое грамоты воска черного, орел двоеглавой.

III.

От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Руси, великому солнцу сияющему пресветлому Богомольцу и Преосвященному Никону, Митрополиту Новгородскому и Великолуцкому, от нас, земного Царя поклон. Радуйся, Архиперее великий, во всяких добродетелях подвижающийся! Как тебя великого святителя Бог милует? А из грешный твоими молитвами дал Бог здорово. Да буди тебе ведомо: бывшего Новгородского Митрополита Аффония не стало на шестой недели во вторник великого поста; и я наштоль, владыко святой, писал ко Архиепископу Псковскому и Изборскому Макарию, велел его пограть, где он изволил себя пограть; а тебя дожидаться, владыко святой, долго а ему стоять до тех мест долго ж. Да не покручинься, Господа ради, что про Савинское дело не писал к тебе, а писал и сыск послал к келарю: ей позабыл; а се в один день прилучилось все отпуски, и к тебе Святителю, и к ним, и к Василию Босому, и в Савинский монастырь к Алексею про Казначая, а я устал; и ты меня, владыко святой, прости в том: ей без хитрости не писал к тебе; а им велел тебе же поднести прочесть не распечатавши, чтоб было ведомо тебе святителю, а тебе пожаловать, прошения нашего не презреть, прочесть у них с милостию, а не гневаться на меня. Да пожаловати бы тебе великому святителю помолитися, чтобы Господь Бог умножил лет живота дочери моей, а к тебе она Святителю крепко ласкова; да за жену мой помолитися, чтобы, ради твоих молитв, разнес Бог с рабеночком, и уже время спеет, а какой грех станетца, и мне, ей, пропасти с кручины; Бога ради, моли за нее. Да пожаловать бы тебе великому Святителю показати мои грешные грамоты и список брату нашему Василию Босому и велети ему прочесть, которые я к тебе грешный Царь писал. Да буди тебе Великому святителю ведомо: многолетны у нас поют вместо Патриарха: спаси, Господи, Вселенских Патриархов, и Митрополитов, и Архиепископов наших, и вся Христиане, Господи, спаси; и ты отпиши к нам, великий Святителю; тако ли надобет петь, или как

иначе петь надобно, и как у тебя святителя поют, и то отпиши к нам. Да отпиши, Великий Святитель, Господа ради, против всех моих писем; как изволишь и как тебя Бог святителя наставит, так пожалуй и отпиши; а сотника без письма не отпускай к нам. А по сем радуйся ты, Архиепископ великий, и веселися в добрых делах; а нас благослови и прости, Владыко святой, в слове и в деле и в помышлении, и моли за нас грешных, и не забывай нас в своих молитвах на всяк день и час. А потом я, многогрешный Царь, благосерднее челом бью. Писано в Москве, лета 7160 Маия в 25 день. А в конце у подлинных грамоты пишет: „А подписал многогрешный Царь своею рукою, скорым делом.“

IV. 1652 года. Июня 11.

Письмо к Царю Алексею Михайловичу от Новгородского Митрополита Никона о прибытии его с мощами Святого Филиппа Митрополита в Онегу и о случившейся гибели на море от разбития лодки дьяку Постникову с двумя сыновьями и другими при нем. Благоверному и Христоролюбивому Царю Государю Великому Князю Алексею Михайловичу всея Руси и Благоверной и Христоролюбивой Царице и Великой Княгине Марии Ильиничне, и Государыням Благоверным Царевнам, Богомолец Ваш смиренный Никон Митрополит Бога моля челом бьет; будьте Государи во многих Богоугодных делах здравии и долголетныи, а я Богомолец Ваш за милостию Божиею молитв ради Святого Филиппа Митрополита с моря приехал с мощми Святого Филиппа Митрополита на Онегу под порог Июня в №1 день в 6 часу дня, и тогоже дни и часу встретил мене Богомольца вашего сотник Ларион Иванов сын Панин с Вашими Государевыми грамотами, а принял те Государевы грамоты под порогом и прочол все и от страху и радости и слез воистинну яко изумлен был на много время, обаче за премногую твой Государеву милость писати противу ко мне Богомольцу Твоему ни ума, ни времени не обрел точию благодаря и хваля Бога, дерзнул мало ведомо тебе Государю Царю аз бе грешный своею брэнной рукой яко жив есмь, а что ты Государь писал к рабу Божию Василью, а своему и нашему о Бозе другу и о том тебе преж сего писано, яко оста вашу и нашу любовь прейде к Небесному Царю в совет и в небесные кровы со святыми Ангелы жити, Мая в 6 день погребен честно в Сийском монастыре, милостыня и сорокоуствие довольно дано, а погребал я грешной, а положен пред входом церковным одесную страну притвора, и о всем писати к тебе Государю вскоре стало нельзе, а путем стану Государь милости у Христа прося стану елика сила может промышлять, а о Боярине и о дворянх тебе Государю от самого мене ведомо будет, как сподобит Бог очи твои видеть, а что было нужнее и то тебе писано, а дьяка судом Божиим не стало, утонул на море, лодью

его разбило и которые люди были и те все потонули Мая в 16 день в неделю, и люди его останок на море нашли на полы переломлена и под лодьею иконы, которые у него были узнали да подушка, а с ним сын его Петр да Иван Пустынников да Твоей Государевы мастерской Палаты портной мастер Игнатий с ученики, да два Подьячих да люди его да Богомольцев, а сколько человек и о том писано к тебе Государю преж сего, а про иной всякой случай еще изволит очи твои Государевы видеть, все будет ведомо, а я Богомолец ваш о вашем Государеве многолетном здравии Бога молю и челом бью, а что во многолетии Вселенских Патриарх поминал и то дело Бога как ты Государь писал.

V.

От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Руси, Богомольцу нашему Преосвященному Никону Митрополиту Новгородскому и Великолуцкому, да Боярину нашему Князю Ивану Никитичу Хованскому, да диаку Гаврилу Леонтьеву. Ведомо нам учинилось, что многие дворяне и всякие служилые люди, которые посланы с вами, с тобой Богомольцом нашим и с тобой боярином нашим, по мощи великого святителя Филиппа Митрополита, в великий пост не постились и не с благочинием едут: и тебе б Богомольцу нашему одноконечно заставить в Петров или Госпожин посты говеть; а которые учнут послушаться, и тебе Богомольцу нашему их, по правилом святых отец, запрещать и разрешать, занеж от Бога на тебя власть та положена, и на всякое благочиние приводить; а тебе Боярину нашему от всякого дурна их унимать и велеть ехать с благочинием, а не смехом; зане ж и к нам, земному Царю, едут со страхом и трепетом, а то кольми паче подобает ехать к такому великому светильнику со страхом и трепетом.

VI.

Никон, Божиею Милостию Архиепископ Царствующего Великого Града Москвы и Всея Великие и Малые и белые России Патриарх

Всем, повсюду и коемуждо особно пребывающим, священным и честным Архиереом, Архимандритом, Игуменом и всему священному причту, и всем благородным Боляром и прочим всем всякого чина и возраста, мужеска полу и женска православным Христианом, возлюбленным во святом Дусе чадом нашим, благодать, мир и милость от Вседержителя Бога Отца, и едиnorodного Его Сына, Господа нашего Иисуса Христа, и утешителя святого Духа, и наше благословение и молитва!

Настоящего времени, нынешнего от создания мира 7164 году, а от еже по плоти Рождества Господа Бога и Спаса Иисуса Христа 1656 году Августа в 6 день, известно буди вам, яко во многих градах моровое поветрие есть, а от чего, то един Бог святой весть и никому о сем знати не належит, разве, еже глаголати, яко не бывает злоба, сиречь скорбь, ни во граде ни в селе, аще не Господь попустит, еже глад, губительства, недуги и язвы и иная, о них же много zde писати не належит. Ныне же грех ради наших и zde во царствующем граде Москве объявилося поветрие, не во едином месте; но мы, яко же нам належит, должны есмы сами о себе и о людех молиться и плакаться пред Господом Богом, дабы Господь со всеми нами сотворил святую свой милость, и вас коегождо вкупе и особно молим о своих мимошедших и о настоящих прегрешениях каятися и грехи своя святым чистым исповеданием очистити, и молитвою, и постом со слезами праведный гнев Божий устави, что священным правилом, повелевающим преданные церкви четыре посты опасно хранить молим поститься; на непостящих бо ся глаголет правило Святых Апостол 66 сице: „аще который Епископ, или Пресвитер, или диакон, или поддиакон, или чтец, или певец в 40 дней, сиречь в великий пост, не постится и в прочия посты и во все лето во всякие среды и пятки, да извержен будет. Аще же мирский человек не

постится, да отлучится.“ Тем же всяк от вас, яко сын восточные Церкви, по силе да постится, и елицы по разсуждению отец своих духовных, аще достойнии явятся пречистых и животворящих таин тела и крове Христовы, да причастятся. Аще ли посем нашем завещании кто от злоб не отступит и святым исповеданием, и постом, и молитвами не присвоится Господеву, и по разсуждению отец своих духовных, святых таин не сподобится, и обрящет его Бог, яко все обрящет, по реченному во Пророце: „в чем ты застану, в том ты и сужду.“ И паки глаголет Господь Вседержитель Пророком к Пастырем: (Исаии г. 58. Иезек. 3). „Возопий рече крепостию и не пощади, и яко трубу вознеси глас свой и возвести людем моим грехи их.“ И паки: „сыне человекь стража дах ты дому Израилеву, да слышиши слово от устен моих, и воспретиши им от мене внегда глаголю беззаконнику, „смертию умреши; и не возвестиши ему ни соглаголеши, „яко остатися беззаконнику и обратится от пути его, яко же живу быти ему: беззаконник же той в беззаконии своем умрет, крови же его от руки твоя взыщу: и ты же аще возвестиши беззаконнику, и не обратится от беззакония своего, и от пути своего беззаконна, той беззаконник в своем беззаконии умрет, ты же душу свой избавиши.“ И еще: „рцы пастухом (Иек. г. 34), се глаголет Адонай Господь: оле пастуси Израилеви, еда пасутся пастуси сами, не овцы ли убо пасут пастуси? се млеко ядясте и волной одеваестеся, и тучное заколасте, а овец моих не пасосте, изнемогшего неподьясте, и болящего не уврачевасте, и сокрушенного не обязасте и уязвленного не зарастисте, и плавающего не обратисте, и погибшего не поискасте.“ Сего ради мы, яко же лепо пастырю, по Господни заповеди, возвещаем вам, возлюбленная чада, да по заповедем Господним шествующе, пост и молитву с любовью Господнею имуще, к животворящим Тайнам приступите, в преумножение всех благих, и помощью того самого Иисуса Христа от морового поветрия, елико мощно, себе блюдите. Аще ли кто от вас нерадения ради о сих обленится, да весть таковой, яко чист есмь аз от всякого поречения, сказав вам волю Господню, о вашем здравии и спасении пекийся. Тем же убо вси вы, любезная чада, покаянием и молитвою,

естественную Божию милость на щедроты пременити потщитесь, и с помощью его, елико мощно, опасно от морового поветрия ходите, зане еже опаство от сего поветрия с помощью Божиею имети добро есть и благоприятно, яко же и Святой Великий Афанасий свидетельствует ко Князю Антиоху в сороковом и во сто третьем ответе, глаголя сице:

Вопрос 102. „откуда бывают смертная; и чего ради В неких странах пустынных, языческих, многожды не бывают; но яко же на мнозе во вселенных и многонародных градах и многовестных?

Ответ. „Глубок воистинну вопроса ответ, и малым на земли вмещаем, обаче же яко же глаголет Господь: вмещающий да вместит. Аще бо рцем, яко многожды и от звезд тлетворных, и прахов, и зловония мертвечин, и дождей летних, и воздымлений, и воспарений земных и морских, недуги телесные и тля, и смерти бывают: абие не научении неции сопротивляются нам, а мы без промысленная, яже в нас глаголющим. Их же неких и спросити хотим. Рцыте нам о сии! како во граде некоем смертно бывает, из града же одного суть во иных странах две, или три тысячи купльствующих мужей, и никто же от них скончаться? Аще бо Божий гнев на град он приспе, подобаше весьма и далече сущим гнева вкусити: аще же и не всем; но любо неким, от них обаче да не дамы извета, сия ищущим, глаголем: яко многожды ова убо от смертных и по Божию прещению бывают, ова же и по звезд и прочих вин изветом, я же предрехом, яже яко наипаче растлевают младенцы, яко немощнии. Обаче и звезд и воздымлений творец есть Бог, рекий: „не две ли птице продаются на ассарий, и едина от них не падет без Отца моего, иже на небесех: ваши же и власи главнии вси изочтени суть.“

Вопрос. „Еда же пользуется, или избавляется от смертного из града во иную страну бегая?“

Ответ. „Пророку к Богу глаголющу, „камо пойду от духа твоего и от лица твоего камо побегу?“ явлено убо, яко бога убегнуть никто же может, аще же воздух некий, или иная тварь вина есть губительное творящая, негли избегает тоя во иную страну пришед.“ До зде убо блаженный Афанасий.

Но и Христос Спаситель, наказуя нас, не пометати себе самых в напасти, овогда убо от Ирода, не требуя бежати, бегаше, овогда же хотящим нам непокоривым жидом камение метнути, прошед сокровенно посреде их прохождаше, глаголя: *не у преиде час мой*. Овогда же хотящим Его с горы низринуту, такожде утаился от жестокосердых прохождаше. Ему же подобное и ученик Его Павел Апостол творяше. Овогда убо от сонмища, хотящего его убить, оконцем по стене свешен, овогда же сотником восхищен бысть, и избеже ловления. Иногда же иными образы, да несопротивен явится учителю Христу, спасение себе устрояше.

И отсюду явлено, яко не леть каждому себе самого в напасти пометати, аще бо в напасти себе самех пометающий оправдятся, убо и тии оправдятся, иже в пучину себе самих ввергшии ради потопления, и оружие в себе самых подкнувшии. Аще бо на весь град гнева Божия пролияние было бы, еже дано будет, то ни како же ни где же укрыться мощно. Было бы, якоже бе и на Фараона с вои при Моисеи потопление, или в Самарии при Осии Царе Израилеве. Ассириане, за неже не восхотеша прияти Закон Божий, львы поядоша, и нигде же от них кому мощно бяше скрытися, но всюду львы я пожираху. От оного же поветрия, аще бы убо было не возможно нигде же убегнуть, или и бежати от того было бы незаконно, не бы Святой Дух Афанасиева уста, на возвешение о сем всякому православному подвиг, якоже и ныне благодатию Божиею видимо есть на сотворших прехождение от Москвы, во время морового поветрия, иже бо на Бога надеющиеся и Евангельскому велению бежати от града во град от напасти, повелевающу последующе, и пророческое речение на уме имуще: „ступайте, людие мои, внидите в клеть свою, затворите дверь свою, укрьйтеся в мале, елико елико, донде же мимо идет гнев Господень,“ и великого Церковного учителя, Афанасия Великого, выше зде написанному наказанию не противишася, и во время бывшего тогда морового поветрия, яко же от Москвы, сие и от иных градов в здравые места прехождение сотвориша. И тамо, дондеже мор мимо иде, пребыша тии, яко исполнители Евангельских велений, милосердием Божиим и ныне

здравствуют, заповеди спасительные исполняюще и присно поучаются на Богоугодная деяния, и о спасении своем от оные язы хвалу Творцу своему воздающе; а иже непослушанием своим прехождение сотворити не восхотеша, и не точию самих себе от совести прельщаеми в вольную и непотребную напасть вринуша, но и прочим многим не наученым ложная видения и лукавая сония сказующе, и сими тех прельстивше, лютой того язвой своевольне тех уморити сотвориша, за них же восприимут месть от Вседержителевы руки, мню, не меньше убийц; вместо бо еже от гибели братию восхищати, смерть тем самоизвольну страстным си рассказанием прияти смыслиша, и еще и ныне буии о сем своем злом дерзновении не стыдятся и сами сопротивны Евангельскому велению и Афанасиеву праведному наказанию, паче же всей восточной Церкви суще. Еже бо Афанасий мудрствует, сие и вся православная Церковь исполнителей Христовых словес и блаженного Афанасия наказания совершителей дерзостне укоряет, и неправедне и себе самих от многия буести во исполнении злобы своя похваляют, по реченному пророком: мужаемся, глаголюще, и протившися,“ сиречь мужаемся в своем сопротивлении и истине никогда же хожем покориться. И что много глаголати? Обличает бо сих сам вышний промысла своего исполнением: егда бо умножися пред ним злобы людей Содомских и Гоморских, тех убо за беззакония во градах их огнем и жупелом на показание непокоривым потопа; а его же восхоте от погубления спасти, праведного глаголю Лота, не во граде, но извед его оттуду вон, спасе. Сим путь спасения показа, яко же от губительства бежати не точию несть грех, но и воли Божия исполнение и что к сему отвещают они противницы, иже сами себе и иных в лютую язву вметати нудящиися? воистинну ни что же. Аще ли кто лукаво и се помышляет, он яко же хочет, да творит. Нецыи же в мимошедшия лета сами себе не внимающе, ни хранящися сего и от того размножися, грех ради, язва и яко молния во всю Россию простреся, и колико душ православных христиан той лютой язвой скончашася! мнози же за умаление Иереов, ниже спутника доброго нашего, пречистого тела и крови Христовы, сподобишася: Ныне же всем вам предповествуем, и не точию

нынешнею грех ради язвой к подвигу доброму возставляем и поститися и молитися велим, но всегдашним Господним повелением устрашаем, еже речеся во Святом Евангелии: *бдите и молитесь, яко невесте, в кий час Господь ваш приидет.* И паки бдите и молитесь, да не внидите в напасть. А еже в та же мимошедшая лета в моровое поветрие мнози купно и особь собирающесе о нас глаголаху неподобная, и грехи наша поминающе, их же мы не точию не содеяхом, но ниже во сне помыслихом, и отхождение наше от царствующего града Москвы, еже бысть по указу Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея великие и малые и белые России Самодержца, за благоверной Государынею нашею Царицею и Великой Княгинею Мариею Ильичною, и за сыном его Царского Величества за Государем нашим Царевичем и Великим Князем Алексием Алексиевичем, виновна творят, буди им милость Божия, и не постави им Господи греха; аще ли же живые или отшедшие, понеже требуют отшедшие уже не имуще упования, но инии дерзающее на ся восхищати суд Божий и судят искренних, их же отречеся ныне Сын Божий, глаголя: *аще кто услышит, рече, слово мое, и не приемлет е, Аз не сужду ему: не придох бо, да сужду миру, но да спасу мир, отменяйся глагол моих, имать судящего ему слово, еже глаголах, то судит ему в последний день.*“ Тии же, которые на нас не удовлившесе сим, но и ложная от лукавого сердца видения и сония пред очи простейших предлагаху, простии же и ненаученнии не ведуще полезного, и внимают баснем их крамольным и бесовским и ложным их пророчествам, о них же Божественный Апостол предвидев, глаголет: *„внимающе, рече, духовом лестчим и учением бесовским в лицемерии же словесник сожженных своею совестию.“* Мнози бо тогда не внимающе правому велению и оных крамольников лживых баснословий напившесе клеветаху, ов на сего, ов не на иного, яко повинных творяще моровому поветрию, и мнози бесом прельщении пророчествоваху ложная, и о них же всем то явно, яко ничто же от глагол их ложных сбысться, точию себе губяще и братию свою, и на Бога хуляще, аки им извещение бысть се и се от Бога, да человецы то сотворят; на таковых бо лживых

пророк Божественный глас вопиет сице. Сие рече Господь сил: „не хотите послушати словес пророк, Иерем. 25; иже пророчествуют вам и прельщают вас. Видение сердца своего глаголют. Не от уст Господних, рекут сим, иже хулят мя, глаголах есть Господь: Мир будет вам и всем, иже ходят во строптивстве сердца своего, рекоша, не приидет на нас лукаво. Кто бо бысть в совете Господни, и виде и слыша словеса его? кто помысли слово того и слыша? в последния дни уразумеете совет Его. Не послал Пророки, а они течаху; не глаголах к ним, и тии пророчествоваху: аще бы стали в совете моем, и возвестили словеса моя людем моим, отвратил бых убо я от пути их злого, и от помышлений их строптивых. Еда мниша яко точию от близка Бог, аз есмь, рече Господь, а не Бог отдалеча; аще утаится муж в сокровенных, и аз не узрю его, рече Господь: еда небо и землю не аз наполняю, рече Господь; слышах, иже рекоша пророцы пророчествующе во имя мое лжу, и рекуще: видех сон, видех сон, доколе то есть в сердцы пророков, прорицающих лжу, и пророчествующих мщением сердца своего. Что хотяще творити, да забудут люди моя имя мое ради сония их, иже вещают един кождо искреннему своему. Пророк, иже имать сновидение, вещает сновидение. И иже имать слово мое, глаголет слово мое истинно, что плевел ко пшенице, рече Господь, еда словеса моя не суть яко огонь горящий, рече Господь, и яко млат сотрясующий камень. Сего ради се аз к пророком, рече Господь, иже крадут словеса моя един кождо от искреннего своего. Се аз к пророком, рече Господь, иже восприемлют языки своя и глаголют, рече Господь: се аз на пророки мечтающия лжу рече Господь, иже провещаша та, и прельстиша люди моя во лжу свой и в чудесех своих, яко Аз не послах их, ни заповедах им: они же ничто же успеха, людем сим рече Господь, да не препирают вас лживы пророцы, иже в вас, и не послушайте снов своих, яже вы видите, яко неправедне тии прорицают вам во имя мое, а не послах их.“ До зде словеса, яже Бог глагола чрез Иеремию, на обличение и нынешних лживых пророков, иже лживе вопияху к людем, и неутвержденных сердца своим лукавым помышлением возмущающе, и глаголющим: видех сон, видех сон, и извещение

се, и сие приях от Бога, дабы многих в след себе отторгнули, и мнози тому последующее по их рассказанию погибоша, и ничто же бысть на пользу, точию не брегуще и себе смущающиеся вси тем огнем объяти, лютую язву умножаху. И не дивитесь, чада мои, сим реченным, не от себе бо к вам глаголю сия, но Божиим пророком на обличение оных лживых сновидцов словеса и Великого Афанасия Александрийского, его же святая православная Восточная Церковь столп православия имеет. Аще кто веруя сим, да творит, якоже той пишет во 102 и 105 главе; „аще ли кто не покоряется, то да творит, что хочет себе и прочим; аще ли не имущии благодати Божия, ниже боящиеся Божия прещения, начнут вещати в предъидущее время ложная вещания и сония, их же по пророку Бог до конца отрину, заповедаю ни какоже послушати сих; не приемлете сих, и глаголемых от них никако же веруйте, зане сопротивна суть Богови: и аще кто хочет присвоитися Господеви, да ни какоже верует от оных лживых пророк, сновидцов глаголемых, и не точию да неверует им, но обличает их скоро яко противников Божиих и антихристов, о таковых бо Апостол вещает: „яко и ныне мнози антихристы суть, от нас бо изыдоша: но аще бо убо были от нас, пребыли убо быша с нами: но да явятся, яко не беша с нами.“ Да приводит к нам Пастырю; мы же данной нам от Великого Архиеереа Иисуса Христа истинного Бога нашего властью вязати и решить, подобающее обличение на таковых лжесловницех наложим по преданию святыя Восточныя Церкви к таковым бо лукавым лжесловным сновидцом сам Бог вещает пророком: „грешнику же рече Бог: вскую ты поведаети оправдания моя и восприемлещи завет мой усты твоими? ты же возненавидел еси наказание и отвергл еси словеса моя вспять.“ Аще убо Бог на таковые сие вопиет, кто смеет с ними совещатися, разве Богу сопротивляйся? И отсюда явлено, яко не точию не внимати леть есть лжесловию оных лживых сновидцов, но и блюстися их, яко губителей покрадывающих яко незлобивая, подобает. И се сам Христос Спаситель, предвозвещая нам, да не прельщени будем от них, глаголет; „блюдите, да никто же вас прельстит, мнози бо приидут во имя мое глаголюще, аз есмь Христос, и мнози прельстят, и будете

ненавидими всеми, имене моего ради, и тогда соблазняются мнози и друг друга предадут и возненавидят друг друга и мнози лжепророцы возстанут и прельстят многих и за умножение беззакония иссякнет любви многих; претерпевый же до конца, сиречь пребываяй во учении Христове и не послушаяй по Евангелию оных лжесловных сновидцов и богоненавистного их пророчества ложного, той яко истинный христианин, истинного нашего учителя Христа послушник и ученик, спасется,“ зане Христос Спаситель до конца ненавидяй лжепророчеств и лукавых сновидений, яко Бог, сим истинно широчайше нам от тех блюстися заповедает, да не словесы льстивыми, якоже и нынешния лживые сновидцы, прельстят нас; сего ради самими своими пресвятыми усты вещает: „Аще кто речет вам; се zde Христос, или онде, не имате веры; возстанут бо лжехристи и лжепророцы, и дадут знамения велия и чудеса, якоже прельстят, еще возможно, и избранные.“ Нынешнии же лживии пророцы и сновидцы ни что же чудес сотвориша, ниже творят, разве последующих им сотвориша безвременно и самовольно в беды себе пометати, и многих прежде времени льстивыми своими словесы сотвориша умрети, такожде и сами все умроша, и чудо! како и сим таковым лживым сновидцом мнози ненаказании последуют. По реченному Апостолом: „мнози, рече, последуют, им же истинный путь, сиречь учение Христово, похулится.“ О них же Христос, самая истина, едиnorodный Сын Божий запрещает нам, глаголяй сице: „се прежде рех вам, аще убо рекут вам, се в пустыни есть, не изыдите; се в сокровищах, не имате веры. Тако и вы, чада любезные, яко истинные христиане, истинного сего Владыки нашего Христа повеления никакоже преслушайте, и оных лукавых лжепророков и ложных их сновидений и ложных словес отнюдь не послушайте, и даже яко заповедей Христовых исполнители, самого того Христа, заповедавшего лжепророчеств и лживых сновидений не послушати, мзду многосугубну восприимите, яко же и древнии христиане не послушавшии лживых учителей. Бяху бо и тогда лживии Апостолы, хотящии уподобитися Христовым истинным Апостолом: но не послушаху их христиане, постоянно во Христове учении пребывшии, к ним же коемуждо от них Христос

Спаситель вещает: „Вем твоя дела и труд твой, и терпение твое, и яко не можеши носити злых, искусил еси глаголющая быти Апостолы, и не суть, и обрете я лжа, и понесл еси, и терпение имаши, и за имя мое трудишися и не изнеможе.“ Судите сами, чада возлюбленная, кого вам требе послушати? они бо лжепророчествующии повелевают вам послушати лукавых своих сновидений; мы же молим вас слушати Христа и Его святых и непорочных велений, и вем, яко всяк от вас восхощет послушати Христа и Его истинных и известных учений, еже и сотворивше здравствуйте, чающе восприяти за доброе свое, еже ко Христу послушание, мзду многосугубну; но и о сих zde назнаменуем, яко мнози не ведуще Божия о них промысла и не воспоминающе своих согрешений, грехи ко грехом прилагают, глаголюще, яко сего ради человека или оногo таковая язва бысть в мире, и сие глаголют туне, забивше реченное Богом ко пророку: „иже аще кто яст терпкое, тому имут быти и оскомины;“ тако еже кто согрешает, за сие сам и суд восприимет, а не инии за него. А еже искреннего прегрешения воспоминати, ни кому же се належит; глаголет бо Христос: „не судите, да не судими будите; им же бо судом судите, осудитесь, и в ню же меру мерите, возамерится вам.“ Сие слышаще, чада, разумеите, кая польза еже искренних судити и не своя грехи смотряти, точию пагуба души и Богу сопротивление, и что сего ужаснее? сам бо Христос Иоанна Савиитского, внегда он осуди некоего, повеле от себе отринути, глаголя: „изрините его, рече, вон, яко антихрист ми есть, прежде моего суда той осуди брата своего.“ Сего ради молю, чада возлюбленная, престаните суд Божий на ся восхищающе, искренних судити. Творяй бо се самому Богу противник есть, по вышереченному Христову слову: послушайте Апостола вещающа: „безответен еси, о человече! всяк судяй; им же бо судом судиши другу, себе осуждаеши, тажебо твориши судяй: вемы же, яко суд Божий есть на творящих таковая.“ Помышляеши ли сие, о человече! судяй таковая творящему, и творя сам тожде, яко ты избежиши ли суда Божия? ты кто еси, иже судяй чуждему рабу? своему Господеви стоит, или падает. Тем же еже иных судити, но еже своя грехи зрети, и себе самех осуждати навикните, ведяще сие, яко мы непрестанно о вас

молим Бога, и молитися вас самих молим; но приидите убо вси, яко же тогда и мы, ныне с Богословцем Григорием возопием и восплачем вси православнии народы, мужы и жены и отрочата, всякого чина и возраста, поклонимся и припадем, и плачем пред Господем, сотворившим нас, возставим обще плачь на возраст и родовы разделившеся. Возвысим глас моления, вместо ненавидимого ему кричания, той во уши Господа Саваофа вознесет; предварим гнев Его во исповедании, восхощем Его видети, яко же прогневана, тако и прелагаема. Кто весть, рече: „аще обратится и раскается, и оставит по себе благословение? Вем, се яве из Божия человеколюбия испоручник. И еже чрез естество ему гнева оставль, на еже по естеству обратится на милость. На одного от нас нудится, на се же стремление имать, и аще поражаем и нудим, како не оставит естеством примешаем, точию сами ся помилуем праведным отца милосердием путь отверзше. Сеем со слезами, да в радости пожнем; будем Ниневитяне, а не Содомите. Уврачуем злобу, да не злобой скончаемся, услышим Иону проповедающа, да не огнем и жупелом потопимся. И еще изыдем от Sodoma, взыдем к горе, прибегнем в Сигор, возсиявающу совнидем солнцу, не станем во всем обсельствии, не озаримся, не огустим тело в соли, тело воистинну безсмертно, и укоризну души в злобу обращающиеся. Сия убо мой страх и слово и сице аз болю к язве, и сице молюся молитвою, юже и приложу реченным; согрешихом, беззаконновахом, не чествовахом, яко забыхом заповеди твоя и в след мысли нашея лукавые идохом, яко недостойне званию и благовестию Христа твоего пожихом, и святых Его страстей, и еже нас ради истощания, яко быхом поношение возлюбленному твоему. Священник и людей отпустихом вкупе вси, уклонихомся вкупе и нетребе быхом, несть творяй суд и правду, несть до единого, затворихом щедроты твоя, и человеколюбие твое, и милосердие милости Бога нашего, злобы ради нашея и лукавства начинаний наших, с ними же ты благ, но мы беззаконновахом; ты долготерпелив, но мы ран достойни. Вемы твой благость, и мы убо, аки бы не разумеюще ни мало, о их же согрешихом, биими есмы; ты страшен и кто противустанет ти? трепет приемлют от тебе горы,

и величию мышцы твоею кто противится? аще затвориши небо, кто отворит? и аще разрешиши двери его, кто содержит? легко пред очима твоима, ово убо жити и богатити, оживити и уморити, поразити и исцелити, и еже восхотети, деяние есть совершенно; ты прогневался, и мы согрешихом, глаголет некто от древних, исповедуясь. Мне же и сопротивное время рещи, мы согрешихом, и ты прогневался, сего ради быхом поношение соседом нашим; отвратил еси лице твое, и безчестия исполнихомся. Но утоли, Господи, остави Господи, не предаждь нас до конца за беззакония наша, ниже за наших покажеша иных ран: мощно нам иных делма муки уцеломудрится, кийх? сих язык, незнающих тя, и Царств, яже твоей державе не покоришася; мы же людие твои, Господи, и жезл достояния твоего; сего ради накажи нас, обаче благодатью и неяростию твоею, да не малех нас сотвориши и паче всех живущих на земли, униженные сими аз словесы привлекаю милость. Аще ли же и всесожженными или жертвами бы умоли о гневе, ниже и тех убо пощади бы. Вы же и сами подражайте учителю; ей чада любезная, ей божественного наказания общницы и человеколюбия, стяжите душ ваших покаянием, слезами, милостью, любовью, правдою, смирением. Оставьте грех, лучше сотворите начинания ваша, преклоните добродетелями священных Евангельских заповедей исполненными всещедрю утробу Божию на милость, даже неисповедимой Его благодатью, zde многолетне, безбедне же и благополучне настоящего жития время препроводим, и будущем вечные радости сподобитися не лишимся, молитвами преблагословенные Девы Марии, силой честного и животворящего Креста, и Боговидных Апостол, и великих вселенских Учителей, Василиа Великого, Григориа Богослова и Иоанна Златоустого и Великих Чудотворцев и учителей Московских и всея Руси, Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, и всех Святых, Аминь.

VII.

Божиею милостию мы Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея великие и малые России Самодержец, пожаловали есмя отца нашего и богомольца, Великого Государя Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея Великие и малые России: в прошлом во 162 году, по нашем отшествии от царствующего нашего града Москвы, с воинскими людьми на неприятеля своего на Польского Короля, за изгнание Православные Христианские веры и за великие его неправды и неистерпимые досады, волею Божиею учинилось в царствующем нашем граде Москве поветрие, и мы Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Великие и малые России Самодержец, писали ему отцу нашему и богомольцу; Великому Государю Святейшему Никону, Патриарху Московскому и всея великие и малые России, чтоб, за милостию Божиею, как его Всемогуший Господь Бог наставит, о нашей Царице и Великой Княгине Марии Ильиничне, и о сыне нашем благоверном Царевиче и Великом Князе Алексее Алексеевиче, и о сестрах наших о благоверных Царевнах, о благоверной Царевне и Великой Княжне Ирине Михайловне, и о благоверной Царевне и Великой Княжне Анне Михайловне, и о благоверной Царевне и Великой Княжне Татиане Михайловне, и о дочерех наших, о благоверной Царевне и Великой Княжне Евдокии Алексеевне, и о благоверной Царевне и Великой Княжне Марфе Алексеевне, промышлял; и он отец наш, великий Государь Святейший Никон, Патриарх Московский и всея Великие и Малые России, прося у Всемогущего Господа Бога милости, промышлял, от морового поветрия берег, и милостию Божиею и Пресвятые Владычицы наша Богородицы, и заступлением ко Всемогущему Господу Богу и великих Московских Чудотворцов Петра и Алексея и Ионы и Филиппа, и молитвами отца нашего и богомольца, Великого Государя Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея великие и малые России, и его бодроопасным тщанием, наша Царица и Великая Княгиня Марья Ильинична, и сын наш благоверный

Царевичь и Великий Князь Алексей Алексеевичь, сестры наши, благоверная Царевна и Великая Княжна Ирина Михайловна, и благоверная Царевна и Великая Княжна Анна Михайловна, и благоверная Царевна и Великая Княжна Татиана Михайловна, и дщери наши благоверная Царевна и Великая Княжна Евдокие Алексеевна, и благоверная Царевна и Великая Княжна Марфа Алексеевна, от морового поветрия сохранены, и выехали неврежденно, и до нас Великого Государя приехали в добром здоровье. И мы Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея великие и малые России Самодержец, с нашею Царицею Великой Княгинею Мариею Ильиничною, милости ради Божия и Пресвятые Богородицы, благодарственная воздая Господу Богу и Пресвятей Богородицы, изволили дати в наше богомолие, Новгородского уезда, Деревские Пятины, в дом Пресвятые Богородице и Святых Чудотворцов Филиппа Митрополита Московского и Иакова блаженного, в Иверской монастырь, что на Святе озере, в строение отца нашего и богомольца Великого Государя Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея великие и малые России, от Холомского уезду в низ до Илменя озера, в Старорусском. уезде, погосты: погост Коломенской, погост Черенчицы и с селом Шотовым, погост Рамышевской и с селом Парфиным, со крестьяны и с деревнями, и с пустошми, по реки Ловоти, и со всеми угоды, что к тем погостом изстари было крестьян и бобылей, и пашенные земли, и сенные покосы, и рыбные ловли, реки и озера и лешие угоды, звериные ловли, бобровые гоны, и всякие угоды, в вотчину, во веки неподвижно; а по писцовым книгам в Коломенском погосте в живущих село, да семнадцать деревень, да пятьдесят две пустоши, а в селе и в деревнях сто двадцать четыре двора крестьянских, а людей в них тож, да в тех же дворах братии, и детей, и внучат, и племянников, и зятье, и соседь, и подсоседников, четыреста пятьдесят девять человек, да три двора бобыльских, а людей в них тож, да в тех же дворах братий и детей шесть человек, да тех же деревень сошлых крестьян и их детей и братий шестнадцать человек, пашни паханые, и перелог, и лесом поросло, середняя и худые земли тысяча четыреста девять

четвертей без третника, сена нет, лесу не пашенного около поль в длину на осмь верст с полуверстою, а поперег на тринадцать верст с четвертью; в Черенчицком потосте живущих погосте, да село, да четыре деревни, а в них шестьдесят девять дворов крестьянских, а людей в них тож; да в тех же дворах братьи, и детей, и внучат, и племянников, и зятье, и сосед, и подсоседников двести тридцать один человек, да пятнадцать дворов бобыльских, а людей в них тож, да в тех же дворах братий и детей девятнадцать человек, пашни паханные, и перелог и лесом поросло; середняя земли триста шестьдесят семь четвертей с осминою, лесу непашенного около поль в длину на пять верст, а поперег на две версты с полуверстою; в Рамошевском погосте живущих погост, да сельцо, да девятнадцать деревень с полудеревнею, да двадцать две пустоши, а на погосте и в сельце были в деревнях сто шестнадцать дворов крестьянских, а людей в них тож, да в тех же дворах братий, и детей, и внучат, и племянников, и зятье, и сосед, и подсоседников двести девяносто девять человек, да пят дворов бобыльских, а людей в них тож, да в тех же дворах братьи и детей девять человек, пашни паханные, и перелог, и лесом поросло, середняя и худые земли шесть сот шестьдесят пять четвертей без четверика, сена сорок копен, лесу непашенного около поль в длину на девятнадцать верст с полуверстою, а поперег девять верст с четвертью; а имена тем погостом, и деревням, и пустошам, и всяким угодьям, и крестьяном, и их братьи и детем и племянником, и соседом, и подсоседником написаны в отказных книгах подьячего Ивана Темирева, за приписью дьяка Василья Шпилкина, нынешнего 163 году; и те погосты с деревнями и со всеми угодья в Иверской Святоозерской монастырь Архимандриту с братьею, или кто вперёд в том монастыре иные Архимандриты и братья будут, в вотчину, во веки неподвижно; а будет кто, забыв чаяние будущего Суда Божия и воздаяния комуждо по делом, восхощет от святого места что святотатством отъяти нашего жалованья, от недвижимых тех вещей, еже есть от отчин, да отымет от него Господь Бог святую милость свой и затворит двери щедрот своих, яко же и от всех похищников и преобидников святых мест

недвижимых вещей, и да приидет на него неблагословение и смерть, яко же на Ананию и Сапфиру. Дана ся наша Царская жалованная грамота в Царьствующем нашем граде Москве, лета 7163 году, Апреля в день. А у подлинной Государевы грамоты написано: Божиею милостию Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея великие и малые России Самодержец. У тое ж Государевы грамоты привешана печать красная.

VIII.

Письмо к Царю Алексею Михайловичу от Никона Патриарха о бывшем в Новом Иверском монастыре явлении и о прочем.³⁷

О великое Божие дарование, тезоименитая безпомощным помощь! Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайловичь Московский всея великие и малые России принял твое честное послание, и прежде почтения благодарил Бога и целовал е и прочол и мняхся от преизлишня радости яко летати и легание яко к вам Великим Государем, обаче по чувству естества, но се не возможно паки превратити свой помысл и благодарив Бога и молив с братиею о Вашем Государева многолетном здоровье и душевном спасении и о всемирном строении, по сем хочу Вам Великии Государям дивно нечто Богом содеянное в кратце исповедати и не неверуйте, Господа ради, не будем на Бога лгать. Прежде нашего пришествия в Ваше Государское Богомолие в новой монастырь Пресвятые Богородицы Иверские и Святого Священномученика и Исповедника Филиппа Митрополита, от четвертка против пятка в нощи в третий час бысть над монастырем тем знамение страшно: столп огнем явися от земли до небеси, и от того огненного столпа окрест свет облиста велик зело версты по три и по пяти и по десяти и по двадцати и боле, яко во дне светится всему, мнози по деревням от необычного того света в страх впали, а которые деревни по близку версты по три и по четыре, от которых монастырь во дни видети, и те паче дневного света в монастыри, церковь и другия храмины и здание видели и сии до зде и о иных добрых егда узрю Ваши Государевы пресветлые очи, сам исповедаю. Хотел бы воистинну и аз смиренный с Петром и Иоанном и Иаковом присно глаголати: добро есть нам зде быти, сени сотворены есть, обаче не глумяся истину о себе исповедую за Вашу Государеву Великую милость не смел о сем дерзнуть, аще не вы, Государь, о сем благоволите.

А яже о Казанском Архимандрите, буди, Великий Государь, по словеси твоему и о Келаре прикажу.

Ясаки вели Государь оценить, а свыше цены милостию как тебе, Государь, Бог просветит, а добро милость.

А о колоколе благодаря Бога радуюся, а звонить, твое бо есть Великого Государя а всеовой перевод чол и чаял так.

А Богдана Государь ни како на такую дорость не учил, ведает Афонасий Иванович Матюшкин; при нем я Богдану приказал.

Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея Руси, и Великая Государыня Благоверная Царица и Великая Княгиня Мария Ильинична, и благоверный Государь Царевич и Великий Князь Алексей Алексеевич, и Благоверные Государыни Царевны Ирина Михайловна, Анна Михайловна, Татиана Михайловна, Евдокие Алексеевна, Марфа Алексеевна; богомолец ваш Никон грешный, Бога моля, челом бью.

На обороте надпись: к Великому Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея Руси, отпущен Федор Ртищев Февраля в к73 день в час дня.

IX. 1684 года Февраля 3.

Письмо к Царю Алексею Михайловичу от Патриарха Никона, в коем извещая о прибытии своем в Москву, описывает опустение оной от моровой язвы и о том, что сыскав ладану черного росного, кадил везде в Царских покоях. Тут же пишет о выздоровлении Патриарха Антиохийского и о кончине Патриарха Сербского.

Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайловичь всея великие и малые России, Богомолец Ваш смиренный и грешный Никон Патриарх, Бога моля о вашем Государеве душевном спасении и телесном здравии и о всех полезных, о еже низпослагися свыше и на супостаты победа и одоление.

По отшествии от вас Государей, приволокся в царствующий град Москву Февраля в 6 день часа за два до свету в субботу. Ох! увы! зрения неполезного и плача достойного. Непрестанно смотря, плакал пустоты Московские пути и долов (?), идеже преж соборы многими и утеснение, тамо никакого великие пути в малу стезю и потлачены, дороги покрыты снеги и ни кем суть и следими, разве отпеть; ох! Иеромонасии плачевнии, чему разве уплакати, таковые и тоlikое зло и запустение ей, ей пьянства на сию издавна и омрачения не помню, якоже ныне изумехом от простоты; обаче мало возвеселихся в Воскресенье о пришествии останков христиан во святую соборную Апостольскую церковь ко святей литургии малым чим меньше, яко и прежде или за радость на видение вас во святой службе, яко и недра церковные не вместиша и двор против полон был, а еже о дворовой пустоте не можно утешиться, о нех же писати ей не све что; здравии будите на многия лета; писал по литоргии в 7 часу дни.

В хоромех ваших везде кадил, сыскав ладану черного росного и еще есть его много, а вельми полезен. Антиохийский Патриарх оживился и Сербский.

Старыми язвами есть болят только от них, не вредятся с ними живущии; в Чюдове монастыре в Воскресенье скорой

смертию умер только по сыску и по досмотру от грыжи, а не той болезнию, и то бывает и над многими.

На обороте написано: Великому Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея великие и малые России Самодержцу.

Х.

Список с Государевы грамоты слово в слово какова прислана, Его Госуаревой рукой писана в Воскресенской монастырь, и по сей грамоте прозвася Новый Иерусалим.

Великому Государю и Отцу нашему, Святейшему Никону Архиепископу Царствующего Великого Града Москвы, и всея великие и малые и белые России Патриарху. Сын твой возлюбленный, Царь Алексей, челом бьет: изволиш, Государь, про нас ведать и мы милостию Божиею и твоими отца нашего молитвами, пришли в Саввинской монастырь Октября в I день в четвертом часу дни дал Бог здорово; а потом тебе Отцу своему челом бью на хлебе да ты же жалуеш, пишеш, тужиш о нас, и аще Бог даст живы будем за твоими пресвятыми молитвами, и паки не зареклися и не зарекаемся, и паки приезжати, а старца твоего Государева Нового Иерусалима препokoив, отпустил к тебе, и стрельцов Саввы Чудотворца, пятнадцать человек послал: Царь Алексей со многой любовью радостной лобызав, честную десницу твой Государеву, челом бью.

XI.

Письмо к Царю Алексею Михайловичу от Никона Патриарха, в коем благодарит Государя за милость, оказанную чрез стольника Ляпунова новосооруженной церкви в Иверском монастыре, и уведомляет о кончине духовника Царева инока Саватия.

Без означения года Декабря 16; следует быть в 1655.

Великому Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея великие и малые и белые России Самодержцу, и Государыне Благоверной Царице и Великой Княгине Марии Ильиничне. И Государю благоверному Царевичу и Великому Князю Алексею Алексеевичу, и Государыне Благоверной Царевне и Великой Княжне Ирине Михайловне, и Государыне Благоверной Царевне и Великой Княжне Анне Михайловне, и Государыне Благоверной Царевне и Великой Княжне Татиане Михайловне, и Государыне Благоверной Царевне и Великой Княжне Евдокее Алексеевне, и Государыне Благоверной Царевне и Великой Княжне Марфе Алексеевне, и Государыне Благоверной Царевне и Великой Княжне Анне Алексеевне. Богомолец ваш смиренный Никон Патриарх за вашу Государеву милость и посещение дому Пресвятые Богородицы своего Государева Богомолия и нас Богомольца своего чрез Стольника Вашего Григория Васильевича Ляпунова сугубо и трегубо Бога молю и премного челом бью, здравствуйте, Государи, своего богомолья Пресвятые Богородицы Иверского монастыря с новосооруженной и освященной церковью на многия лета и со всеми православными христианы! Инок Саватей, что был ваш духовник, ко Господу отыди Ноября №1 день; писано Декабря в 571 день.

На обороте листа написано:

Великому Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея великие и малые и белые России Самодержцу.

XII.

Письмо к Царю Алексею Михайловичу от Никона Патриарха известительное о проезде своем ночью чрез Можайск.

Без означения года Февраля 2.

Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея великие и малые России Самодержец, Богомолец ваш смиренный Никон Патриарх, Бога моля о вашем Государеве душевном спасении и о телесном здравии и о еже в путном шествии благостроении и иже на сопостаты победе и одолении с выше ниспослатися Государыне Благоверной Царице и Великой Княгине Марии Ильиничне, и Государю Благоверному Царевичу и Великому Князю Алексею Алексеевичу, и Государыням Благоверным Царевнам великим и меньшим общее благословение во благопоспешство путного шествия, и всем сущим с вами Великими Государи благословение, аще ли изволите, Государи, про мене смиренного своего богомольца Февраля во 8 день, в 8 часа дня приволокся в Кубенское жив, мимо Можайска ехал посреди ночи в город, к Николе Чудотворцу помолитися не добилзя, только было лише ворота выломать и можно было, только не похотел, а инако нельзя попасть, должно дожидаться долго. Здравии будете и в пути благопоспешнии нам и всем людям прожити утешно.

На обороте: Великому Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея великие и малые России Самодержцу.

XIII.

Письмо к Царю Алексею Михайловичу от Никона Патриарха из принадлежавшего тогда Князю Ивану Алексеевичу Воротынскому села Чашникова, просительное о помиловании Романа Бабарыкина и об отдаче его на поруки.

Без означения года.

Милостивый Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея великие и малые и белые России! милостив буди Роману Бабарыкину и нам изволь ево, Великий Государь, на поруки выкинуть. Богомолец Ваш Государев смиренный Никон Патриарх в Чашникове селе, Князь Ивана Алексеевича Воротынского обретаюсь за в7 часа. Здрав буди, Святый Царю, и благосчастен со всеми своими!

На обороте листа написано:

Великому Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея великие и малые и белые России Самодержцу.

XIV.

Письмо к Царю Алексею Михайловичу от Никона Патриарха из Рождественского монастыря во Владимире назидательное о пребывании в любви.

Без означения года Генваря 27.

Спасово слово воистинну не погрешно, „яко же глаголят по сему вас и познают, яко мои ученицы, аще в любви пребудете, аще заповеди моя соблюдете“, ибо воистинну любовь не весть достояния лиц рассуждати, еже о богатстве и нищете, еже о благородии и злородии, еже о высокоумии и скудости, еже о разстоянии мест качества и количества; ибо любовь воистинну подобна есть солнечному просвещению во вся концы земли достигающую; воистинну не погреша изреку: любви начало и бытие и конец Христова пришествие, zde имать в сем словеси много о любви повествовано, якоже приклад разума рассудити возвать на многие образы за скудость моего времени и за ниначаемую радость сие написа, яко случай ми показа.

Великому Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея Руси, и Великой Государыне Царице и Великой Княгине Марье Ильиничне и Государыням Благоверным Царевнам, Богомолец ваш Государев грешной Никон Патриарх Бога молю о Вашем Государстве многолетном здоровье и о, душевном спасении, благодарственне поклоняюся за милость вашу и любовь к нам, а я Богомолец ваш и Стефан поп еще живы Генваря в к7s день в s7 часу, в отчине во граде Владимире, в Рождественском монастыре писал своею грешной рукою.

На обороте написано: Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея Руси.

XV.

Грамота Вселенского Патриарха Паисия.

Преблаженнейше и Святейший Патриарше высочайшия Москвы и всея земли Российские Кирие, Кирие, еже есть: Господи, Господи, Никоне во святом Дусе возлюбленный брате и сослужебниче нашего смирения! О нем же писасте к нам, даем ответ о всех, преблаженнейше брате, да исправятся, яко же лепо; поне же Бог просвети во времена ваша,—да очистятся вся неудобная и да исправятся, о нем же радуюся.—Жив Господь Бог и имам тя писана в душе моей за достоинство и разум, его же дарова тебе Бог, и воистинну похвалихом преблаженство твое, еже не престаем испытати и искати в душеполезных и спасительных вещах Церковных, яко истинен Пастырь и верный строитель Божий, пекийся устроити и питати духовное словесное свое стадо чистой и нелестной и твердой пищею; и во всем тщитися содержати, по следствию, всякое священное деяние по чину Великие Церкви, да ни едино разнство имама, яко чада истинная единые и тояжде матери Восточные, Апостольские, Соборные, Великие Церкви Христовы и да ни едину вину обретают скверная еретическая уста оглаголати нас о некоем разнстве, но да стоим во истинном согласии, яко столпи твердии и не поступнии и прочая.

XVI.

От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея великие и малые белые России Самодержца, в Кирилов монастырь, Богомольцем нашим Архимандриту Аврамию, да соборному старцу Саватею Юшкову, да Келарю старцу Матвею с братьею. В нынешнем в 166 году, Июня в 10 день, отец наш и богомолец бывшей Никон Патриарх оставил Престол Святые Соборные Апостольские Церкви и свое Патриаршество своею волею, и пошел по своему обещанию; а запрещенных черных диаконов Киприана и Иону простил и разрешил. И как к вам ся наша Великого Государя грамота придет, и вы б, по разрешенью Великого Господина бывшего Никона Патриарха, черных диаконов Киприана и Иону из запрещения велели освободить и велели им быть в Кирилове монастыре с прочьею братьею вместе до нашего Великого Государя указу, да о том отписали к нам Великому Государю к Москве, а отписку велели подать Боярину нашему Князю Алексею Никитичу Трубецкому, да Окольничему нашему Родиону Матвеевичу Стрешневу, да дьяку нашему Александру Дурову. Писан на Москве, лета 1166 Августа в 17 день.

XVII.

Благословение великого Господина Святейшего Иоакима, Патриарха Московского и всея Руси, на Белоезеро, Кирилова монастыря Архимандриту Никите. В нынешнем во 183 году писал к Великому Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всея великие и малые и белые России Самодержцу, из Ферапонтова монастыря, Князь Самойла Княж Никитин сын Шайсупов Ферапонтова монастыря на Игумена с братиею, что де он Игумен и братья, не знаемо по какому умыслу, Никона монаха, бывшего Патриарха, нарицают словесно и на письме в челобитных пишут „Святейшим Патриархом.“ И как к тебе ся наша грамота придет, и тыб Ферапонтова монастыри Игумена и Келаря и Казначея и нарочитых первых старцев велел взять к себе, в Кирилов монастырь тотчас, и их допросил порознь, со всяким пристрастием: по какому намерению Никона монаха нарицают и в челобитных своих пишут Святейшим Патриархом? да что они в допросе скажут, и те их скаски за их руками, прислал к Москве, с нарочным достоверным ездоком, а им Игумену и Келарю и Казначею и старцом Великого Государя и наш Святейшего Патриарха указ сказал, чтоб они его Никона монаха впредь Святейшим Патриархом отнюдь не нарицали и в челобитных и в письмах ни в каких не писали; а будет они впредь учнут безчинствовать и его Никона монаха нарицать или на письме писать Святейшим Патриархом, а Великому Государю и нам Святейшему Патриарху о том известно будет, и им от нас Святейшего Патриарха быть в великом смирении и запрещении; да о том к нам Святейшему Патриарху отписал, а отписку и допросные речи велел подать нам Святейшему Патриарху. А милость Божия и Пречистые Богородицы и Великих Святителей Петра и Алексея и Ионы и Филиппа Московских и всея России Чудотворцов молитвы, и нашего смирения благословение да есть и будет с тобой ныне и во веки. Писан на Москве, лета 1675, Генваря в день.

XVIII.

От Великого Господина Святейшего Иоакима, Патриарха Московского и всеа России, на Белоозеро, Кирилова монастыря Архимандриту Никите, да Келарю старцу Гедеону с братьею. Ведомо нам Святейшему Патриарху учинилось, что у вас в Кирилове монастыре, в кельях, в которых велено жить монаху Никону, печи кирпичные и бывает от них угар; и мы Святейший Патриарх указали в тех кельях сделать печи образчатые ценинные, чтоб угару отнюдь не было; да позади тех келей, где пристойно, по близку, высмотря с ним Никоном, для его Никоновых потреб, сделать ему особную поварню каменную с трубою, а трубу вывести выше деревянного строения, чтоб не было от огня опасно; хотя будет иное какое строенье в тех местах, которое не нужно, отставить, а поварню, будет возможно, построить. И как к вам ся наша Святейшего Патриарха грамота придет, и вы б учинили по сему нашему указу, не замотчав, и велели тем его кельям и всему старому и новому строению учинить чертеж, да о том к нам Святейшему Патриарху отписали, а отписку и чертеж велели подать в нашем Розряде Чудова монастыря Архимандриту Павлу, да Боярину нашему Ивану Федоровичу Лызлову с товарищи, Писан на Москве, лета 7184 Июля в 5 день.

XIX.

От Великого Господина Святейшего Иоакима, Патриарха Московского и всеа России, Белозерского Уезду Ферапонтова монастыря Игумену Афонасию, строителю старцу Исаию с братьею. В нынешнем во 185 году писали вы к нам Святейшему Патриарху и под отпиской своею прислали челобитную о церковной утвари, что после Никона монаха описано у вас в Ферапонтове монастыре, в церкви Святых Богоявлений, что на вратех, которую утварь пожаловал блаженные памяти Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всеа великие и малые и белые России Самодержец, по челобитью Никона монаха, в Ферапонтов монастырь к той церкви Святых Богоявлений, и мы Святейший Патриарх указали той церковной утвари быть в Ферапонтове монастыре в церкви Святых Богоявлений. И как к вам ся наша Святейшего Патриарха грамота придет, и вы б о той церковной утвари учинили по нашему указу. Писан на Москве, лета 7185 Декабря в 16 день.

XX.

Прошение, поданное Государю, Царю Феодору Алексеевичу, от Воскресенского монастыря настоятеля с братиею.

Царю Государю и Великому Князю Феодору Алексеевичу всеа великие и малые и белые России Самодержцу, бьем челом Богомольцы твои Воскресенского монастыря строитель старец Герман, Казначей старец Сергей с братиею. Благоволением Божиим, Великий Государь, в превеличестве милости, не точию человекоими, но и безплотных умов смыслы необъятного Бога, твое Благодетельнейшего нашего же и всех Христиан единого Владыки и Царя присно обносящего тому прелюбимое и любящее над всех его самого сердца обращающего во благоугодное ему изволение, яко же бе сам по премудрому и преклонившего в неизреченное ко всем благоутробие и конечную милость и ко святей сей обители и великому сему подобообразному и первого на месте животодательных Христовых страстей, и живоносного его пресветлого Воскресения созданного Храма, и нам нищим твоим Государевым рабом и Богомольцем, о них же радуемся превеликой радостью, и торжествуем торжествованием премногим, прешедше море печалей и страстей, яко Чермное море Моисеем великим, и вселившись в землю обетования, всегдашняя радости о Христе Воскресшем, во Иерусалиме; токмо малое и недостает, Благий Владыко, яко не уподобихомся древним Израильтянам, изнесшим кости от глада избавльшего Иосифа от Египта, и новым Константинополяном, умолившим Благодетельнейшего Царя Феодосия о возвращении Иоанна Златоустого от Коман: яко и до сего времени моления не прострохом о отце нашем, избавльшем нас от глада непослушания словес Божиих, и удоволившего нас насыщением тучного тельца же и агнца, имже питающиеся во веки не умирают. Тем ныне молим тебе благоудетельнейшего нашего Государя Царя и богоподобное благоутробие твое, помилуй нас нищих своих богомольцев, подаждь Церкви исполнение,

приведи кораблю кормчия, посли стаду Пастыря, приставь главу к телу христоподражательного нашего наставника Святейшего Никона, преведшего нас море мира сего, яко Моисей; повели, да и землю обетования, юже наследствуем твоим прещедрым богатодаровитым подаянием обильно, такожде наследствит и нам разделит, яко Иисус и Иемазар (?), ведый всех по разсмотрительному комуждо достойному приличеству; изведи из темницы душу его, яко и блаженного некогда Игнатия Патриарха Царского града из заключения, повели свободити из Кирилова монастыря в монастырь Живоносного Христова Воскресения, растущий днесь в высоту повсюдного прославления, яко древо плодовитое, при исходищах Твоего богатодаровитого и щедролюбезного излияния насажденный и упоеваемый; да и он с нами купно твоих пребогатых щедрот насладится и в старости своей возвеселится! Царь Государь, смилуйся.

На подлинной челобитной позади пишет тако:

К сей челобитной строитель старец Герман руку приложил. Казначей старец Сергей руку приложил. Резных дел мастер старец Ипполит руку приложил. К сей челобитней бывший Архимандрит Исайя руку приложил. Бывший Архимандрит Филофей руку приложил. Соборный Иеромонах Тихон руку приложил. Иеромонах Исаака руку приложил. Уставщик Иеродиакон Евстратий руку приложил. Иеромонах Петроний руку приложил. Иеромонах Сысой руку приложил. Иеромонах Варлаам, и вместо Иеромонаха Памвы, да монаха Боголепа, по их прошению, руку приложил. Иеромонах Антоний руку приложил. Иеромонах Иоанн руку приложил. Иеромонах Гедеон руку приложил. Иеромонах Иосиф руку приложил. Иеромонах Рафаил руку приложил. Иеромонах Палладий руку приложил; и вместо монаха Иустина и Максима и Иеромонаха Ионы, руку приложил. Иерусалимлянин Иеромонах Аврам Степурин руку приложил. Иеромонах Филарет руку приложил. Иеродиакон Макарий руку приложил. Иеродиакон Диоген руку приложил. Иеродиакон Дамаскин руку приложил. Иеродиакон Иоиль руку приложил. Иеродиакон Илия руку приложил. Иеродиакон Серафим руку приложил. Иеродиакон Ефросин руку приложил.

Иеродиакон Иосиф руку приложил. Клирик монах Гавриил руку приложил. Чернец Авель руку приложил. Чернец Феогност руку приложил. Монах Феодосий руку приложил. Монах Петр и вместо монаха Семиона руку приложил. Монах Иосаф руку приложил. Иеромонах. Феофилакт, и вместо больных старцев Филарета, Иоакима, Варсонофия, да детей своих духовных Иосифа, Ферапонта, Иринарха, Иоиля, Леонтия, Игнатия, Герасима, Пахомиа, Васьяна, по их челобитью, руку приложил. Иеромонах Варлаам, вместо детей своих духовных монаха Илариона, монаха Ефрема, монаха Исака, по их велению руку приложил. Иеромонах Рафаил, вместо пономарей: Галасиа и Симеона, по их велению, руку приложил. Иеромонах Феофилакт, вместо монаха Захария и Николая и Мисаила, по их челобитью, руку приложил.

XXI.

Смиренный Никон Божию милостию Патриарх.

Лета 7170, а еже по плоти Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, 1665 Генваря 13 дня, приехал Нового Иерусалима в Воскресенской монастырь Чудова монастыря Архимандрит Иоаким, да думной дьяк Дементий Башмаков, и велели про себя сказать Никону Патриарху; и Никон Патриарх велел им сказать: буде по Государеву указу приехали, и они шли б на монастырь и в келию. И вшед в келию, говорили: Великий Господин, святейший Никон Патриарх! Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея великие, и малые, и белые России Самодержец, велел о твоём спасении спросить и Никон Патриарх говорил: Божию милостию се жив есмь; и поклоняся, говорил: как Господь Бог милует его, Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея великие, и малые, и белые России Самодержца? Архимандрит Иоаким и думной дьяк Дементий мне, Никону Патриарху сказали: как они поехали с Москвы, Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея великие и малые и белые России Самодержец, дал Бог, в добром здоровье. И спрашивал Никон Патриарх Архимандрита Иоакима и думного дьяка Дементия: что ваше пришествие к нам смиренным? И Архимандрит, и думной дьяк, говорили: прислал де нас Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея великие и малые и белые России Самодержец со всею Палатой и со всем освященным чином, а велел Государь Царь, и весь Царской Сигклит, и весь освященный собор сказать: спаси Бог, что де ты правду свой явил, смутное письмо Государю прислал и воровское дело не утаил Никиты Зюзина и его советников, который твоею святительской душою возмутил, и на странное твое пришествие к Москве привел, и Великого Государя со священным собором и со всем Государством хотел ссорить,—и чтоб ты впредь таким ссорщиком и составщиком не верил; а которые есть иные такие же ссорщики, и ты Патриарх Никон прочих потому же объявил:

да ты же де приказывал к Великому Государю, из села Чернева, с Преосвященным Митрополитом Павлом Сарским и Подонским и Окольничим Родионом Матвеевичем Стрешневым с товарищи и известил Великому Государю годно: для чего посылает ко Вселенским Патриархом? можно то дело сделать и без Вселенских Патриархов, что тебе впредь на Москве Патриархом не быть и в Патриаршее ни во что не вступаться; и положил на волю Божию, и на повеление Его Великого Государя, и на освященный собор, кого они Патриархом изберут и поставят; и о том ты Великому Государю хотел письмо прислать за своею рукою.

И смиренный Никон, Божиею милостию Патриарх, свидетельствуя страхом Божиим Святые Живоначальные Троицы, и Пресвятою, Пречистою, Преблагословенной Владычицею Богородицею и присно Девой Мариею, и Святыми Ангелы, и всеми Святыми, и Святой Церковию Божиею, и Святыми священными вещьми, и небом, и землею тако бо иногда и Моисей предавая Божий Закон Израилю засвидетельствовал небу и земли глаголя: „вонми небо и возглаголю, и да услышит земля глаголы уст моихъ“ и прочая; такожде же и Исаия Пророк, засвидетельствуя небу и земли, глаголя: „слыши небо и внуши земле, яко Господь глагола: сыны родих вы и вознесох, тии же отвергошася мене“ и прочая.

Тако и Иисус Навин, заповедавая при исходе своем, положи камень пред всем собором Израилевым, о сохранении заповедей Господних, той же де и Иаков с Лаваном мир составя, громаду камения собрав, засвидетельствовали о своем мире пред собранным камением: Сице и Аз свидетельствую и исповедую, что мне жить от ныне лета 7173, а от Воплощения Слова Божия 1665 Генваря с 14 числа, своего строения в монастырех святого живоносного Воскресения Христова, или в монастыре Пресвятые Владычицы нашея Богородицы Иверские, или в монастыре Святого Честного Креста Господня или во иных нашего строения и приписных монастырех, повольню; а держати ми, живучи в тех монастырех во всякое исправление, заповеди Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Святое его Евангелие. заповеди и правила Святых Апостол и Святых

Отец Седьми Вселенских Соборов, такожде и поместных Святых Отец Соборов, и особ коегождо Святого святыя книги и уставы, яже прияла Святая, Соборная и Апостольская Церковь; к сим же и преданные Церковные Законы и Святыя Уставы, такожде и Святой Символ, исправленный нами с Греческого, благодатию Святого Духа и советом и единением со святыми Вселенскими Патриархи; такожде и Церковные Уставы, преданные Святей Церкви Святыми Отцы, то есть: Святую Литургию, или общим словом нареци: Служебник, и Требник, и прочия святыя книги, справлени с старых Греческих сватых книг; чин и устав снабдевати святыя, восточные Церкви Нового Сиона, еже есть, Церкви Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, иже во Иерусалиме, и имети ми любовь и соединение со Святыми Вселенскими Патриархи во всем неотложно; и Великому Государю и Великому Князю Алексию Михайловичу, Всея великие и малые и белые России Самодержцу, жаловать нас, Богомольца своего своею милостию, как и прежде сего; а когда случится мне, его Государеву Богомольцу, для великих нужд, или милостыни ради, по надобью, приити в царствующий град Москву поклониться Образу Пресвятыя Богородицы и Его Государево лице видети, мир и благословение подати и Престолу славы Царства его поклониться, и ему Великому Государю пожаловать не возбранить, а мне, пришед, в царствующем граде, без Его Великого Государя указа и без совету брата нашего Святейшего Патриарха Московского и всея России, чрез Божественные законы ничто же творити. И грамоты Его Государевы утверждение, данные в Его Государевы богомолья: Нового Иерусалима в Воскресенской монастырь и Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и присно девы Марии в Иверской монастырь и Святого честного и животворящего Креста Господня в Ставрос монастырь, и иных нашего строения и приписных монастырей, и которые грамоты, после нашего отшествия, взяты из нашей келейной казны к нему Великому Государю в верх, и всякие крепости и книги пожаловать ему Великому Государю отдать нам в свои Государевы богомолья: в Воскресенской и Иверской, и Святого Честного и

Животворящего в Крестной, и в иные нашего строения и приписные монастыри; а которые вотчины, купленные нами и вкладные, даны в монастыри, а в Его Государевых приказах не утверждены и в книги не записаны, и те вотчины, купленные и по вкладным данные, пожаловать Ему Великому Государю утвердить и в приказах в книги записать за теми монастыри, где которые мы дали. Да в прошлых же годах будучи на престоле, с советом Великого Государя Царя и Великого Князя Алексия Михайловича, всея великие и малые и белые России Самодержца, мы Великий Господин, смиренный Никон, Божиею милостию Патриарх, указали, которые около Воскресенского монастыря близь церковные пустые земли в книги написать и приписать к Воскресенскому монастырю; а тем церковным пустым землям переписные книги, в Патриаршем приказе, и те пустые церковные земли, пожаловать Великому Государю утвердить за Воскресенским монастырем и из оброку выложить. Да яже смиренный Никон, Божиею милостию Патриарх, будучи на Престоле, в дом Пресвятые Богородицы во Святую Соборную церковь построил многия священные вещи Государевым жалованьем и своим келейным избытком, которые Великий Государь жаловал подносил за мой работишку, будучи в моровых поветриях, и Государыня Царица и Великая Княгиня Мариа Ильинична жаловала подносила же, и те драгия вещи поделаны во все священные одежды Архиерейские и митры все, и про то ведомо самому Великому Государю и самые те священные вещи свидетельствуют в великой ризнице. А отходя из Царствующего града Москвы, я смиренный Никон, Божиею милостию Патриарх, от тех священных вещей взял худейший един саккос, и един митру, и омофорий свой; и то священное одеяние в службе издержалось; а о митре слыша Государеву кручину, отослал к Москве; и сия тако суть; и чтоб Великий Государь пожаловал меня богомольца своего, и Святый Сигклит приговорил, и священный Собор благословил, от тех священных одежд нашего строения дали в потребу на служение, сколько Великий Государь изволит, и едину митру или цареградску, или жалованье Государыни Царицы и Великие Княгини Марии Ильиничны, и едину енгопию, или панагию служебную под

великою, да крест, иже утерялся в походе в моровое поветрие, а ныне обретается в домово́й казне, а он есть келейный, а не казенный: свидетельствуют книги; и едину лахань, и един руко́мой. Да я же построил Государевым жалованьем и своим промыслом, и учинил прибыль в дом Пресвяты́е Богородицы доходу тысячь по двадцати на год, и тому свидетельствуют книги при моем владычестве; и из тех доходов пожаловать Великому Государю и всему Царскому Сигклиту и освященному Собору давать мне Богомольцу своему, вместо милостыни, на пропитание: хлеба, и рыбы, и денег на потребу, елико ему Великому Государю, и всему честному Сигклиту, и всему освященному Собору Господь Бог известит; понеже обы́чай держит Свя́тая Вселенская Восточная Церковь сей: егда оставит Великий Архи́ерей Престол своею волею, или некоего случая ради неудобного, и о нем всем священным собором жалеют, и дают на пропитание первые Епархии Митрополитские, со всяким достоянием. Такожде и правила святы́х Отец повелевают: Епископ аще будет имел жену в Лавре, или своих сродник бедных, не возбраняют требования подати им в меру; кольми паче нам, мног труд понесшим при строении всяком дому Пресвяты́е Богородицы, подобает питаться. И Божественный Апостол глаголет: да не обратиши вола молотяща; и паки: делаяй священная, от святилища да ядят, и предстоящи олтарю, со олтарем да разделяются. Еще же нам слышится, как будучи мы на престоле своем, за премногую Великого Государя любовь и милость, подносили от своих трудов ему Великому Государю по две тысячи избранных рыб Волгских, а иногда и сугубо, и Великий Государь тот устав и благословение наше и до днесь держит, и не во грех: такожде и о нас да смилуется. А иже благодать Свя́того Духа изберет на честное и великое председательство великого Архи́ереа, и ему в наши монастыри, которые Божиею Милостию и Его Государевым жалованьем и милостынею построены, и приписные монастыри и вотчины, и во всякие суды и в приходские церкви, и во священный причет, и во крестьянские и всякие духовныя дела не вступаться и не посылать никого, такожде и Митрополитом и Архи́епископом, в коих областях

нашего строения монастыри и приписные монастыри, монастырские вотчины и в них приприходские церкви, и во всякие крестьянские дела не вступаться, и не ведать, и ни почто не посылать: а посвящати ми в те монастыри Архимандритов и Игуменов, священников и диаконов, по благодати Святого Духа, самому, покамест жив буду и могу, или по духовной любви, коему Митрополиту, или Архиепископу и Епископу соблаговолю и грамотой нашею извещу. А по прехождении нашем временного жития, те святые великие обители Нового Иерусалима: монастырь Святого Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и Пресвятые Владычицы наша Богородицы и присно Девы Марии Иверской монастырь, и Святого Честного Креста Господня–Ставрос монастырь, и иные меньшие монастыри, пожаловать Великому Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всея великие и малые и белые России Самодержцу, и честному Сигклиту приговорити, и священному собору благословити, велеть приписать к Царствующему граду Москве во область, а не в дом Патриарш брату нашему и сослужителю, Всесвятейшему Патриарху, иже по Божественной благодати, кто в те времена будет; понеже те св. обители строены на пустых местах, по нашему благословению и избытком нашим от Царствующего града Москвы, и с советом Благодетельнейшего Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея великие и малые и белые России Самодержца а не по благословению Митрополитов, и Архиепископов и Епископов; того ради и не подобает к ним и приписывать, якоже и Святых Отец правила показывают. Также же и по достоянию, и по избытку славы, и по сочетанию братства, пожаловать Великому Государю велеть написать в степени: и егда будут соборы в Царствующем граде Москве, по указу Великого Государя Царя, и по благословению святейшего Патриарха Московского и всея России, и всего освященного собора, и от тех святых обителей Архимандритов в собрание призывать и святую Литургию служить не возбранно, иде же аще повелит брат наш и сослужитель–Святейший Патриарх, а без благословения того, чрез Божественные законы, ничто же им творити; а нуждой к мирским судиям на суд нас, и

наших монастырей Архимандритов, и Игуменов, и Наместников и строителей, и всего освященного чину, по правилам Святых Апостол, и Святых Отец, и Церковных законов, не привлачати; а которое будет дело дойдет: и про то сыскивать крепким сыском, и решить по правилам Святых Апостол и Святых Отец, и по Царским Законом. Да в прошлых годах будучи я, смиренный Никон, Божиею милостию Патриарх, в Великом Нове-граде Митрополитом, от бунтовщиков многия беды, и напасти, и увечья пострадал правды ради, даже близ смерти, и своим многим долготерпением и напастями, ранами и увечьем, то злое дело их удержал, и со Псковичи советовать им не дал и клятвой разорил; а они воры и бунтовщики посылали к Польскому и Свейскому Королям о подданстве: и я о том о всем Великому Государю писал, и вестовщиков многими ценами наймывал, и всякие у них тайные дела выкупал и посылал к Великому Государю многими сторонними дорогами, и про то про все самому Великому Государю ведомо, и свидетельствуют дела в Новгородской четверти; да ко мне же Псковичи писали, чтоб мне пристать к их злому совету, и из иных многих городов присылали двойников и воровские письма, чтоб мне стоять с бунтовщики за одно: и я к их зломыслию ни к какому не пристававал, и те изменные злые советные их письма за руками Великому Государю подносил сам: и того ради Великий Государь пожаловал меня Богомольца своего многой своею милостию: великими дарами и деньгами; и я на те деньги купил вотчину подмосковную: сельцо Минеевское, да сельцо Ильинское, с деревнями, у Лаврентия Булатникова; а дал за те селы шесть тысяч с лихвой Его Государево жалованье—те милостинные деньги, а не Софийского дому—казенные, и тому свидетельствуют книги, что те деньги не из казны даны, мои келейныя—Государево жалованье. Да в то же время пожаловал мне Великий Государь, за мое злострадание, в Новгородском уезде на Петровском пороге, Михайловской погост мужиков с полтараста, или двести, со всякими угодии и с рыбными ловлями; и чтоб Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея великие и малые и белые России Самодержец, пожаловал меня богомольца своего, и честный

Сигклит и весь освященный собор приговорили: сельцо Минеевское, да сельцо Ильинское, с деревнями, для моей скудости и многого терпения и крови отдать мне на пропитание; или по купчей деньги выдать или вместо того где инде Великий Государь пожаловал бы деревнишку на пропитание; а я за Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея великие и малые и белые России Самодержца, и за Государыню Царицу и Великую Княгиню Марию Ильиничну и за Государя Царевича и Великого Князя Феодора Алексиевича, и за благородные Царевны, и за честный Сигклит, и за весь освященный собор, и за все христолубивое воинство, и за вся православные христиане, со всею братиею должен Бога молити. Такожде и в степени Святейших Московских Патриархов имя наше да пишется непреложно по настоящему, и боголюбивым всяких чинов людям к нам приходити благословения ради, или милостыню нам подати, не возбраняти. И иже наша ради любве, или своею простотою, Царское Величество преогорчивше и прогневавше, и суть заточени в дальних странах и в горних работах, да получают свободу и отпущение грехов, по заповедех Божиих, реченных, „егда молитесь, стояще, и аще что имате на кого, отпускайте согрешение ихъ“, по писанному: „внемлите себе: аще согрешит к тебе брат твой, запретити ему и аще покается, остави ему; и аще седмижды на день согрешит к тебе и седмижды на день обратится, глаголя: каюся, остави ему“. А нам, смиренному Никону, Божию милостию Патриарху от ныне, лета 7175, а от воплощения слова Божия 1665 Генваря 14 числа, Московским и всея России Патриархом не именоватися, по обычаю Вселенских Патриархов, в начале наших грамот, посылаемых от нас: смиренный Никон, Божию милостию Патриарх, такожде и во всякие духовные дела Московского Государства и всея России не вступатися и не ведать, и хранить ми твердо правила Святых Апостол и Святых Отец, иже утвердили: в чужей Епископии ставленников не ставити и ни каких духовных дел, без местного Епископа веления, не творити; а будет духовные ради пользы случится нам на собор приити; и в том нам не возбраняти, и заседати под настоящим Патриархом, превыше

Митрополитов, и Архиепископов и Епископов; понеже Григорий Богословец, по отшествии своем, на втором Святом Вселенском Соборе был, тому свидетельствуют писания: аще и неции злоумнии порицают о сем и глаголют, что будто Григорий Богословец, по отшествии своем, священнных не действовал: и то глаголют не праведно; о сем же многия его писания свидетельствуют; и аще бы не бы тогда, по отшествии своем, Патриархом именовался, не бы и ныне славился от православных Патриархом. А что в отшествиях своих, огорчеваяся, от великие кручины жалуяся Господу Богу, на Царское Величество, и на честный Сигклит, и на священный собор суд Божий износил; и о том мне молити Господа Бога, яко да милостив Господь Бог будет им и по власти, данной нам от Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Архиереем, священнодействующим во святой Божией Церкви, на земли оставляти грехи и решати всякий союз неправды, и то нам, по уставу Святых Отец, святым молитвословием разрешити; и прах, его же отрясали от ног своих, исходя от Царствующего града Москвы, став посреди града и во всех градских вратах, изглашая Божественную заповедь, глаголющую: „Господи Иисусе Христе, Боже наш, ты рекл еси пречистыми своими неложными усты: в онь же аще колиждо град, или весь внидите, испытайте, кто в нем достоин есть, и ту пребудите, дондеже изыдите; входяще же в дом, целуйте его, глаголюще: мир дому сему; и аще убо будет дом достоин, приидет нань мир ваш: аще ли же ни, к вам возвратится. И иже аще не примет вас, ниже послушает словес ваших: исходяще из дому, или из града того, отрясите прах от ног ваших. Аминь глаголю вам: отраднее будет земли Содомстей и Гомморстей в день судный, неже граду тому, да исполнится и сему граду, и людям сим, не приемлющим нас и изгоняющим;“ и некто от предстоящих Стрелецких голов говорил: мы де выметем прах тот; и Никон Патриарх противу того говорил: „да разметет Господь Бог вас оной Божественной метлою, иже является на дни многи, от Востока и до Запада, от Севера и до Юга.“ И от того времени она Божественная метла обратилась к Москве, и то аще и не всем, обаче многим, ведомо; и мне, смиренному Никону, Божию милостию

Патриарху, молити Господа Бога, чтоб Господь Бог пременил отрясенный прах во свидетельство благословения и мир наш, яко на сынех мира, по заповеди Божией, пребыл, и Царствующему граду Москве не быти осуждену паче Содомы и Гомморы, но дабы приял Господь Бог покаяние, яко же и Ниневитян кающихся; и метла она Божественная дабы была в собрание и в защищение навет вражих, а обидящих нас в отмщение. А иже без правды на мя подвигли суд Архиереи, беззаконно и чрез вся Божественные правила, и мне тож прощение дати и разрешити святым молитвословием, кто о том станет каяться и прощения просити; аще кто не покается, и он буди под заповедию Божиею, глаголющею: имже судом судите, осудитесь: и ею же мерой мерите, возмерится, також и честный Сигклит Бояре, кои злословили на нас без правды, и клеветали на нас Великому Государю смертными винами, яко же Семен Лукьянович Стрешнев вопросы своими Газскому Митрополиту, и Роман Бабарыкин и Иван Сытин и прочие вси, кождо сам свой совесть ведая, и поищут прощения, и нам тех разрешити, и благословити, и молити Господа Бога, по Божественной заповеди: молитесь друг за друга, яко да изцелеете; а им, кто будет преобидел нас в чем либо житейских вещех движимых и недвижимых, исправитися в правду полюбовно; аще ли и по сем кто, уклоняся от всякие Божественные правды, обратится на зло какое либо, или на досаждение, или на преобидение, и на нем та же да будет Божественная юза не разрешима, а нам, в печалех своих, прощено глаголати Божественного Давида Псалмы: „суди Господи обидящия мя, возбрани борющия мя, приими оружие и щит, и возстани в помощь мою, и изсуну оружие, и запрети сопротив гонящия мя, и паки: Бог отмщений, Господь Бог отмщений и не обинулся есть; вознесыйся судяй земли, воздаждь воздаяние гордым, и прочия подобные темъ“. Да как лили великий колокол, и в то время ушла медь, а долить было нечем, а Государевой меди столько не стало, и я доливал своею медью, да у Ивана Щепоткина взято из лавки меди с пять сот пуд, и та медь пошла в колокол же; да ему же Ивану дана память на Князь Ивана Ивановича Лобанова во сте пудах меди, и он Иван, Великому Государю в своей меди не бий челом,

заверстал за ту пять сот пуд моею мягкой рухлядью, которая дана ему была продать: шелком, и сафьяны, и кисеями, тысячи на полторы, или на две, и того ради преобидения я его Ивана проклял, и в том бы прикащиком меж собой сделаться, а мне его по смерти разрешити и благословити; а что в колокол моей меди положено, и той меди дошло до меня пять сот пуд, и в том как он Великий Государь изволит; сия тако исповедую и утверждаю, инако паче сего да не будет, а противу сего нашего изображения всего, да дастся и нам писание от Царского Величества, и от честного Царского Сигклита, и от освященного собора, во свидетельство всякие правды, яко же Григорий Богослов в своем оставлении Престола ко 150 Епископом изобразил в слове 25, глаголя: что глаголете Епископи. Препираем ли вас словесы сими и победихом? или достоин и твердейших словес нам, коеже препрети сии к Троицы самой, юже молим и молитесь к общей нашей надежде и людей сих утверждению? дадите нам благодать сию: с молитвами нас отпустите, сия да будет ми страданию проповедь; дадите ми писание оставление, яко же воинным Царю, и аще хотите, с десным послушеством да имам запрещение, да аще ли же ни, яко же хотите, ни чесо же о сем и брегу, донде же аще видя Господь Бог наш, како убо имут, кого убо противу введем, узреть себе Господь Пастыря в предстательство, яко же видимо овча во всеплодие, едино се ищу? точию от завидимых буди кто не милующих не еже вся всем дарующим от лучших, ово бо убо, zde сладчае, ово же тамо полезнейшее; вы убо проводная нам поучаетесь словеса; Аз же вам отдам обещание, и обещанное, и сия тако суть; и аще ли инако, чрез вся Божественные Законы и заповеди и любовной союз сбудется, яже от Патриаршеств, по власти мира сего, то да не наречется по правде Патриарх, но яко прелюбодей и хищник, и вместо мира да будет мечь Божий; „не мните, яко приидох воврещи мир на землю, не приидох воврещи мир, но мечь приидох бо разлучити человека на отца своего и прочая; и паки другое писание: всяко Царство раздельшееся на ся, запустеет: и всякий град, или дом, разделившийся на ся, не станет. Аминь.

XXII.

Надпись высеченная на камнях, находящаяся на правой стороне паперти в стене Соборной церкви в Воскресенском монастыре.

Таблица сия сложная яве положися,
В ней же суть о обители сей описася,
Како, когда и ким строити начата бысть,
И о церкви сей велице описано есть.
Читателю честный, вонми о сем внятно.
О сем бо zde истинно описано явно:
В Царство державы Благочестивейшего
Великого Государя Царя тишайшего,
О Христе Бозе верна и благочестива,
Страшна врагом противным, христолюбива,
Самодержца Алексия Михайловича,
Еже от прадед своих и Царства Наследича,
Княжеств, Царств и многих земель Обладателя,
Московского Великого Князя, Правителя
Росии всей Великие, Малые и Белые,
Право храня все люди благочестивые,
Егда правившу исконно и церкви святыя.
Российского Государства люди честные,
Святыя православные нашея веры,
Оборонителю на противные нашея веры.
Еже во пастырех высочайшему,
Честнейшему Архиеерею и Святейшему
Никону Архиепископу Москвы града
И всея Росии Патриарху си стада.
Сей во благочестии церковном правлении,
Твердо подвизася во всяком хранении,
Ко благочестивой вере всех наставляя,
Аки отец слово истины справляя,
Апостольским преданием и Святых отец,
Юные и старые уча аки отец,
Горнего ища, долняя вся презирая,

Щит веры име, кий на бесов простирая,
О благочестии святыни бысть ревнитель
И Веры Христианские Присный хранитель;
Советом Царя благочестива и Собора
Монастыри три построи,—монахов збора;
Яже и доднесь яко светила сияют,
Дивная бо в них чудеса присно бывают;
Господу Богу тако изволившу быти,
Любезне щедроты своя на всех излити,
В лето от Адама 7161-е
От Рождества Христова 1652-е
Обитель первая Иверская прекрасна,
Яже имать сокровища в себе преславна:
Матере Божия образ свят чудотворный,
Вес украшен златом, перлом яко цветом зорный,
Общежителство в сих обителях имуще,
Еже есть ко спасению путем текуще;
На море окиане вторая обитель,
Дивный бо там крест устроен чудотворитель,
А иже в нем положено и святых мощей,
Есть бо не менее двой сот дражайших вещей:
Святого Животворящего древа часть,
Но и ризы Спасителя Нашего Христа часть,
Той же монастырь нарече Ставрос по Грецку,
Иже бо именуется Крест по словенску,
Ибо видим есть всем плавающим на море,
Яко пресветла луна стоит на острове,
Радостно приходящи той крест целуют,
Кресту твоему поклоняемся владыко глаголют.
Ясно бо о обители сей описую,
О велицей же церкви зде ознаменую,
Господа Иисуса Христа Воскресении,
Глаголю же о начатии и о свершении:
165 году, Святейшей Патриарх Никон здати пача
Древяную первее церковь ту исконча,
Еще правивщу Ему престол Патриарший,
Апостольские Святые Церкви бе старший,

Шествие творя в сей монастырь Воскресенский.
Бе бо с ним и собор Священный Архиерейский,
На освящение храма деревяного,
Еже есть Воскресения си тридневного,
Освящению бывшу месяца Июня,
Оного же седмонадесятого си дня,
И бе ту Царь Благоверный на освящении,
Боляра и весь сигклит Царский в приобщении;
Абие, по освящении храма того,
Иде Царь с Святейшим круг монастыря сего,
Радуясь, славя Христа Бога о сем,
Таково дело наченшем здати в месте сем,
Христа Бога в помощь Святейший призывая,
Еже вящше здание начати желая,
И дошедшима има горы Елеона,
Лавры сея к Востоку бе прямо Сиона,
Места сего на широту пространства зряше
Сюду и сюду, и возлюби тое вящше,
Абие Царь благочестивый сице рече,
Имя монастырю сему тако нарече:
Новый Иерусалим Воскресенский,
Яко же и древний Иерусалим Палестинский,
Да будет звание сей обители вечно,
Имя бо сие святого града бе честно,
Руки своя писанием изобрази,
Царь Благочестивый мнение всем яви,
Иже глаголют яко Никон сам прорече;
Еже новый Иерусалим, тако бо Царь нарече;
То писание Патриарх в ковчежец вложи,
Ради вечного благословения положи.
Нынешнего настоящего лета, от Мироздания 7165-го,
От Христова Воплощения 1650-го года седьмого,
Месяца Октоврия числа надесять осьмого,
Крест идеже престолу быти водрузи,
И яко на камени основания положи,
И свидетельствует о сем той водруженный
Онй крест на горе Елеоне каменный.

Крест той письменный подписан в показание,
Во знамение всем чтущим в познание;
Аще кто хочет истинно о сем уведать
Сам да идет на Елеон гору Святу да видит.
Начата же бысть сия церковь велика монастырская,
Такова яко же бе и Палестинская,
Оного лета еще бывшу Патриархом на престоле,
Российска царства на Архиерейском столе,
Року того м-ца Июля в 10 день отъиде,
От царствующего града семо прииде;
Ибо зданию сему тщательно прилежа
И жив зде, от осмь лет., мес. 3, Богови служа,
Сим бо летом пришедшим отсюда преселен,
Тако изволившу Богу далече свезен,
И в Белоезеров монастырь Ферапонтов,
На вящий бо труд и терпение в Кирилов,
Абие пять лет тамо пребывавшу,
А зданию во обители сей преставшу.
При Святейшем Никоне-Патриархе
Зделано Великие церкви в высоту 15 сажен.
Паки в лето бысть 187-е—(1679)
Человеколюбец Бог призре на святое:
Ибо во царство бе Царя си благосерда,
Еже и ко обители сей милосердца,
Самодержца Феодора Благочестива,
Тишайшего Государя Христолюбива,
Абие церковь сию подвизати нача,
И в царствие свое тоя не dokonча.
Любовию сердца о святейшем возжале,
Из Кирилова бо его взяти повеле,
Смерть бо того в Ярославле сконча на пути,
К Богу отъиде обители не допусти;
Ибо о сем Царь благочестивый возжале,
Того в Лавру Воскресенску вести повеле,
Юже сам Никон Патриарх сию заложил,
Оного бо тело Царь ту во гроб положи
В церкви Святого Предтечи Иоанна,

Под Голгофой что с камене сдоблена,
Идеже разсидеся в страсть ту гора Креста Святого Христова
Скважнею той кровь Христова течет на главу Адамову;
Там гроб Мелхиседека Архиерея Иерусалимского,
Зде же гроб Никона Патриарха Московского,
О сем бо заповеда нам сам, егда жив бе,
По умертвии, тело свое положить зде,
Есть же и писание руки его о сем
Во обители сей доднесь видимо всем.
Се бо вскоре и Царь Феодор к Богу отыде,
Самодержавнейший сего света сниде.
Лавры же сея не остави Бог в презрении,
Еже мнози мнеша быти в совершении,
О еже верой своею к Господу Богу,
Милость же творя ко обители сей премногу
Благородная Государыня Цесаревна
Татиана Михайловна Великая Княжна
Ревнуя по Господе Бозе всеусердно,
Тщательно желая створити благосердно,
Недокончаемое дело навести,
Сию великую Церковь совершити,
Обитель сию в толикую славу облече,
Бодрым бо своим тцанием к любви притече
Великих Государей Царей и Великих Князей
Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича
Великие и Малые и Белые России Самодержцев всея;
Они же яко истинные послушатели,
Великие бо Монарси и Правители Милостивым призрением
своим призреша,
Церковь бо сию свершити благоволиша;
Но в Царство Их Великих Государей свершися
Сия великая церковь и украсися
Казной их великих Государей здаша,
Пребогатых бо даянием во вся быша,
Ко освящению Церкви сея сподобляя,
Вся же потребные вещи устрояя.
Государыня благородная Царевна

И Великая Княжна Татиана Михайловна
Из своих сокровищ лучшая своя ту вда,
Церкви бо и олтаревы вся Богу преда
Жизни бо вечные на небеси желая,
Устрои дом Божий надежду полагая,
На небесная бо и вечная взирая,
Славу мира и земная вся презирая,
Уготова к освящению прекрасну,
Ущательне устроиша в России преславно,
Юже Всесвятейший Иоаким Патриарх
Российский освяти ю яко Иерарх;
Ту бе на освящении Царское Величество,
Освященный Собор, Сигклит и народ множество
Архиереи: Варсонофий Митрополит Сарский и Подонский,
И Гавриил Архиепископ Нижегородский,
Афанасий Архиепископ Колмогорский,
И Архимандрит Никифор Воскресенский.
Богу изволившу совершиться сему,
Такову зданию мнози дивятся всему;
Людие вернии приходяще отовсюду,
Еже бо слава изыде о сем повсюду:
Иностраннии издалече шествие творят,
Любезне со удивлением здания зрят.
Церковь же сия освятися в пролетие.
Бе тогда 7193-тие мца Генуария осмонадесятое,
Убо сим настоящим летом совершена
Ѣже сложенную сию таблицу скончена.

В конце в одну строку есть особая приписка; но нельзя разобрать потому, что камни обломаны по краям. Вся надпись высечена вглубь на белых изжелта каменных плитах; она шириной 9½, вышиной 20 четвертей.

Надпись сия примечательна тем, что в ней заключается целая история Воскресенского монастыря, до разрушения соборного шатра и до возобновления его по повелению Императрицы Елисаветы Петровны. Она сочинена Архимандритом Никанором, бывшим настоятелем от 1686 до 1698 года.

XXIII.

1656 Июня 13 Царская грамота Каргопольскому воеводе Федору Малыгину, о дозволении Патриарху Никону построи́т на Кие-острове Крестный монастырь.

От Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея великие и малые и белые России Самодержца, в Каргополь, воеводе нашему Федору Игнатьевичу Малыгину. Бил нам челом отец наш и богомолец, великий Государь Святейший Никон, Патриарх Московский и всея великие и малые и белые России: в прошлом де во 147 году, как он великий Государь Святейший Никон Патриарх ехал из Анзерского скиту, и в те де поры от морского великого волнения едва не потоплен; но упоая на силу Животворящего креста, спасен пред Онежским устьем к пристанищу к Ки-острову; и будучи де на том острове, на воспоминание того своего спасения, водрузил на том месте Святый и Животворящий крест; и как де, по нашему Великому Государю Указу, во 160 году, посылан он Великий Государь Святейший Никон Патриарх по мощи Чудотворца Филиппа Митрополита в Соловецкий монастырь, и с его де чудотворными мощми из Соловецкого монастыря мощем едучи, на том месте благоволил Бог ему великому Государю пристать, и тот честный крест, которой прежде он на том месте водрузил, силой Распятого на нем стоит в целости; а тот де остров пуст, и ничьих никаких угодий на нем нет, и быть тут жилецким людем нелзе, потому что на том месте все камень голой; а силой де того Животворящего креста, которой на том месте водрузил; мнози веру держаще к нему, от морского потопления спасаются; а как де с мощми Чудотворца Филиппа стоял, и обещался на том месте поставить церковь и монастырек соградить, Гречески Ставрос, а Руски Крестный, во имя честного и животворящего креста и святого священно-мученика Чудотворца Филиппа Митрополита и нам бы его отца нашего и богомолца, великого Государя Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея великие и малые и белые России, пожаловать, поволить ему на том острове, идеже честный крест водрузил, поставить церковь

и монастырек соградить во имя честного и животворящего креста и Святого Чудотворца Филиппа Митрополита, и жити ту иноком, взявши крест свой на рамо и последовати Распятому на кресте Иисусу Христу. И мы Великий Государь отца нашего и богомолца. Великого Государя святейшего Никона, Патриарха Московского и всея великие и малые и белые России, пожаловали, велели ему, по обещаенью, на том острову церковь поставить и монастырь соградить, имянуемый Ставрос.—И как к тебе ся наша грамота придет, а кто с сею нашею государской грамотой от отца нашего и богомолца, великого Государя Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея великие и малые и белые России в Каргополь для строенья церкви и монастырь соградить приедет, и ты б ему на том Кие острове, что пред Онежским устьем, церковь ставить и монастырь соградить велел. А прочет сю нашу грамоту и списав с нее список слово в слово, оставил у себя е съезжей избе, а сю нашу грамоту отдал бы еси тому, кого отец наш и богомолец, великий Государь Святейший Никон, Патриарх Московский и всея великие и малые и белые России, с сею нашею грамотой в Каргополь пришлет. Писан на Москве, лета 7164 Июня в 13 день.

XXIV.

1657 Ноября 18 Патриаршая грамота в Иверский монастырь, о разных приготовлениях, по случаю предстоящего приезда в оный Государя и Патриарха.

Благословение Великого Государя Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея великие и малые и белые России, в Новгородской уезд, в наше великого Государя строение в Иверской пречистые Богородицы монастырь, Архимандриту Дионисию с братьею. Ведомо вам даем: Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея великие и малые и белые России Самодержец, аще время послужит, наших ради святых молитв хочет Пресвятые Богородицы Иверской монастырь посетить; и наш Великого Государя поход в Иверской пречистые Богородицы монастырь будет же к вам, после Рождества Христова нынешнего 166 году. И как к вам ся наша грамота придет, и вам бы в монастыре пречистые Богородицы, в соборной каменной церкви убрать образы и всякую утварь стройно и чинно, со всяким усердием, чтоб было дивно и стройно; а за правым крылосом, у столца, сделать бы вам, к Царскому пришествию, Царское место деревянное и велеть, вырезать хорошо и вызолотить, чтоб было гораздо стройно и дивно; а будет вам Царского места вырезать и позолотить не успеть, и вам бы Царское место убрать гораздо хорошо бархаты и отласы златоглавными, чтоб было стройно и к Царскому Величеству пристойно. А нам великому Государю устроить место за левым крылосом, у столпж, по нашему великого Государя достоинству. А что у столпа, у которого ныне быть Царскому месту, поставлены были гостиные места, и те места от столпа снять и поставить в ином месте, где пригоже, потому что те гостиные места плохи и Царского Величества к стоянию непристойны; да и хоры б вам в церкви построить хорошенько, как возможно; а будет хоров всех построить невозможно, и вам бы построить хор хотя вверху во главе стройно, а однолично б вам, без всякого отменения, хор ко главе построить, и все в церкви убрать изрядно и дивно, чтоб к

Царскому и к нашему пришествию пристойно было и в подавление всем зрящим. Да выбрати б вам из братьи по портесу певцов добрых и красногласных, чтоб во все строки набрать хотя и слишком. А в том нас простите, что мы Великий Государь на вас по се число гнев наш имели, и никогда не хотели к вам в монастырь ходить, за то, что колоколни каменной нынешнего лета не поставили; даром лето пропустили, а нынеб вам одноконечно велеть тотчас, на спех, срубить колоколница возле большего колокола, по которую сторону пристойнее, чтоб колокола все перенести и поставить в одном месте, а сделать колоколницу в вышину сажень четырех или пяти, и покрыть хорошенько шатром, чтоб было пригоже, а будет у вас колоколов на новую колоколницу поднять не кому, и вам бы о том к нам отписать, и мы подъемщиков к вам в монастырь пришлем с Москвы тотчас; а тогоб вам не учинить, что новой колоколни к Государскому и нашему нынешнему пришествию не поставить, второе б вам на себя нашего гневу не навести, також, что и про каменую колоколню, за преслушание ваше.—Писали вы к нам, что на кресты золота не стало, и мы послали к вам четыреста золотых, и вам бы кресты позолотить; а будет запарным золотом крестов за чем позолотить будет не мочно, и вам бы хотя по олифе позолотить, а будет мастеров у вас нет, и вам бы тотчас к нам Великому Государю отписать, и мы Великий Государь мастеров, кому золотить, к вам велим тотчас прислать. Да будет возможно, наши Великого Государя кельи перенести и поставить против церковных западных дверей, идучи к церкви, на левой стороне, или против северных дверей, на высоком месте на горке; а будет вы к нынешнему нашему пришествию наших келей не сделаете, и нам великому Государю стоять негде и пришествия нашего за тем к вам не будет, а на старом месте стоять нам великому Государю непригоже, потому что место худо, заглушно и низко, и от церкви далеко: и вам бы однолично наши кельи перенести и поставить стройным обычаем; да и всеб у нас в монастыре было чисто, пригоже, и стройно, и кельи б тако же все были стройны и совсем уряжены, и в кельях бы было убрано, а что где попортилось и тоб починить с раденьем. А

город бы был весь покрыт и построен, а которые места не поделаны, и вам бы велеть поделать все, и башни б все также были построены и покрыты, и наряд по башням и по городу весь бы был поставлен, и оружиеб все было вычищено и готово, и стрельцов и пушкарей убрать и устроить хорошо и пушкари б умели стрелять; а устроить бы пушкарей добрых, чтоб у всякой пушки было по особному пушкарю, а стрельцов прибрать из крестьянских детей, добрых и хороших молодцов, чтоб всех стрелцов и с новоприборными было сто человек, и тех новоприборных стрелцов выучить стрелбе. Да и к пустынником бы к кельям велеть дорогу прочистить, сажени в три, чтоб Государю мочно итти без нужды, да и о то бы вам порадеть, чтоб пустынников поумножить, человек бы хотя до десятка. Да и на гостине дворе в селе Богородицыне велеть все хоромы починить, чтоб все было стройно. А как Царское пришествие в Иверской Пресвятыне Богородицы монастырь к вам будет, и от нас великого Государя к вам для того прислан будет гонец с вестью; и вам бы однолично, с нынешнего числа, для Царского и нашего пришествия, послать на дорогу, во все Иверского монастыря села по двором где Государевым и нашим станом быть, старцов добрых и велеть на всех тех дворах изготовить овса по сту четьи, сена по двести возов, свежей колотой всякой рыбы по два воза, по бочке сига, или иной какой рыбы по бочке ж, по два быка, по три барана, да на всяком же стану велеть по два пива сварить. А в селе Ёдрове, будет возможно, наш двор велеть перенести к церкви и поставить против церкви, боком к церкви, также что и крестьянские дворы, и сделать двор пространной, а в селе Медне одноконечно б вам велеть, для Царского и нашего шествия, сделать и построить двор пространной на старом месте, а будет под тот двор старого места мало, велеть припустить крестьянских дворов, а крестьяном тем для дворовой их ставки дать льготы и велеть им поставиться на ином месте; да и на Вышнем Волочке двор велеть бы вам достроить и огородить и совсем совершить, против иных дворов, без всякого отчанья, чтоб на всех станех во дворах все было чисто и стройно, и всякой обиход, как писано выше сего, был бы изготовлен сполна. А в большом

Пресвятые Богородицы в Иверском монастыре велеть бы вам, к Государскому и нашему пришествию, пив варить и медов ставить гораздо слишком, и велеть квасы малиновые и черемховые и вишневые готовить слишком же; а в селе Богородицыне приготовить сена возов пять сот и больши, овса четвертей пять сот же или и больши, муки пшеничной доброй и круп и масла коровья и конопляного и всяких запасов и столовых обиходов изобильно, чтоб всего было много, да и яблок в патоке и свежих изготовить; а рыбу велеть ловить, судоки и лещи и щуку и сомы и лини и всякую рыбу и сажать ту рыбу живую в озеро, а озерко, в которое ту рыбу сажать, приискать не большое, чтоб было чисто, от монастыря хотя верстах в трех или в четырех или и в пяти, толкоб рыбу не поморить, или будет мочно сделать прудок на той речке, что под конюшенным двором, или где пристойно, да и свежей всякой колотой рыбы приготовить потому ж слишком; а в Ситине велеть рыбу ловить невода в три или в четыре, и готовить живую рыбу и сажать где возможно неводом поймать, а иная колоть, також и на Пирове велеть рыбу ловить невода в четыре или и в пять, да и по всем озером велеть рыбу ловить безпрестанно, чтоб живой и колотой и бочечной соленой рыбы и пластей под парованных приготовить гораздо слишком, чтоб однолично про Государев и про наш обиход никакой рыбы не купить; да изготвить в селе Богородицы десять быков и яловиц, да двадцать баранов и яриц, да десять гусей живых. А на Святе озере велеть бы вам монастырскими и крестьянскими неводами, возле берегов и от монастыря в дальних местех, рыбу ловить без лени, а около монастыря в затонех и в ближних и приметных местех неводами рыбы ловить не велеть, чтоб рыба до нашего пришествия не полошилась, и по приметным местам класть рыбе квасная дробина. Да к Государскому ж и к нашему пришествию влеть бы вам приготовить четыре невода новых добрых, да и крестьянам так не велеть приготовить неводы целые и не дироватые, чтоб однолично к Государскому и к нашему пришествию неводы были готовы чем рыбу ловить, а суды б большие и карбасы велеть поставить ныне у монастыря, на приметном месте, все вкупе, чтоб посмотреть было хорошо. Да вам же бы Иверского

монастыря из братии убрать двенадцать братьев, пред Царем и пред нами орацию говорить, краткую и богословную и похвальную, за его к вам Царское посещение, и нам великому Государю орацию изготовить потомуж; да убрать младенцев дванадцать же, или и множае, колько обрящется, и выучить також к Царскому и к нашему пришествию орацию говорить, краткую и богословную и похвальную; також изготовить бы вам орацию и к Царскому и нашему из Иверского монастыря отшествию, и убрать тех младенцев также хорошенько по обычаю, как у Епископов священосцы бывают, золотными или иными какими платны мочна, чтоб было велми дивно, и свечь бы вам, с чем Государя и нас встречать, велеть сделать со сто и болши, чтоб светлее того сделать, как вы нас Великого Государя встречали. А над отцем Игуменом Иоилем убрать бы вам стройно порты златоглавыми. А серого жеребца велеть кормить гораздо и беречь чтоб пригодился Государю подвесьть, да иных бы вам лошадей на конюшне велеть кормить и беречь, чтоб на конюшне было чего посмотреть. А с содедми б вам и с околными людьми одноконечно жить безсорно и безмятежно; а будет есть у вас с кем ссора, и вам бы с теми людьми как нибудь сделаться, чтоб при Государском пришествии ни от кого на вас челобитья не было, что б вам от Царского Величества на себя в том кручины и гневу не навесьть и огласкиб в том лихия не было, чтоб всяк род вас благословил, а не клял. А старца Мефодия с братом послать бы вам от Иверского монастыря подале, к которой монастырь пригоже, в Никольской или в Боровицкой, а у себя их в монастыре отнюд не держать, да иных чмутных людей, которых либо чаять, потомуж, на то время из Иверского монастыря отослать дале, где пригоже. А однолично б вам к Государскому и нашему пришествию в Иверском монастыре, и в селех, и на дороге, устроить все по нашему указу, как писано в сей нашей грамоте выше сего, чтоб у вас все было чинно и стройно, и к чести Царского Величества пристойно. А что у вас по сему нашему указу в монастыре станет делаться, и вам бы о том писать к нам Великому Государю почасту, чтоб нам великому Государю про все было ведомо. А как наш сын боярской с сею нашею грамотой к вам в

монастырь приедет, и вам бы сю нашу грамоту прочесть на соборе, и что по сей нашей Великого Государя грамоте вам построить и изготовить не возможно, и вам бы с собору к нам Великому Государю отписать о всем подлинно, порознь, а отписку прислать к нам с тем же нашим гонцом, которой к вам сю нашу грамоту привезет, и с отпиской своею того нашего гонца к вам великому Государю отпустить тотчас, не мешкая ни часа. А милость Божия и пречистые Богородицы, и Великих Святителей Петра и Алексея и Ионы и Филиппа Московских и всея Руси Чудотворцев молитвы, и нашего смирения благословение, да есть и будет с вами ныне и во веки. Писан на Москве, лета 7166 Ноября в 18 день, в четвертом часу дня.

Замечание

Перед Патриаршеством Никона зло раскольников до такой степени укоренилось и при Дворе, и в духовенстве и в народе, что великий Никон должен быть пасть жертвой раскола, как бы он ни действовал: медленно или быстро, кротко или бурно. Действуя медленно и кротко, он ничего бы не успел; действуя быстро и бурно, он исправил книги, утвердил все свое духовенство в Православии, водворил порядок, и принудил раскольников явно отделиться от избранного стада. Событие, спасительное для тогдашнего состояния церкви: струп отвалился—рана зажила. Но Никон пал, страдал для приращения тяготы будущей славы его. Некоторые историки наши в Никоне хотят видеть Папу, а то и забывают, что в России Папа не возможен; ибо наш Патриарх—подданный Царя, а Папа Владелец Самодержавный. Наш Патриарх избирался Собором Царя, Духовенства, вельмож и гласом народа, Собором судился, Собором и низлагался. Папы Римские всегда были и суть вне всего этого. Как Гражданин—наш Патриарх всегда подлежал Суду Царскому. Сколько Соборов поднималось на свержение Пап, и ничего не сделали; а со всемогущим Никоном Собор поступил, Богу так попустившу, со всею строгостию, так же как и с последним послушником,—и никто, ниже сам Никон, и не подумал воспротивиться законной власти. Первая основа Православия—Самоотвержение, отвержение всего мирского и послушание всякой власти. Доколе в России Православие, Папство не возможно. Самовластие—главная черта Папской ереси, не возможно в России. Наш не стяжательный и не любочестивый народ, искони привык видеть в своих Святителях образ покорности властям и отрешения от всего, яже от мира сего суть, и не потерпет у себя ни одного дня Папу, похитителя мирской власти. Напротив, сам Никон, из всех Патриархов был преданнейший подданный Царя, и безкорыстнейший попечитель о благе Церкви и народа; и действительно, Никон искренно положил самый живот свой за благо Церкви и спасение народа, ибо он менее всех видел всю

бездну зла, видел всю злокозненность лжеучителей, ополчившихся на пагубу душ ему вверенных, и не мог не действовать так как он действовал, по зрелому убеждению, что с народом Русским того времени, полумеры—все погубят, и крутой поворот дела необходим. Когда он кончил свое дело, Господь попустил ему, да сокрушит остатки его я, забыться на одну минуту: отказаться самовольно от Патриаршеского Престола.—Враги воспользовались предложением, низложили его, а Православие, им утвержденное, восторжествовало. Не сойди он с Престола Патриаршего, расколы долго бы раздирали церковь; равно и то: не действуй Никон так ревностно, расколы не преставали бы раздирать церковь; теперь, расколы только существуют, но уже не раздирают и не могут раздирать мира и целостности церковной. И это дело Никона!

Вскоре по занятии Патриаршеской Кафедры, осматривая Патриаршую ризницу, Никон нашел в ней древния грамоты и вещи, сильно подвигшая его поспешить исправлением книг: в грамотах Константинопольского Патриарха Иеремии и Собора Греческого, на имя первого Русского Патриарха Иова, прочел он, какое страшное осуждение лежит за каждое нововведение в чине православной Церкви, противное её уставам—и ужаснулся. Далее, на древнем саккосе Митрополита Фотия, присланном из Греции, он прочел подлинный Символ веры, и еще более ужаснулся, увидя, что с ним не сходен Символ в Русских печатных книгах, а равно и самый чин тогдашней литургии разнился с древнейшими списками оной. Ясно, что сам Никон не мог не считать себя ответчиком пред Богом;—вот исходная точка его ревности, в которой он не щадил первого себя, а за тем уже и никого из противившихся его праведным начинаниям! Нельзя было долее медлить: и он, как Петр Великий, совершал то, на что был призван. Где же тут Папа? Истинно великий муж был Никон, в 6-ть лет совершивший то, чего не могли до него сделать все бывшие Митрополиты и Патриархи Московские, с 1464 по 1662 год, в течении 200 лет. Никона низложили; но Собор при Патриархе Иоасафе 2-м, в присутствии Восточных Патриархов, равный достоинством Вселенскому, признал веру Никонову чистою, его исправление

книг правильным и с духом православной Церкви сходным, уничтожил древние суемудрые толки Стоглавного Собора, (и опровергнул совершенные раскольничьи толки монаха Капитона, попов Лазаря, Никиты и Аввакума, о Кресте и сложении перстов, о имени Иисусове, о Символе и удвоении аллилуия, уничтожил и все их возражения на книгу Скрижаль, изданную Никоном. Короче, что Никон совершил один, то самое Собор, низложивший одного Никона, передал всем, водворил, умирил Церковь и утвердил Православие. Раскол, как плевелы, сам собой отделился от шпеницы—и это было истинное благо Церкви, запечатленное и упроченное страданием его виновника. Но и драхму погибшую надлежит отыскивать со всевозможным тщанием, и не давать волкам уносить из стада ниже единой из неосторожных овец.

(Из Маяка 1844 г.)

Конец.

Примечания

¹ - В описании Русских и Славянских рукописей Румянцевского Музея А. Востокова житие М. Илариона. Спб. 1842, в 4.

² - Находится в открытом море почти на середине разверстия Онежской губы, на острове Анзерском, по которому и название сие имеет; от Соловецкого монастыря в 20, от Кемского города в 80, от Сумского острога во 100, а от Архангельска в 200 верстах.

³ - Церковь сия 1585 года перенесена из Соловецкого монастыря, по грамоте Преосвященного Александра Архиепископа Великого Новаграда и Пскова.

⁴ - Каменная настоящая церковь выстроена 1634 года на деньги, присланные от Великой Старицы Марфы Ивановны на церковное строение и на поминование Св. Патриарха Филарета Никитича; она и ныне находится: в ней главный храм во имя Живоначальные Троицы; в паперти два придела, один во имя Преподобного Михаила Малеина, а другой в честь Знамения Пресвятой Богородицы.

⁵ - На оном Никон 1656 года Июня 13 дня по грамоте Царя Алексея Михайловича выстроил крестный монастырь, находящийся от города Онеги прямо чрез море в 15, от города же Архангельска в 233 верстах, Царской жалованной и своею келейной казною, во исполнение своего обещания, по следующему случаю: будучи Митрополитом Новгородским, по указу Царя Алексея Михайловича, 1652 послан он был в Соловецкий монастырь за чудотворными мощами Филиппа Митрополита, и благоволил Бог ему, в обратном его из Соловецкого монастыря с теми чудотворными мощами шествии, пристать в другой раз на том Кие острове. Здесь нашел он водруженный прежде им крест в целости—без повреждения, и притом услышал, что многие, к тому кресту имея веру, спасаются от потопления морского также что на оном острове никаких и ни чьих угодий не имеется, и постоянным владельцам

частным быть тут не у чего. Геогр. ист. и стат. описание Соловецкого монастыря, сост. А. Досифеем. М. 1836, в 8.

⁶ - Пустыня сия упразднена по Штатам 1764 года. Она находилась Новгородской Епархии в Каргопольском уезде, разстоянием от Новгорода 920 верст, а от Онеги 120. Ист. Рос. Иер. 1, в 8.

⁷ - В Анзерском ските монахи виделись друг с другом только во время церковного Богослужения. Все они питались от подаяния хлебом и рыбою, с твердой земли присылаемого им; или рыбаками привозимого. Церковь находилась на самой середине острова в равном разстоянии от каждой кельи, коих было двенадцать, и одна от другой около двух верст. Монахи в субботние дни и в навечерия праздников собирались в церковь, провождали в ней целые ночи и до половины следующего дня, потом опять уходили в свои безмолвные жилища.

⁸ - Повествование о России Г. Арцыбышева, т. III.

⁹ - Смотри в Каталоге Санктпетербургской Академии Наук.

¹⁰ - Сия Типография переведена в Иверский монастырь. В ней в 1659 году напечатаны: книга под названием Рай мысленный; Сказание о Иверском Монастыре в Св. горе и о Портлисской иконе, Послание ко всем православным христианам; Сказание о созидании Онежского Крестного монастыря, Канон молебный о соединении веры православные, и Молебное пение о умирении Церкви Св. Восточные без означения года, в 4 листа, для убеждения раскольников; еще Часослов 1658 года. Но 1666 года, 30 Ноября типография сия, по грамоте Никона, переведена в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, откуда 1680 года перемещена во Дворец и названа верхнею; и в ней 1680 года напечатаны: Тестament Василия Царя Греческого, Псалтирь переведенная стихами Симеоном Полоцким и другия книги егоже сочинения.

¹¹ - См. повседневные Придвор. записки, 1652 года, 20 Января.

¹² - См. Церк. Росс. Истор. Преосв. Митр. Платона, ч. 2, стр. 67 и 235.

¹³ - Святый Филипп пострадал в царствование Иоанна Васильевича от начальника Опричников Скураты, и в Отроче монастыре задушен подушками в своей келье. Тело убиенного Святителя, спустя несколько лет, обретено нетленным. Соловецкого монастыря Игумен Иаков с братиею просил Царя Феодора Иоанновича о перенесении мощей его в Соловецкий монастырь, в котором страдалец принял монашеское звание и Игуменство; а потому 1684 г. мощи его из Отроча монастыря в Соловецкий перенесены в Собор. Преображ. Церковь, а 1652 г., по указу Царя Алексея Михайловича, в Москву перенесены Митрополитом Никоном в сопровождении Болярина Князя Ивана Никитича Хованского.

¹⁴ - См. о Патриархе Иове Словарь истор. дух. чина.

¹⁵ - Библиот. для чтения том XV, ч. 2. 1836 г.
Странствование Патриарха Антиох. Макария.

¹⁶ - Смотри Акты Археограф. Экспедиции, т. IV.

¹⁷ - Смотри 2 ч. Начертания церк. Ист. Преосв. Иннокентия Пензенского и Крат. Церк. Ист. Преосв. Митропол. Платона, изд. втор. т. 2. стр. 233 и 234, где между прочим ссылкой на книгу Князя Гагарина напечатано следующее: „По кончине Патриарха Иосифа, Государь послал к Митрополиту Никону, тогда в Новгороде бывшему, весьма благосклонное и преласковое письмо, вознося чрезмерно его достоинства и призывал его на собор для избрания Патриарха, довольно означая, что он желает ему быть Патриархом. Как Никон от того отрицался и многократно звание сие принять не соглашался; но напоследок Государь сам с Архиеереями и с Болярами пришел в Успенский Собор, куда призванного Никона Государь со всеми упрашивал, чтобы он согласился. Но как Никон при сем в своем отрицании пребывал: то Государь, преклонившись на землю и лежа, со всеми людьми, и со многими слезами молил его, да согласится быть Архипастырем. Никон, видя таковое чрезмерное Государя желание и снисхождение, устыдился и вспомня Божие слово, яко сердце цареве в руке Божией, наконец согласился; однако требовал от Государя и ото всех, чтобы они дали слово и сотворили завет в Соборной церкви пред Господом Богом, чтобы они обещались непреложно его во всем слушати, яко

Архипастыря и отца верховнейшего, и что он на сем условии от их прошения отрещися не может. Государь Царь и с Боляры и со всем освященным Собором то обещание дали и свидетельствовали Господом Богом, пред Св. его Евангелием и честными иконами. И так посем совершилось его на Патриаршеский Престол возведение в 1652 году.

¹⁸ - Истор. разсуждение вообще о древнем Христианском Богослужбном пении и особенно о пении Российской Церкви. Спб. 1804 г. в 4.

¹⁹ - А именно: Ватопедского Св. Афанасия, Св. Дионисия Пантократора, Киропотама, Есфигмена Св. Филофея, Ставроникита Иверского, и из библиотеки Венецианского врача И. Розори 500 старописанных книг.

²⁰ - Кроме сего Евангелия, присланы следующие книги: Евангелие, писанное за 650 лет, Псалтирь же писана при Греческом Царе Алексие Комнине за 600 лет. Служебник за 600 лет и другой служебник за 400 лет и проч. Еванг. Псалтирь и Пророческие книги Апокалипсис Св. Отцами восточными изрядно истолкованы, к сим Св. Дионисия Ареопагита, Вас. Великого, I. Златоустого, Иоан. Дамаскина и многих Святых такие же Уставы, Октои, Триоди, Минеи, Часословы и прочия св. книги, овым убо от них, от того времени, егда писаны, преидоша 700 лет, овым же 500, овым 400 лет.

²¹ - Маяк, 1844 г.

²² - Великий Государь, Святейший Никон, Архиепископ Московский, всея России, всея Северные страны и помория и многих Государств! От сего яко ему не принадлежащего Патриарх отрицался, и сие самое ему после поставлено в вину. Церк. Ист. Митр. Платона.

²³ - Патриархов дом, по упразднении Патриаршества, назван Синодальным, в коем ныне, по переведении в 1722 году в С.-Петербург Св. Синода учреждена контора оногo. При ней находится церковь дванадцати Апостолов, сооруженная Никоном Патриархом, по образцу Константинопольского храма в честь оных Апостолов, а пред самой членской камерой имеется палата со сводами длиной 18 саж., которая прежде называлась

Патриаршею Крестовою; ныне в ней совершается Мироварение, а во время Патриаршества бывали в ней церковные соборы. И последний в 1720 году об учреждении вместо Патриаршества, Святейшего Правительствующего Синода.

²⁴ - Церковь сия составляет собой крест, коего средину осеняет купол, внутренняя длина храма от стены до стены простирается, по точнейшему измерению, на 30 саж., ширина 19, высота внутри от помоста до креста 30 саж. с аршином; алтарь весьма пространный, горнее место полукруглое о девяти ступенях, и от за-алтарного здания отделено особенно каменной стеной, на коей поставлены в шести местах столпы в равном разстоянии один от другого, так что чрез промежутки оных все застроенное здание, состоящее из разных храмов и хоров, в самом разительном виде представляется взору. Посреди самой церкви воздвигнут над гробом Спасителя великолепный шатер, вышиной в 33 саж., освещенный 75 окнами, имея вокруг трое резных вызолоченных хоров, и будучи украшен 60-ю живописными картинами, изображающими пророчества о Иисусе Христе и Его страданиях с приличными к оным из Св. Писания надписями, и по огромности и великолепию своему образует величественнейшее здание.

²⁵ - Патриаршего приказа расходная книга. 7163 и 64 № 58.

²⁶ - Иннокентия Церковн. Истор. II, 569.

²⁷ - Арцыбышева повествование о России. ч. II, 144.

²⁸ - См. Словарь достопамятных людей земли Русской. Д. Бантыш-Каменского. ч. II.

²⁹ - Страшная судьба постигла судей Никона. По свидетельству рукописного сочинения Спир. Потемкина, современного сему происшествию, (в библиотеке Г. Погодина) оба Патриарха, по возвращении своем на паству, были повешены Султаном за то, что без его повеления ездили в Россию; Паисий Лигарид, обличенный во многих злоупотреблениях, лишен был паствы своей и выгнан из России; Иосиф, потом Митрополит Астраханский, мучительно убит козаками; Иларион Митрополит Муромский и Рязанский предан был суду за некоторые предосудительные поступки и отставлен

от Епархии; Мефодий, Епископ Мстиславский, удален от блюстительства Митрополии Киевской, и за измену и мятежничество потребован к суду в Москву и под стражею в Новосп. монастыре скончался.

³⁰ - Древняя Российск. Библиотека. VI, 291.

³¹ - Монастырь сей 1798 года, Апреля 27, упразднен и обращен в приходскую церковь; в числе зданий от монастыря сего оставшихся и доныне существуют каменные палаты, в которых жил Никон, в них стены росписаны изображениями пустынных жителей. Смот. послед. часть Ист. Росс. Иерархии.

³² - Смотр. Ист. церк. Преосв. Иннокентия, стр. 576 и Крат. иер. Ист. Митр. Платона, том 2, стр. 242, где между прочим, из духовного завещания Царя Алексея Михайловича напечатаны следующие слова: „От отца моего духовного, великого Господина, Святейшего Иерарха и блаженного Пастыря, аще и не есть ныне на престоле, Богу тако изволившу, прощения прошу и разрешения.“

³³ - Москвитянин 1843 года, № XI, стр. 269.

³⁴ - Оный вскоре по погребении Патриарха Никона, по воле Государя, хиротонисан Епископом Звенигородским и Архангельским; потом, по посвящении, переведен в Коломну, не был никогда на чреде в Москве и проживал во своей Епархии, а когда скончался Патриарх Иоаким: то некоторые избирали его на Патриаршество.

³⁵ - Именно Государыни Царицы Наталии Кирилловны, Государыни Царицы Марфы Матвеевны, Государя Царевича и Великого Князя Петра Алексеевича, Государынь Царевен и Великих Княжн, Татианы Михайловны, Евдокеи Алексеевны, Марфы Алексеевны, Софии Алексеевны, Екатерины Алексеевны, Марии Алексеевны, Евдокии Алексеевны и Наталии Алексеевны.

³⁶ - См. Арцыбышева повествование о России, I, стр. 61 пр. 454, где объясняется древность сего обычая на Руси.

³⁷ - Без означения года, Февраля 27, следует быть в 1653 году.